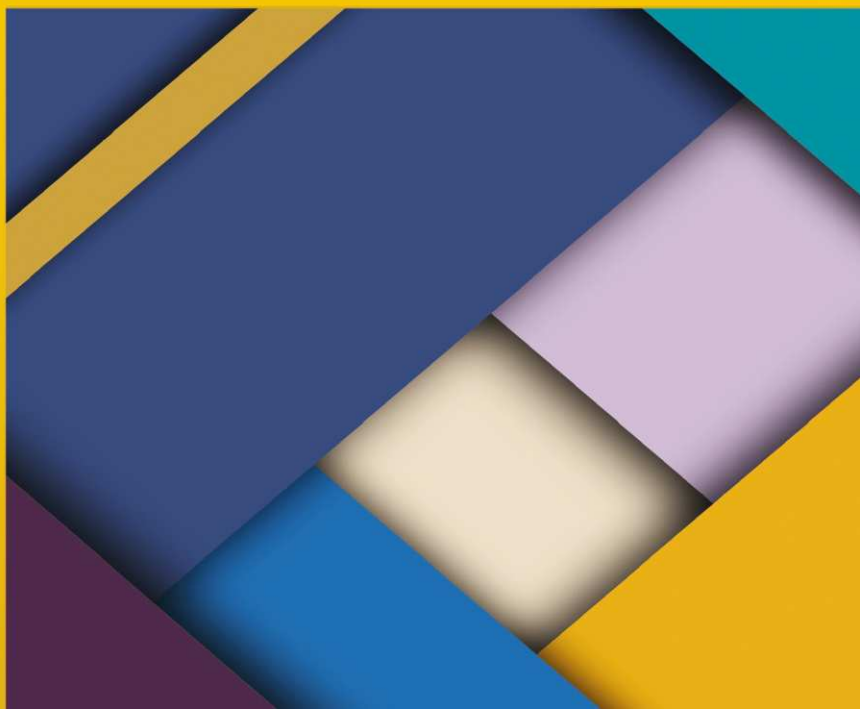

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 14, Number 3
2022

Современные исследования социальных проблем

Том 14, № 3
2022

Modern Studies of Social Issues

Volume 14, Number 3
2022

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2022

12+

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 14, № 3, 2022 / Vol. 14, No 3, 2022

<p>Учредитель и издатель: ООО Научно-инновационный центр</p> <p>Журнал основан в 2009 году Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство регистрации ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.</p> <p>Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук</p> <p>Индексирование и реферирование: РИНЦ Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE ЭБС IPRbooks ЭБС Znanium ЭБС Лань</p> <p>Адрес редакции, издателя и для корреспонденции: Россия, 660127, Красноярский край, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192 E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» – 94088</p>	<p>Founder and publisher: Science and Innovation Center Publishing House</p> <p>Founded 2009 The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control Mass media registration certificate PI № FS 77-39176, issued March 17, 2010.</p> <p>Modern Studies of Social Issues is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses</p> <p>Indexing and Abstracting: RSCI Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE IPRbooks Znanium Lan'</p> <p>Editorial Board Office: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Subscription index in the 'The Russian Post' General catalog – 94088</p>
---	---

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2022

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Ермаковна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkaliev – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-14-47

УДК 93/94+902

ИМИТАЦИЯ И СИМУЛЯЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ НАРРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЕВАЛИЗМЕ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И ЕЕ (ДЕ)КОНСТРУКЦИИ

М.В. Кирчанов

Цель. Целью статьи является анализ конструируемого «средневекового» нарратива в текстах Дж. Мартина и других американских авторов, формирующих синтетические версии политической, социальной, культурной и религиозной истории Семи Королевств.

Новизна статьи состоит в изучении особенностей исторического нарратива в текстах Дж. Мартина в контекстах его имитации и симуляции средневековой нарративной структуры текста в сочетании с элементами и приемами постмодернистской прозы.

Методология. Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии, предложенных в интеллектуальной и культуральной истории, а также в рамках изучения медиэвализма как синтетической формы массовых представлений о Средневековье в современном обществе потребления.

Результаты. Предполагается, что Дж. Мартин и его соавторы предложили успешную модель имитации средневекового исторического нарратива, симулируя стилистику и нарративные приемы средневековых исторических сочинений. В представленной статье проанализированы проблемы исторического нарратива в контекстах воображения, изобретения, симуляции, имитации, конструкции и деконструкции. Автор анализирует системные темы, формирующие исторический нарратив Дж. Мартина. Автор полагает, что хроно-

логия, религиозность, гетерогенный характер текста, образы Инаковости, наличие героя истории составляют базис имитируемого средневекового исторического нарратива. Показано, что формально тексты Дж. Мартина имитируют стилистику средневековой наррации, но фактически актуализируют потенциал симуляции и имитации современной постмодернистской культуры.

Выводы. В статье показано, что 1) Дж. Мартин и его соавторы воспроизводят условный «средневековый» текст, который фактически является конструктом, 2) анализируемый текст может быть интерпретирован в категориях конструкции, деконструкции, ассимиляции, симуляции и имитации, 3) анализируемый нарратив представляет собой форму деконструкции прошлого, конструируя альтернативные и параллельные образы Средневековья, 4) тексты Дж. Мартина могут быть описаны как попытки ассимиляции академической медиевистики и массового культурного медиевализма.

Ключевые слова: Джордж Мартин; «Песнь Льда и Пламени»; исторический нарратив; историческое воображение; тексты как конструкты

IMITATION AND SIMULATION OF THE MEDIEVAL NARRATIONS IN MODERN MEDIEVALISM: FEATURES OF THE STRUCTURE AND ITS (DE)CONSTRUCTION

M.W. Kyrchanoff

Goal. The goal of the article is to analyze the constructed “medieval” narrative in the texts of George Martin and other American authors, who form synthetic versions of the political, social, cultural and religious history of the Seven Kingdoms.

The novelty of the article lies in the study of the features of the historical narrative in the texts of George Martin in contexts of its imitation and simulation of the medieval narrative structure of the text in combination with elements and techniques of postmodern prose.

Methodology. *Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography proposed in intellectual and cultural history, as well as in the study of medievalism as a synthetic form of mass ideas about the Middle Ages in the modern consumer society.*

Results. *It is assumed that George Martin and his co-authors proposed a successful model for imitation of the medieval historical narrative, simulating the style and narrative techniques of medieval historical writings. This article analyzes the problems of historical narrative in the contexts of imagination, invention, simulation, imitation, construction and deconstruction. The author analyzes the systemic themes that form the historical narrative of George Martin. The author believes that chronology, religiosity, the heterogeneous nature of the text, images of Otherness, the presence of a hero of history form the basis of the simulated medieval historical narrative. It is shown that George Martin's texts formally imitate the style of medieval narration, but actually actualize the potential of simulation and imitation of modern postmodern culture.*

Conclusions. *The article shows that 1) George Martin and his co-authors reproduce a conditional "medieval" text, which is actually a construct, 2) the analyzed text can be interpreted in the categories of construction, deconstruction, assimilation, simulation and imitation, 3) the analyzed narrative is a form of deconstruction of the past, constructing alternative and parallel images of the Middle Ages, 4) George Martin's texts can be described as attempts to assimilate academic medievalism and mass cultural medievalism.*

Keywords: *George Martin; A Song of Ice and Fire; historical narrative; historical imagination; texts as constructs*

Введение

Формулировка проблемы. Историческая наука конструирует свои представления о прошлом при помощи нарративов, которые в комплексе формируют дискурс. Используя эти дискурсы, интеллектуалы прошлого и современные историки предлагали обществу раз-

личные версии истории. Историки оперируют множественными подобными историями, которые могут отличаться методологическими основаниями и временем их создания. В условиях доминирования постмодернизма мы в актуальной культурной ситуации вынуждены использовать не просто и не только истории как нарративы, но и истории как конструкты. Особый тип таких историй представляют те, что созданы в рамках медиевализма – одно из современных направлений массовой культуры [49], основанном на воспроизводстве мифа о Средневековье [9].

Один из нарративных типов в современной массовой культуре представлен в значительной степени меньшим числом текстов, что связано с его нарративными особенностями. Тексты, относящиеся к этому типу, представлены не литературными произведениями, коих в современной массовой литературе, как мы отметили выше, большинство, а имитациями нарратива, играющего не только описательные, но и отчасти индоктринизаторские роли, связанные с формированием исторической идентичности несуществующих «альтернативных вселенных медиевализма» [52], т.е. воображаемых обществ миров, которые, в свою очередь, конструируются в художественных текстах. Таких книг в массовой литературе, точнее – в ее медиевалистском дискурсе, крайне немного.

Наиболее значимыми и одновременно удачными следует, с одной стороны, признать тексты, формирующие канон воображаемой социальной, культурной, политической, военной и религиозной истории мира, конструируемого в произведениях Р. Толкиена [32]. С другой стороны, на современном этапе в истории американской массовой культуры актуальны попытки формирования канона истории Семи Королевств, что связано с развитием воображаемой вселенной, представленной в романах и короткой прозе Джорджа Мартина.

Эти попытки актуализируют особенности различных тенденций формирования исторического нарратива, который, не имея отношения к реальной истории, актуализирует основные формы и проявления исторического воображения как средневековых хронистов и

книжников, так и более поздних историков, которые реинтерпретировали их тексты, воспринимая последние в качестве источников.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье будет нарратив «псевдоисторических» текстов Дж. Мартина и его соавторов, актуализирующий основные особенности и закономерности исторического воображения современного общества потребления в контексте его попыток изобретения Средних веков.

Целью статьи является анализ конструируемого «средневекового» нарратива в текстах Дж. Мартина и других американских авторов, формирующих синтетические версии политической, социальной, культурной и религиозной истории Семи Королевств.

В число задач статьи входят 1) изучение особенностей и форм имитации и симуляции исторического воображения в анализируемых текстах, 2) выяснение синтетического характера формируемого нарратива, так как дискурсы, которые складываются на его основе, содержат проявления средневекового и современного исторического знания, и 3) реконструкция механизма селективного отбора «фактов» и «событий», которые позволяют авторам анализируемых текстов имитировать доминирующих в них исторический нарратив позитивистского несмотря на то, что подобные тексты фактически создаются в условиях доминирования постмодерной культуры.

Материалы и методы

Методология. Методологически представленная статья опирается на идеи, предложенные в рамках того интерпретационного механизма, который сложился в современной междисциплинарной историографии в рамках интеллектуальной истории, культуральной истории и археологии идей, при помощи которых могут анализироваться различные типы нарративов. Поэтому «при всём стремлении к объективности историк оказывается в поле нарратива» [24, с. 103].

Такая универсальность нарратива позволяет анализируемые тексты воспринимать как культурные и нарративные конструкторы, которые, интегрируя достижения академической медиевистики, форми-

руют альтернативный по своей природе дискурс, построенный на ассимиляции узнаваемых событий и героев средневековой истории в произведения, предназначенные для массового потребителя, не отягощенного университетскими курсами по медиевистике [40]. Поэтому предполагается, что анализируемые тексты предоставляют их исследователям – от историков-медиевистов до культурных антропологов – широкое пространство для интерпретаций, так как «исторические» реалии / реальности рассматриваемых произведений могут быть одновременно интерпретируемы и объясняемы через призму имагинативного и инвенционистского поворотов в исторической науке, то есть воображаемы и изобретаемы путем как конструкции, так и деконструкции.

Рассматривая тексты Дж. Мартина именно в этом контексте, мы можем предположить, что они оказались не менее важными участниками нарративного поворота [53] в современной гуманитаристике [39] с той лишь разницей от профессиональных историков-медиевистов, что не интерпретировали, но имитировали Средние века при помощи наррации. Французский историк Б. Гене в начале 1980-х гг. констатировал эрозию самого понятия «Средневековье», которого в реальности не существовало, но оно представляло собой интеллектуальный конструкт, сформированный несколькими поколениями интеллектуалов. Поэтому, согласно Б. Гене, «никогда не было духа Средневековья. Кому взбрело бы в голову сунуть в один мешок людей и учреждения VII, XI и XIV столетий?» [38, р. 2]. Дж. Мартин и другие американские писатели-фантасты, успешно реализовали этот деконструктивистский лозунг, не только создав альтернативные имитации средневековых форм наррации для несуществующих обществ, но и сделали то, от чего предостерегал Б. Гене, смешав в альтернативных медиевальных социумах события западной истории Раннего, Высокого и Позднего Средневековья.

Источниковый корпус имитации средневековой исторической наррации. Анализ «средневековых» нарративов в прозе Дж. Мартина и его соавторов, которые успели стать объектом интереса со стороны историков-медиевистов [30], в настоящей статье осно-

ван на источниковом корпусе, ограниченным «Миром Льда и Пламени. Официальной истории Вестероса и Игры Престолов» [43] и «Пламенем и Кровью. Историей Таргариенов, королей Вестероса» [42], изданной к настоящему времени на русском языке в двух томах – «От Эйгона I Завоевателя до регентства при Эйгоне III» [11] и «От Пляски Драконов до Дня совершеннолетия Эйгона III» [12]. Тексты Дж. Мартина в современном каноне медиевализма [28] занимают особое место. Предполагаемым автором двухтомной истории является мейстер Гильдейн из Староместа [34]. Примечательно, что эти тексты, в отличие от романов, формирующих цикл, получили со стороны американских критиков крайне скептические или негативные оценки, а их мнения варьировались от восприятия «Пламени и Крови» как «бесконечной самодовольной чепухи» [50] до «утомительного» текста и «сухой истории» [46], в которой нет элементов того стиля, который сформировал репутацию Дж. Мартина в предшествующие годы, что указывает на неспособность общества потребления воспринимать медиевализм в таких не очень ассимилированных формах, которые предлагают повествование, выдержанное в соответствии с каноном массовой культуры, а также имитацию средневекового нарратива, понимание и восприятие которого в значительной степени затруднено для неподготовленного читателя.

В этом контексте важно понимать, что мартиновская «историческая» нарративная имитирует средневековье, так как «романы Джорджа Мартина на самом деле не находятся в “средневековом мире” Евразии с ок. с 400 по 1500 год н.э. “Игра престолов” полностью лишена каких бы то ни было аутентифицирующих якорей: это – историческая фантазия... Вместо создания традиционных видов исторической достоверности Мартин использует множество культурных отсылок, которые имеют средневековое “ощущение”. “Игра престолов” является симулякром: чем-то, что не является ни оригиналом, ни копией оригинала – это копия чего-то, что изначально было вымышленным, основываясь на наших исторических ассоциациях... “Игра престолов” – это фэнтезийный симулякр несредне-

вековья» [55]. Словно отвечая на эту критику со стороны профессиональных медиевистов, регулярно использующих оригинальные источники при создании собственного академического нарратива, Дж. Мартин предпринял попытку конструирования своей исторической наррации, призванной, с одной стороны, дополнить его романский цикл, а, с другой, в определенной степени содействуя его легитимации, наделяя воображаемый мир как собственной историей, так и ее источниковым корпусом.

Комментируя роль таких текстов, российский историк О. Кильдюшов, с одной стороны, подчеркивает, что их «дискурсивное пространство» как сфера «общественно-политических высказываний, проекций и импликаций» нуждается в «аналитическом прояснении со стороны социально-теоретического знания» [8, с. 142], что позволит рассмотреть, в том числе, и особенности нарративной структуры этих текстов, претендующих на статус канонических источников по истории того мира, который создан в других художественных произведениях Дж. Мартина. С другой, во внимание необходимо принимать и то, что тексты Дж. Мартина и его коллег хотя и имитируют средневековые формы исторической наррации, но делают это не очень успешно. По мнению российских историков «в массовом современном сознании Средневековье подвергается тотальной мифологизации, и ни одна другая историческая эпоха в этом смысле не может составить конкуренцию Средним векам» [4, с. 179], что осознается современной массовой культурой которая не только регулярно предлагает тексты, воспроизводящие медиевалистский дискурс, но и имитирует средневековые формы рассказа о прошлом.

Поэтому логичнее рассматривать их как стилизации доакадемического интереса к средневековым древностям, что наделяет мартиновский нарратив в большей степени чертами романтического дискурса XVIII и XIX веков [35], нежели реальными особенностями имитируемого средневекового дискурса в сфере историописания, характеристики которого отражены в современной историографии [2]. По мнению российского историка В. Ковалева, «феномен невероятной популярности Средневековья в современной культуре вряд

ли нуждается в доказательстве – скорее, он нуждается в объяснении» [10, с. 15]. Перефразируя эти слова, мы можем предположить, что в изучении и интерпретации нуждаются и те нарративные формы, при помощи которых Дж. Мартин и его коллеги конструируют историю Семи Королевств в ее политическом, социальном, религиозном и культурном измерениях.

Результаты и обсуждение

Хронология как основа наррации. Первый элемент в организации нарратива – хронология, основанная как на преемственности, так и дискретности исторического процесса, которые воображаемыми авторами средневековых нарративов не осознаются, но только интегрируются в событийную канву как парадигму конструирования нарратива. Хронология в конструировании текста крайне важна для осознания того, что некоторыми историками определяется как «смыслорождающие эффекты нарратива» [19, с. 174]. Если российский писатель Е. Водолазкин относительно своего «медиевалистского» романа «Лавр», указывает на то, что «мечтал о тексте, который бы свидетельствовал об отсутствии времени» [6, с. 130], то воображаемые авторы Дж. Мартина, наоборот, создают другой тип наррации, жестко интегрированный в рамки хронотопа.

Традиционно средневековый нарратив интегрировался в хронологические схемы, отправными точками которых были Сотворение мира или Рождение Христа. Эти две хронологические координаты в целом были интегрированы в преимущественно религиозную модель идентичности средневековых обществ, где анналисты, хронисты, летописцы и авторы других текстов интерпретировали описываемые ими события именно в такой хронологической системе координат. Воображаемые авторы средневековых текстов мира Дж. Мартина оперировали несколькими иными стартовыми точками, от которых велся отсчет исторического процесса. Вместо привязки к событиям религиозного плана, начало истории в воображаемых обществах, созданных американским писателем, связывается с завоеванием Семи Королевств Эйегоном I Завоевателем.

Если, по мнению М. Бахтина, в истории литературы «процесс освоения реального исторического времени и пространства и реального исторического человека, раскрывающегося в них, протекал осложненно и прерывисто. Осваивались отдельные стороны времени и пространства, доступные на данной исторической стадии развития человечества, вырабатывались и соответствующие жанровые методы отражения и художественной обработки освоенных сторон реальности» [3, с. 234], то современная постмодернистская проза от подобных формальных ограничений свободна, что позволяет ее представителям достаточно вольно обращаться как с текстом, так и его хронологической, временной, компонентой. В этой ситуации стало возможно имитировать не только разные восприятия времени, но и различные формы рассказывания о нем, что и привело к появлению текстов, имитирующих особенности исторической наррации, в том числе – и средневековой.

Хронология, которая выстраивала модель истории, основанную на разделении исторического времени на «до Завоевания» (Д.З.) и «от Завоевания» (О.З.) имела в обществе, вообразимом Дж. Мартином и его соавторами, принципиальное значение, так как исторический опыт западного средневековья свидетельствует о том, что «представление о линейном времени было совсем неочевидным для людей той эпохи, потому что они жили в разных моделях фиксации времени, в разных временных моделях. Для них время текло по-разному» [15]. Попытка вообразимого автора исторического нарратива, конструируемого Дж. Мартином, указывает на попытку общества сформировать единые нормы восприятия исторического времени.

Текст, имитируемый Дж. Мартином, уникален в том плане, что датирование его появления в вообразимом средневековье осложнено невозможностью локализовать этот нарратив как раннесредневековый или принадлежащий к зрелому или позднему средневековью. Принимая во внимание предположение российского историка А. Сидорова, средневековые люди «историей стали существенно меньше интересоваться, ее просто стали меньше знать – историю

писаную. Она существовала в устных формах, которые мы сегодня плохо знаем, значительно хуже, чем письменные» [16]. В этом контексте мартиновская имитация исторического нарратива представляется вполне удачной, так как он смог предложить имитацию именно письменного дискурса исторического знания средневекового общества, число потребителей которого было ограничено. Именно в силу имитации средневековой наррации ««средневековый» мир Мартина в “Песне льда и пламени” мало похож на реальное Средневековье в Европе» [35].

Поэтому все события в такой системе отсчета исторического времени определяется в категориях ДЗ и ОЗ, то есть «до Завоевания» и «от Завоевания». В имитируемом Дж. Мартином нарративе завоеванием имеет центральное значение в конструировании хронотопа, хотя и признается, что «такое летоисчисление не может быть точным». Вероятно, именно поэтому текст и открывается пространной декларацией о том, что «для мейстеров Цитадели, пишущих историю Вестероса, Завоевание Эйгона имеет особый смысл. Рождения, смерти, битвы и другие события датируются либо ОЗ (от Завоевания), либо ДЗ (до Завоевания)» [11, с. 5].

Подобная преимущественно политически ориентированная система учета и последовательной локализации исторического времени освобождала воображаемых авторов средневековой наррации от обязательной артикуляции религиозной идентичностью, но делала их зависимыми от политической конъюнктуры. Такая сфокусированность авторов рассматриваемых текстов на хронологической стороне исторического процесса, фактическая актуализация нарратива как рассказа о событиях прошлого может быть описана в категориях реакции на крайности постмодернизма, несмотря на то, что тексты Дж. Мартина принадлежат именно к постмодернистскому литературному канону. Это представляется естественным, если принимать мартиновский текст как постмодернистский. В силу принадлежности к большому постмодернистскому дискурсу Дж. Мартину было бы просто элементарно «тесно», если бы он и его соавторы предприняли попутку имитации анналов. Поэтому

они сделали выбор в пользу более «продвинутой» версии средневековой исторической наррации, когда объем знаний о прошлом и, следовательно, текста «критически увеличивается, а содержание усложняется настолько, что они естественным образом превращаются в полноценные летописи, обретая форму развернутого, хотя и дискретного исторического повествования» [18, с. 15].

Исторический нарратив как совокупность повествовательных практик о королях и войнах, с одной стороны, следует воспринимать не как попытку реставрации позитивистского модуса историописания, но как проявление ностальгии по истории, воображенной в романтической системе координат. Правда, попытки связывать такой вариант конструирования нарратива исключительно с реакцией на крайности в развитии массовой культуры общества потребления [7] являются не очень надежными, так как именно такая модель культуры сделала возможным появление анализируемых форм наррации. Поэтому, «медиевализм связан с современностью через элементы прошлого» [25, с. 45], которые в современном литературном дискурсе актуализируются в рамках имитации средневекового нарратива. С другой, если не игнорировать традицию отнесения «исторических сочинений к литературным произведениям» [13, с. 160], то в этом контексте мартиновский нарратив, несмотря на его фактически конструируемый характер, не маргинален, но отражает сущностные особенности и характеристики исторического воображения. При этом сам Дж. Мартин признает, что гораздо большее влияние на его прозу оказали тексты М. Дрюона [48], а не средневековые источники, что актуализирует принадлежность американского автора к массовой западной культуре. Вместе с тем, К. Ларрингтон полагает, что «строительные блоки мира Мартина взяты из средневековой литературы» [41], не указывая при этом конкретные источники. Некоторые исследователи указывают на то, что «собственное Средневековье Мартина непосредственно связано с политической борьбой, описанной в нескольких самых известных средневековых хрониках» [26], что однако не придает его текстам характеристик средневековой исторической наррации.

Попытка Дж. Мартина «выстроить» нарратив на основе хронологии как центрально категории исторического воображения показательна в контекстах растущего недоверия к постмодернистскому дискурсу написания истории, что редуцирует ее до совокупности конструктов. Дж. Мартин, в свою очередь, «возвращает» читателя к той модели истории, где «время», ассоциируемое с правлениями отдельных королей, было не только центральным элементом исторического воображения, выстроенного в протопозитивистской манере, но и коллективным «героем» нарратива.

Религиозность как компонент нарратива. Второй элемент, который играл одну из центральных ролей, в функционировании средневекового нарратива, – текстуализированная религиозность. Тексты Дж. Мартина актуализируют его попытки показать роль веры в воображаемой им модели Средневековья [51]. История Европейского Запада и Востока знает многочисленные примеры интеграции «религиозного» в исторический нарратив. Западные и восточные модели историописания, если речь идет о христианских обществах, на протяжении средних веков предусматривали только одну легитимную возможность актуализации религиозной идентичности как автора, так и того общества, к которому он принадлежал.

В данном контексте речь идет об идентичности, которая была христианской – католической или православной. Развитие европейского христианского воображения в средневековых текстах неизбежно вело к абсолютизации собственной Самости, что предусматривало формирование и продвижение негативного образа другого в религиозной системе координат. Несмотря на то, что Р. Утц полагает, что «историкам следует писать не только для коллег-профессионалов, но и для широкой публики» [54, р. 1], большинство историков эту задачу игнорируют. Потому форматорами современного медиевалистского дискурса становятся писатели, которые не только пишут о средних веках, но и имитируют средневековые нарративы. Имитация средневекового нарратива в контексте религии в текстах Дж. Мартина и его соавторов не столь удачна как в других случаях.

В имитируемых текстах источников, созданных Дж. Мартином, а также в его романах [33] упоминания религии имеют место, но религиозное редуцировано до фона и самостоятельной роли не играет, будучи формой легитимации политической власти или оправдания насилия [27]. Имитируемая историческая наррация в текстах Дж. Мартина активно актуализирует образы насилия, подчеркивая, что средневековый мир не является «идеальным обществом» [30]. Если на средневековом Западе «Церковь осмыслялась не просто как явление, развивающееся “параллельно” светской власти (иногда конкурируя с ней, иногда сотрудничая), но как важнейший системообразующий институт, главная (а до определенного момента – единственная) мыслимая форма человеческого общежития – “община верных”. Если бы средневековый человек мыслил социальными категориями, он определил бы Церковь как “социальное всё”» [21, с. 53], то мартиновская средневековая наррация основана на восприятии религиозного фактора не более как фона политической истории Семи Королевств в контекстах развития королевской власти.

В отношении религии воображаемый автор ограничивается упоминанием того, что «Старомест был сосредоточием Истинной Веры. Там жил верховный септон, наместник новых богов на земле, духовный отец всех Семи Королевств... Там же помещались два воинских ордена Веры, называемых в народе Мечами и Звездами... король освободил от податей служителей Веры» [11, с. 26, 44]. В другом месте воображаемый «средневековый» автор с чрезмерной терпимостью констатирует, что «на Севере еще почитали старых богов, но в остальных областях Вестероса поклонялись единому богу в семи лицах, и голосом его на земле был верховный септон Староместа» [11, с. 55], хотя история западного средневековья, наоборот, обеспечивает его историков текстами, жестко обличающими язычество. Воображаемый исторический нарратив Дж. Мартина воспроизводит относительно толерантный дискурс в отношении вопросов веры, хотя средневековая Европа актуализирует в большей степени обратный опыт, а элементы терпимости в интеллек-

туальном дискурсе Европы становятся заметны на этапе позднего средневековья или вообще в раннее новое время.

Такой нарратив в формально средневековом имитируемом тексте источника выглядит несколько чуждо, так как предполагаемый автор более чем нейтрален, а степень его религиозности незначительна в сравнении с теми ее проявлениями, в которых она присутствует в средневековых источниках. Поэтому конструируемые средневековые нарративы в воображаемых сообществах Дж. Мартина актуализируют несколько иную модель актуализации религиозного опыта. С одной стороны, религиозные мотивы в исторической наррации анализируемых текстов актуализируют состояние одновременного сосуществования нескольких форм культа: если одни из них были монотеистическими, то другие – языческими. С другой, воображаемый автор не только констатировал одновременное сосуществование различных форм веры, но его отношение к ним было лишено оценочного характера, что является одной из особенностей имитируемого Дж. Мартином и его соавторами средневекового исторического нарратива.

Гетерогенность исторической наррации. Третий элемент в организации «средневекового» нарратива в текстах Дж. Мартина – это его непоследовательность и, как следствие, эклектичность, представленная сочетанием традиционной для наррации Средних веков хронологической последовательности и нарратива как интерпретации с претензией на концептуальность и сциентизм. Если рассматривать мартиновские нарративы, имитирующие средневековые формы и модели построения как текста в частности, так и историописания в целом, во внимание необходимо принимать то, что эти наррации фактически являются формой конструкта. А.Л. Стризове, комментируя особенности организации исторического текста, указывает на важность одновременно «дискурсивных стратегий историописания (сказания, притчи, биографии), равно как и литературных жанров (трагедии, комедии, фарса)», которые к источникам «часто не укладываются в классическую сюжетную схему: завязка – кульминация – развязка» [19, с. 175].

Если эта ситуация актуальна для аутентичных источников, в которых подобные структурные элементы, не всегда выделяются, то Дж. Мартин и его соавторы решают проблему радикально, превратив исторический нарратив в художественный текст, построенный в соответствии с канонами постмодернизма. Р. Утц, комментируя особенности интеллектуальной истории коллективных представлений о средних веках, подчеркивает, что в XX веке «профессиональные медиевисты подняли разводной мост между простецами и своей башней из слоновой кости. Теперь все, что люди могли узнать о средневековом прошлом, должно было быть опосредовано и одобрено ими» [22, с. 165], но развитие массовой культуры, ориентированной на удовлетворение запросов общества потребления, которые включали потребность и в средневековых образах, привело к тому, что массовая литература сама ликвидировала лакуну текстов о средних веках, которые не только рассказывали об этом периоде, но и имитировали его нарративные и повествовательные практики.

Поэтому, как полагают некоторые российские историки, тексты проекта предлагают «взгляд на Вестерос как структурно знакомое и отчасти запечатленное в западной культурной традиции пространство европейского позднего Средневековья или раннего модерна» [8, с. 142–143]. Подобная узнаваемость, казалось бы, должна была вынудить Дж. Мартина и его соавторов, «писателей и ученых постсредневековой эпохи» [22, с. 166], использовать уже сложившиеся формы исторической наррации соответствующего периода, но, вместо этого, структура мартиновских нарративов, имитирующих исторические представления Средних веков, гетерогенна, а сами тексты представляют именно симуляцию. Поэтому, анализируя тексты Дж. Мартина как форму производства исторических нарративов, во внимание следует принимать то, что текст является их классической формой организации текста.

При этом «речь идет не столько об оригинальности предложенной структуры или чьей-либо монополии на ее разработку и применение, сколько о превращении ее в принцип и рутинный формат исторического мышления и организации продуктов его деятельно-

сти – исторических нарративов» [20, с. 116]. Поэтому конструктивистский характер нарратива Дж. Мартина не только фактически является попыткой одновременной деконструкции монополии средневековых книжников создавать свои тексты и исключительного права профессиональных историков-медиевистов их интерпретировать. Мартиновский конструктивизм в отношении имитации нарратива фактически можно определить как проявление «постсредневекового интереса к средневековым явлениям» [47, р. 39].

С одной стороны, первой компонентой такой практики конструирования текста стала попытка передать хронологический принцип восприятия и изложения истории, поставив последнюю в зависимость от сроков правления королей. В этом отношении воображаемый мартиновский хронист мало чем отличается от средневековых авторов, позволяя, правда, себе больше подробностей фривольного характера. Поэтому, вероятно, прав Р. Утц, полагающий, что подобные тексты только воспроизводят «репрезентации, в которых разработанные в прежние годы рецептивные модели становятся основаниями для новых, лишь выглядящих и звучащих “посредневековому”, представлений» [22, с. 167]. В этой ситуации средневековье в текстах Дж. Мартина, имитирующих средневековую наррацию, «представляют собой не некое «объективное» явление, но инструмент мышления европейских интеллектуалов», для которых образы Средних веков являются «способом рассуждения о современности» [5, с. 170].

При этом, как полагает А.И. Филюшкин, «людей в прошлых эпохах интересует не только средневековье» [23, с. 156], но практически никто из современных интеллектуалов не имитирует формы исторической наррации нового времени или социализма, в то время как интерес к Средневековью остается стабильным, что и стимулирует современную массовую культуру симулировать средневековые формы нарратива. Последние актуализируют фронтальный характер текста между «высокой» и «низкой» культурами. С другой, текст Дж. Мартина актуализируют свой характер как конструкта, если принять во внимание, что хронологически

мотивированное изложение событий сочетается с вкраплениями текстов, имеющих явный сюжет и самостоятельные культурные и содержательные особенности. Именно последнее выделяет мартиновский текст как постмодернистский, где средневековое редуцировано не более чем до фона конструкции авторских нарративов, передающих представление о прошлом в рамках современного общества потребления.

Перефразируя предположение Ф. Анкерсмита о том, что нарративные интерпретации представляют собой не знание, но организацию знания [1], мы можем предположить, что попытки Дж. Мартина и его соавторов описать воображаемое прошлое конструируемого ими мира являются не его историей, но стремлением к организации представлений о ней. Это наше допущение об эклектичности текстов Дж. Мартина вовсе не отрицает того, что и средневековые тексты имели сюжет. Практики и приемы конструирования последнего отличны в текстах Дж. Мартина и средневековых авторов.

Если средневековый нарратив мог привязывать сюжетность, интегрируя ее в восприятие времени, редуцируемого для событий, привязанным к конкретным датам или имеющим весьма условную периодизацию, то мартиновская наррация сочетает хронологическую последовательность с сюжетной событийностью, что выдает в нем текст-конструкт. Эта особенность мартиновской наррации проявляется также в ее многоуровневом характере, представленном пространственными ссылками на другие источники, что фактически актуализирует постмодернистский характер анализируемых текстов, основанных на интертекстуальности, цитатности и пастише как системных характеристиках организации текста в рамках постмодернистской модели.

Герой нарратива. Четвертый элемент организации текста – сложный характер «героя» исторического процесса, который может быть представлен целыми этническими группами (народами и племенами), государственными образованиями (королевствами), династиями или отдельными историческими фигурами, представленными королями, лордами или людьми «второго плана».

Среди таких коллективных этнических героев исторического дискурса – андалы и валирийцы, которые в представлениях «средневекового» автора Дж. Мартина превратились в воображенные сообщества и места памяти. В этом отношении исторический нарратив, имитируемый Дж. Мартином, в определенной степени жанрово и содержательно близок к новому жанру исторических сочинений – истории народов, который был связан со «становлением средневекового историонаписания» [17]. Основными героями имитируемого исторического нарратива становятся короли. Поэтому структура нарратива выстраивается именно вокруг фигур монархов, а их смелость воспринимается как смысл исторического процесса: «шестнадцать Таргариенов всходили на Железный Трон вслед за Эйегоном Драконом, пока Восстание Роберта не пресекло их династию, были среди них правители мудрые и глупые, добрые и жестокие, хорошие и дурные, но по вкладу их в законы и государственное устройство как в мирные, так и военные времена имя Эйегона I должно вписать во главу листа» [11, с. 51].

В этом отношении Дж. Мартин и его соавторы успешно имитируют средневековые формы исторического воображения и нарратив как основу его функционирования. Усилиями Дж. Мартина в нашем распоряжении текст, явно написанный в рамках политического заказа, направленного на формирование коллективной идентичности, хотя основой последней было стремление к легитимации правящей династии, а не политических институтов. Поэтому, к воображаемому Дж. Мартину средневековому обществу представляется вполне применимым предположение, что именно «элиты (прежде всего они были реальной и потенциальной аудиторией самых разных исторических сочинений) начинают формировать свою память на иных основаниях, у них появляется так называемая письменная, записанная память. Они начинают оперировать текстами больше, чем устной традицией» [16]. Именно функция вытеснения и маргинализации истории как устного рассказа приписывалась тексту, который Дж. Мартин и его соавторы позиционируют в качестве источника по истории Семи Королевств.

Примечательно, что «герои», фиксируемые в конструируемом нарративе Дж. Мартина, лишены каких бы то ни было ярких и экспрессивных проявлений и элементов религиозности, что отличает мартиновскую нарративную историю от реальных средневековых источников, которые актуализируют проявления преимущественно традиционной, то есть религиозной, идентичности. Единственным исключением является эпизод, связанный с эпидемией горячки, когда «Эйегон весь день навещал больных, сидел с ними, держал их за руки, охлаждал их горячие лбы мокрой тканью. Сам не говоря почти ничего, он выслушивал их истории, мольбы о прощении... почти все они умерли, но выжившие приписывали свое исцеление чудотворным рукам короля» [12, с. 271–272], что является явной аллюзией на развитие политической мифологии королевской власти в средневековой Франции.

В этом отношении герои Дж. Мартина, как отдельные личности, так и целые общества, практически не актуализируют религиозной идентичности, что актуализирует имитационный характер производимого им нарратива. В целом имитация вошла в число самых распространенных приемов литературы постмодернизма [37], но если другие писатели-постмодернисты имитировали классические и современные тексты, то американский автор предпринял попытку имитации средневековой формы нарратива. Современный медиевализм склонен имитировать средневековые формы нарратива, будучи отягощенным современным опытом развития как национализма, так и современных идентичностей [44], которые в средние века не существовали.

Имитация средневековой нарративной истории, анализируемая в данной статье, может восприниматься как реакция на качественно и содержательно другие нарративы, которые обслуживали проект современности и формировали модусы ее как стороннего описания, так и самоописания. Поэтому имитация средневековой формы «рассказывания» историй в рамках современного медиевализма стала воплощением «потребности в красивых легендах о прошлом, в романтическом восприятии древних времен, в красочных благородных героях прошлого и т.д.» [23, с. 154].

Появление текстов Дж. Мартина актуализировало ситуацию гетерогенных представлений о средневековье, когда «медиевисты взаимодействуют со средневековой культурой» [25, с. 44] одновременно с писателями, формирующими канон массовой культуры. Поэтому имитируемый нарратив получается чрезвычайно современным. В такой интеллектуальной ситуации описываемые им общества практически не знали периодов религиозной экзальтации, а воображаемые короли далеки от религиозного фанатизма, который был характерен для некоторых средневековых монархов. Кроме этого особое место в числе героев исторической наррации принадлежит представителям династии Маргаринов, образы которых частично оригинальны, но преимущественно представляют собой проекции исторического опыта средневекового Запада.

Особенность развития нарратива Дж. Мартина в части, касающейся героев, состоит в сочетаемости великих лидеров и тех королевств, с которыми они ассоциируются. Распределение таких героев исторического нарратива в текстах Дж. Мартина, неравномерно и, подобно реальным историческим источникам, представители социальных низов и народной культуры попадают на страницы источников реже, чем привилегированные сословия и проявления их формально «высокой» культуры. Формально средневековый нарратив текстов Дж. Мартина становится жертвой модернизации, намеренного и принудительного приближения к современным культурным реалиям, так как анализируемые произведения «больше говорят внимательному читателю или зрителю о культуре и самосознании современности, чем о самом Средневековье» [14, с. 31].

В этом контексте медиевальный имитируемый исторический нарратив можно воспринимать как рассказ о современности и уже потом как текст, конструирующий риторику и стилистику средневекового исторического нарратива. Подобная иерархия героев мартинового нарратива, которых корректнее определять как акторов, свидетельствует о том, что конструируемый воображаемым автором текст фиксирует существование общества, которое уже начало изменяться и трансформироваться, подвергаясь постепенной нацио-

нализации, переходу от верности династии как основы государства к идее современного государства, основанного на других идентичностях, которым нужны иные носители.

«Другой» в нарративе. Пятый компонент функционирования «средневекового» нарратива в текстах Дж. Мартина представлен образами Другого. Анализируя эту особенность нарративной организации текста, во внимание необходимо принимать то, что Другость в анализируемых произведениях в значительной степени отличается от аналогичных пластов реальных средневековых произведений.

Эта ситуация актуализирует особенности имитации средневекового нарратива в современной культурной ситуации, определяемой некоторыми интеллектуалами в категориях «современного Средневековья» [29, р. 33] или «Средневековья после Средневековья» [45]. Основное отличие проявляется в том, что образы Другого более разнообразны и не ограничиваются только и исключительно актуализацией религиозной инаковости. В этом отношении тексты Дж. Мартина и его соавторов актуализируют свой симуляционный и имитативный характер, так как средневековы они только по форме, по некоторым легко узнаваемым образам, в то время, как в остальном дискурс мартиновской прозы принадлежит к литературе общества, четко разделенного идеологическими и национальными границами, которые были не столь ярко выражены в средневековом нарративе, актуализирующим проявления преимущественно традиционной, домодерной, то есть религиозной идентичности.

Заключение

Во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с функционированием и воспроизводством фактически альтернативных, проанализированных выше, исторических нарративов в современной массовой культуре общества потребления, которое свой запрос на обладание прошлым реализует не через обращение к историографии путем ее ассимиляции, но, изобретая собственные формы воображения истории, основанные как на ассимиляции, так

и симуляции тех нарративных приемов, которые используются для изучения и описания истории средневекового Запада.

Воспроизводство средневекового исторического нарратива в анализируемых текстах конструирует весьма условный «средневековый» текст, что позволяет интерпретировать его одновременно в категориях конструкции, деконструкции, ассимиляции, симуляции и имитации. Тексты Дж. Мартина формально выдержаны в стилистике средневекового нарратива. Эти произведения могут быть отнесены к числу текстов-конструкторов, так как авторы фактически конструируют собственные версии истории обществ, которые, как и эти социумы, со значительной долей условности, могут быть определены как «средневековые».

Вместе с тем исторический нарратив Дж. Мартина – это и деконструкция, так как его проза предлагает такие версии средневековья, которые основаны на деконструкции как академического облика, так и тех Средних веков, ранее предлагавшихся как высокой так и массовой культурой. Деконструкция подобного плана неизбежно влечет и институционализация альтернативного конструкта, представленного «историческими» нарративами, доминирующими в изучаемых текстах. Такие нарративы, которые формируют основу исторического повествования в текстах Дж. Мартина, мы можем рассматривать и как ассимиляцию одновременно и академической медиевистики, и массового культурного медиевализма, так как американский автор создал свои тексты в условиях мощного влияния со стороны этих сегментов культуры.

Тексты Дж. Мартина представляют собой попытку ренарративизации представлений о прошлом, которые существуют в рамках современного общества. Сочетание такой модели продвижения нарратива вместе с его визуализацией, представленной относительной успешным сериалом «Игра Престолов», актуализируют доступность и понятность как основные сущностные характеристики исторического нарратива в обществе потребления, которому собственно история необходима в меньшей степени, чем упрощенные и визуализированные «рассказы» о ней. В такой ситуации констру-

ирования текстов, формально выдержанных в стилистике средневековых нарративов, но фактически далеких от них, подготовленный читатель замечает миксацию модусов выстраивания нарратива. Логично предположить, что Дж. Мартин и его соавторы к имитации средневекового текста подошли весьма непоследовательно.

С одной стороны, тексты-конструкты не выдержаны в стилистике хроник или анналов, так как их нарратив не линейен, не хронологичен и упорядочен на качественно иных основаниях. С другой, мартиновская имитация средневековой модели наррации в большей степени близка текстам позднего Средневековья или ранней Современности, когда европейские интеллектуалы выстраивали не просто хронологически выверенный в соответствии с линейной периодизацией истории нарратив, но и формировали более сложные нарративные структуры, претендующие на формирование обобщающих версий прошлого, которое подвергается социологизации и экономизации. Поэтому имитация средневековой наррации в событийном контексте в сочетании с периодически встречающимися в текстах Дж. Мартина попытками их интерпретации в контекстах социальной истории с «примеркой» к ним дефиниции «феодализм» и его производных указывают на синтетический характер авторского нарратива, раскрывая автора одновременно в нескольких ипостасях – от конструктора / деконструктора до имитатора и фальсификатора.

Если мартиновские средневековые нарративы могут быть определены и описаны в упомянутых выше категориях, то мы можем рассмотреть их также через призму симуляции и имитации, так как рассматриваемые тексты, с одной стороны, симулируют средневековые и современные подходы к историописанию, а, с другой, имитируют описание и анализ социальных и политических институций, характерных для средневековых обществ. Именно эти качества, характерные для изучаемых текстов, актуализируют их качества и характеристики конструктов и фальсификатов, так как Дж. Мартин и его соавторы, сознательно или нет, смешивают традиционные и современные модусы исторического воображения.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Шесть тезисов нарративной философии истории // Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 115-130.
2. Асейнов Р.М. Политическая мифология и проблема самоопределения Бургундии в XV в. // Средние века. 2007. Т. 68. № 3. С. 80-101.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Бобкова М.С., Мереминский С.Г., Сидоров А.И. «Средневековья никогда не существовало» // Средние века. 2017. Т. 78. № 4. С. 177-182.
5. Бойцов М.А. Средневековье — в «реальности» или только в нашем сознании? // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2, No 5. С. 169-178.
6. Водолазкин Е.Г. Поющий в степи // Как мы пишем: писатели о литературе, о времени, о себе: очерки. СПб., 2018. С. 128-143.
7. Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Исторический дискурс и национальные нарративы // Ученые Записки Казанского Университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. Т. 161. Кн. 5-6. С. 166-173.
8. Кильдюшов О. Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов». Чем культовый сериал интересен для теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2020. № 1. С. 139-159.
9. Кирчанов М.В. Медиевализм: изобретение традиции (множественные Средневековья интеллектуальной истории 19-21 веков: от литературной “классики” к массовой культуре). Воронеж: Издательство «РИТМ», 2021. 136 с.
10. Ковалев В. Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура // Vox Medii Aevi. 2018. № 1. С. 14-28.
11. Мартин Дж. Пламя и кровь. Т.1. От Эйгона I Завоевателя до регентства при Эйгоне III. М.: АСТ, 2018. 384 с.
12. Мартин Дж. Пламя и кровь. Т.2. От Пляски Драконов до Дня совершеннолетия Эйгона III. М.: АСТ, 2019. 384 с.
13. Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 157-173.

14. Русанов А.В. Medievalism studies: как изучается «современное Средневековье»? // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2. № 5. С. 12-42.
15. Сидоров А. Как понимали время в эпоху Каролингов? Каролингская анналистика // *ПостНаука*. 2017. 11 января. <https://postnauka.ru/video/71430>
16. Сидоров А. Какие жанры историописания были популярны в Средние Века? Каролингское историописание // *ПостНаука*. 2017. 7 марта. <https://postnauka.ru/video/73561>
17. Сидоров А. Какие книги входили в список Кассиодора? Зарождение средневекового историописания // *ПостНаука*. 2017. 22 февраля. <https://postnauka.ru/video/72674>
18. Сидоров А.И. В поисках исчезающего времени (к вопросу о феномене средневековой анналистики) // *Средние века*. 2018. Т. 79. № 3. С. 15.
19. Стризов А.Л. Исторический текст как научный нарратив // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. «История»*. 2012. № 2 (22). С. 172-178.
20. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании : о перспективах использования нарратологии // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 4. № 3. С. 113-135.
21. Уваров П.Ю. От “incastellamento” до “inecclesiamento”: церковь, власть и территория в средневековой Франции // *Средние века*. 2018. Т. 79. № 3. С. С. 50-73.
22. Утц Р. Дивные новые медиевлизмы // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 1. С. 164-172.
23. Филюшкин А.И. Медиевализм: почему нам нужны средние века // *Историческая экспертиза*. 2018. № 4. С. 153-162.
24. Шатин Ю. Исторический нарратив в мифологии XX столетия // *Критика и семиотика*. 2002. Вып. 5. С. 100-108.
25. Язык С.А. Стоять на глыбе слова «медиевализм» // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2. No 5. С. 43–47.
26. An Evening with George R. R. Martin. Chicago Humanities Festival. October 11, 2019. <https://www.youtube.com/watch?v=IfIpY0eEA84>
27. Attali M. Religious Violence in Game of Thrones: An Historical Background from Antiquity to the European Wars of Religion // *Game of*

- Thrones versus History: Written in Blood / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017. P. 185-194.
28. Bloch H. Rethinking the New Medievalism. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 288 p.
29. Cardini F. *Medievisti «di professione» e revival neomedievale // Quaderni medievali*. 1986.No 21. P. 33-52.
30. Carroll Sh. *Medievalism in a Song of Ice and Fire and Game of Thrones*. NY.: Boydell & Brewer, 2017. 192 p.
31. Carroll Sh.R. George R. R. Martin's Quest for Realism in A Song of Ice and Fire // *Medievalists*. 2013. May. <https://www.medievalists.net/2013/05/george-r-r-martins-quest-for-realism-in-a-song-of-ice-and-fire/>
32. Chance J. *Tolkien the Medievalist*. L. – NY.: Routledge, 2008. 312 p.
33. Clasby D. Coexistence and Conflict in the Religions of Game of Thrones // *Game of Thrones versus History: Written in Blood / ed. Brian A. Pavlac*. NY: Wiley-Blackwell, 2017. P. 195-208.
34. Cowlshaw B. What Maesters Knew: Narrating Knowing // *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire / eds. S. Johnston, J. Battis*. NY: McFarland, 2015. P. 57-70.
35. Fay E. *Romantic Medievalism: History and the Romantic Literary Ideal*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2002. 241 p.
36. Finn K. Game of Thrones is Based in History – Outdated History // *Public Medievalist*. 2019. May 16. <https://www.publicmedievalist.com/thrones-outdated-history/>
37. Goldberg H.D. Imitation as a narrative function: anything you can do I can do better // *Romance Philology*. 1999. Vol. 52. No 2. P. 23-36.
38. Guenée B. *Histoire et culture historique dans Occident médiéval*. Paris: Aubier-Montaigne, 1980. 447 p.
39. Kreiswirth M. Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences // *New Literary History*. 1992. Vol. 23. No 3 (History, Politics, and Culture). P. 629-657.
40. Kyrchanoff M.W. Historical grand narratives of the Seven kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional medieval historiography // *Journal of Frontier Studies*. 2018. No 1. P. 17-46.

41. Larrington C. Game of Thrones and Medieval Studies – Ten Years On // *Medievalists*. 2021. February. <https://www.medievalists.net/2021/02/game-thrones-medieval-studies/>
42. Martin G. *Fire and Blood*. NY.: Bantam Books, 2018. 736 p.
43. Martin G., Antonsson L., Garcia E. *The World of Ice & Fire: the Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. Bantam: Bantam: Harper Voyager, 2014. 326 p.
44. Morgan G.A. *Medievalism, Authority, and the Academy // Studies in Medievalism XVII. Defining Medievalism(s) / ed. K. Fugelso*. NY.: Boydelland Brewer, 2009. P. 55-67.
45. Musci E. *Nuvole di Medioevo. Il paesaggio (immaginario e storico) fumetti a sfondo medievale // Il paesaggio agrario italiano medievale. Storia e didattica. Summer school Emilio Sereni, 24–29 agosto 2010 / ed. G. Bonini, A. Brusa, R. Cervi, E. Garimberti*. Roma: Gattatico, 2011. P. 293-310.
46. O'Connor R. *Fire and Blood, George R. R. Martin, review: New Game of Thrones book is exhaustive but often tedious // Independent*. 2018. November 20.
47. Petersen N. *Medievalism and Medieval Reception: A Terminological Question // Studies in Medievalism XVII. Defining Medievalism(s) / ed. Karl Fugelso*. NY.: Boydelland Brewer, 2009. P. 36-44.
48. Polack G. *Medieval Reads: Maurice Druon and George RR Martin – two sides of a coin? // Medievalists*. 2020. September. <https://www.medievalists.net/2020/09/maurice-druon-george-martin/>
49. *Rethinking the New Medievalism / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglini-Toulet, J. Küpper, J. Patterson*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. VIII, 280 p.
50. Rifkin H. *Review: Fire and Blood by George R. R. Martin — a dire prequel to Game of Thrones // The Times*. 2018. November 17.
51. Riggs D. *Continuity and Transformation in the Religions of Westeros and Western Europe // Game of Thrones versus History: Written in Blood / ed. Brian A. Pavlac*. NY: Wiley-Blackwell, 2017. P. 173-184.
52. Robinson C. L., Clements P. *Living with Neomedievalism // Studies in Medievalism(s)*. 2009. No 18. P. 55-75.

53. Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. 1979. No 75. P. 3-24.
54. Utz R. Medievalism: A Manifesto. Kalamazoo – Bradford: ARC Humanities Press, 2017. 107 p.
55. Utz R. Should medievalists be teaching Game of Thrones? // Medievalists. 2019. April. <https://www.medievalists.net/2019/04/should-medievalists-be-teaching-game-of-thrones/>

References

1. Ankersmit F. Shest' tezisov narrativnoy filosofii istorii [Six theses of the narrative philosophy of history]. Ankersmit F. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory* [History and tropology: the rise and fall of metaphor]. M.: Progress – Traditsiya, 2003, pp. 115-130.
2. Aseyunov R.M. Politicheskaya mifologiya i problema samoopredeleniya Burgundii v XV v. [Political mythology and the problem of self-determination of Burgundy in the 15th century]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2007, vol. 68, no 3, pp. 80-101.
3. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975, 504 p.
4. Bobkova M.S., Mereminskiy S.G., Sidorov A.I. «Srednevekov'ya nikogda ne sushchestvovalo» [“The Middle Ages never existed”]. *Sredniye Veka* [Middle Ages], 2017, vol. 78, no. 4, pp. 177-182.
5. Boytsov M.A. Srednevekov'ye — v «real'nosti» ili tol'ko v nashem soznanii? [The Middle Ages - in “reality” or only in our minds?]. *Vox medii aevi*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 169-178.
6. Vodolazkin Ye.G. Poyushchiy v stepi [Singing in the steppe]. *Kak my pishem: pisateli o literature, o vremeni, o sebe: ocherki* [How we write: writers about literature, about time, about themselves: essays]. SPb., 2018, pp. 128 – 143.
7. Gizatova G.K., Ivanova O.G. Istoricheskiy diskurs i natsional'nyye narriativy [Historical discourse and national narratives]. *Uchenyye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya «Gumanitarnyye nauki»* [Scientific Notes of Kazan University. Series “Humanities”], 2019, vol. 161, no. 5-6, pp. 166-173.

8. Kil'dyushov O. Sotsial'nyy poryadok i politicheskaya teologiya v «Igre prestolov». Chem kul'tovyy serial interesen dlya teoreticheskoy sotsiologii [Social order and political theology in the Game of Thrones. Why is the cult series interesting for theoretical sociology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2020, no. 1, pp. 139-159.
9. Kirchanov M.V. *Mediyevalizm: izobreteniyе traditsii (mnozhestvennyye Srednevekov'ya intellektual'noy istorii 19 – 21 vekov: ot literaturnoy "klassiki" k massovoy kul'ture)* [Medievalism: the invention of tradition (multiple Middle Ages of intellectual history of the 19th - 21st centuries: from literary "classics" to popular culture)]. Voronezh: «RITM», 2021, 136 p.
10. Kovalev V. Igra na prestole: ritually vlasti v Sredniye veka i sovremennaya kul'tura [Game on the throne: rituals of power in the Middle Ages and modern culture]. *Vox Medii Aevi*. 2018, No 1. pp. 14 – 28.
11. Martin G. *Plamya i krov'. T.1. Ot Eyyegona I Zavoyevatelya do regentstva pri Eyyegone III* [Fire and Blood. Vol.1. From Aegon I the Conqueror to the regency under Aegon III]. M.: AST, 2018. 384 p.
12. Martin G. *Plamya i krov'. T.2. Ot Plyaski Drakonov do Dnya sovershennoletiya Eyyegona III* [Fire and Blood. T.2. From the Dance of Dragons to Aegon III's Coming of Age]. M.: AST, 2019, 384 p.
13. Mishalova Ye.V. Istoricheskiy narrativ kak forma organizatsii i reprezentatsii istoricheskogo znaniya [Historical narrative as a form of organization and representation of historical knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2012, no. 1, pp. 157-173.
14. Rusanov A.V. Medievalism studies: kak izuchayetsya «sovremennoye Srednevekov'ye»? [Medievalism studies: how is the “modern Middle Ages” studied?]. *Vox medii aevi*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 12-42.
15. Sidorov A. Kak ponimali vremya v epokhu Karolingov? Karolingskaya annalistika [How was time understood in the era of the Carolingians? Carolingian annalistics]. *PostNauka* [PostScience], 2017. <https://postnauka.ru/video/71430>
16. Sidorov A. Kakiye zhanry istorionapisaniya byli populyarny v Sredniye Veka? Karolingskoye istoriopisaniye [What genres of historical writing

- were popular in the Middle Ages? Carolingian historiography]. *Post-Nauka* [PostScience], 2017. <https://postnauka.ru/video/73561>
17. Sidorov A. Kakiye knigi vkhodili v sposok Kassiodora? Zarozhdeniye srednevekovogo istoriopisaniya [What books were included in the collection of Cassiodorus? The origin of medieval historiography]. *Post-Nauka* [PostScience], 2017. <https://postnauka.ru/video/72674>
 18. Sidorov A.I. V poiskakh ischezayushchego vremeni (k voprosu o fenomene srednevekovoy annalistiki) [In Search of Disappearing Time (On the Phenomenon of Medieval Annals)]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2018, vol. 79, no. 3, pp. 14-43.
 19. Strizoye A.L. Istoricheskiy tekst kak nauchnyy narrativ [Historical text as a scientific narrative]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. «Istoriya»* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. „History“], 2012, no. 2, pp. 172-178.
 20. Syrov V.N. Narrativ v istoricheskom poznanii : o perspektivakh ispol'zovaniya narratologii [Narrative in historical knowledge: on the prospects for the use of narratology]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2020, vol. 4, no. 3, pp. 113-135.
 21. Uvarov P.YU. Ot “incastellamento” do “inecclesiamento”: tserkov', vlast' i territoriya v srednevekovoy Frantsii [From “incastellamento” to “inecclesiamento”: church, power and territory in medieval France]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2018, vol. 79, no. 3, pp. 50-73.
 22. Utz R. Divnyye novyye mediyevlizmy [Marvelous New Medievalisms]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2018, no. 1, pp. 164-172.
 23. Filyushkin A.I. Mediyevalizm: pochemu nam nuzhny sredniye veka [Medievalism: why we need the Middle Ages]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2018, no. 4, pp. 153-162.
 24. Shatin Yu. Istoricheskiy narrativ v mifologii XX stoletiya [Historical narrative in the mythology of the twentieth century]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2002, no. 5, pp. 100-108.
 25. Yatsyk S.A. Stoyat' na glybe slova «mediyevalizm» [To stand on a block of the word “medievalism”]. *Vox medii aevi*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 43-47.

26. *An Evening with George R. R. Martin. Chicago Humanities Festival, October 11, 2019.* <https://www.youtube.com/watch?v=IfIpY0eEA84>
27. Attali M. Religious Violence in Game of Thrones: An Historical Background from Antiquity to the European Wars of Religion. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017, pp. 185-194.
28. Bloch H. *Rethinking the New Medievalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014, 288 p.
29. Cardini F. Medievisti «di professione» e revival neomedievale. *Quaderni medievali*, 1986, no. 21, pp. 33-52.
30. Carroll Sh. *Medievalism in a Song of Ice and Fire and Game of Thrones*. NY.: Boydell & Brewer, 2017, 192 p.
31. Carroll Sh.R. George R. R. Martin's Quest for Realism in A Song of Ice and Fire. *Medievalists*. 2013. May. <https://www.medievalists.net/2013/05/george-r-r-martins-quest-for-realism-in-a-song-of-ice-and-fire/>
32. Chance J. *Tolkien the Medievalist*. L. – NY.: Routledge, 2008, 312 p.
33. Clasby D. Coexistence and Conflict in the Religions of Game of Thrones. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017, pp. 195-208.
34. Cowlshaw B. What Maesters Knew: Narrating Knowing. *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire* / eds. S. Johnston, J. Battis. NY: McFarland, 2015, pp. 57-70.
35. Fay E. *Romantic Medievalism: History and the Romantic Literary Ideal*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2002, 241 p.
36. Finn K. Game of Thrones is Based in History – Outdated History. *Public Medievalist*, 2019. May 16. <https://www.publicmedievalist.com/thrones-outdated-history/>
37. Goldberg H.D. Imitation as a narrative function: anything you can do I can do better. *Romance Philology*, 1999, vol. 52, no. 2, pp. 23 – 36.
38. Guenée B. *Histoire et culture historique dans Occident médiéval*. Paris: Aubier-Montaigne, 1980, 447 p.
39. Kreiswirth M. Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History*, 1992, vol. 23, no. 3 (History, Politics, and Culture), pp. 629-657.

40. Kyrchanoff M.W. Historical grand narratives of the Seven kingdoms of Westeros: from invention to deconstruction of a traditional medieval historiography. *Journal of Frontier Studies*, 2018, no 1, pp. 17-46.
41. Larrington C. Game of Thrones and Medieval Studies – Ten Years On. *Medievalists*, 2021. February. <https://www.medievalists.net/2021/02/game-thrones-medieval-studies/>
42. Martin G. *Fire and Blood*. NY.: Bantam Books, 2018, 736 p.
43. Martin G., Antonsson L., Garcia E. *The World of Ice & Fire: the Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. Bantam: Bantam: Harper Voyager, 2014, 326 p.
44. Morgan G.A. Medievalism, Authority, and the Academy. *Studies in Medievalism XVII. Defining Medievalism(s)* / ed. K. Fugelso. NY.: Boydelland Brewer, 2009, pp. 55-67.
45. Musci E. Nuvole di Medioevo. Il paesaggio (immaginario e storico) fumetti a sfondo medievale. *Il paesaggio agrario italiano medievale. Storia e didattica. Summer school Emilio Sereni, 24–29 agosto 2010* / ed. G. Bonini, A. Brusa, R. Cervi, E. Garimberti. Roma: Gattatico, 2011, pp. 293-310.
46. O'Connor R. Fire and Blood, George R. R. Martin, review: New Game of Thrones book is exhaustive but often tedious. *Independent*, 2018. November 20.
47. Petersen N. Medievalism and Medieval Reception: A Terminological Question. *Studies in Medievalism XVII. Defining Medievalism(s)* / ed. Karl Fugelso. NY.: Boydelland Brewer, 2009, pp. 36-44.
48. Polack G. Medieval Reads: Maurice Druon and George RR Martin – two sides of a coin?. *Medievalists*, 2020. September. <https://www.medievalists.net/2020/09/maurice-druon-george-martin/>
49. *Rethinking the New Medievalism* / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglioni-Toulet, J. Küpper, J. Patterson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014, VIII, 280 p.
50. Rifkin H. Review: Fire and Blood by George R. R. Martin – a dire prequel to Game of Thrones. *The Times*, 2018. November 17.
51. Riggs D. Continuity and Transformation in the Religions of Westeros and Western Europe. *Game of Thrones versus History: Written in Blood* / ed. Brian A. Pavlac. NY: Wiley-Blackwell, 2017, pp. 173-184.

52. Robinson C. L., Clements P. Living with Neomedievalism. *Studies in Medievalism(s)*, 2009, no. 18, pp. 55 – 75.
53. Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History. *Past and Present*, 1979, no 75, pp. 3 – 24.
54. Utz R. *Medievalism: A Manifesto*. Kalamazoo – Bradford: ARC Humanities Press, 2017, 107 p.
55. Utz R. Should medievalists be teaching Game of Thrones? *Medievalists*, 2019. April. <https://www.medievalists.net/2019/04/should-medievalists-be-teaching-game-of-thrones/>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета
*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская, 16, 394000, г. Воронеж, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies of the Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies of the Faculty of History
*Voronezh State University
16, Pushkinskaya, Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>*

Поступила 17.08.2022

После рецензирования 30.08.2022

Принята 05.09.2022

Received 17.08.2022

Revised 30.08.2022

Accepted 05.09.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-48-73

УДК 93/94+902

**(ДЕ)КОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАРРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО
МЕДИЕВАЛИЗМА: «ИЗОБРЕТЕНИЕ»
СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЕМИ КОРОЛЕВСТВ ВЕСТЕРОСА**

М.В. Курчанов

***Цель.** Целью статьи является деконструкция конструируемого «исторического» нарратива путем выделения социальных, политических и экономических особенностей средневекового мира Семи Королевств, воображаемых в имитируемой нарративной американского писателя Джорджа Мартина, представленной в его романах, составляющих цикл «Песнь Льда и Пламени».*

***Новизна статьи** состоит в изучении особенностей социальной и экономической истории воображаемого средневекового мира Семи Королевств.*

***Методология.** Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии, предложенных в интеллектуальной и культуральной истории, а также в рамках изучения медиавализма как синтетической формы массовых представлений о Средневековье в современном обществе потребления.*

***Результаты.** Предполагается, что Дж. Мартин предложил модель развития средневекового общества. Политические отношения и институты, описанные Дж. Мартином, имеют параллели с теми социальными формами организации общества, которые возникли и развивались на Средневековом Западе. Поэтому в контекстах социальной истории общество, описанное Дж. Мартином, может быть определено как феодальное. Критически анализируя тексты Дж. Мартина как источники и деконструируя формирующие их нарративы, автор полагает, что в Семи Королевствах прошли процессы*

феодалной революции, что привело к оформлению системы отношений вассалитета и сюзеренитета. Тексты Дж. Мартина представляют собой источник по истории института королевской власти, описывая как историю региональных династий, так и особенности их подчинения и интеграции в государство, созданное в результате завоевания Вестероса Эйегоном I.

Выводы. В статье показано, что 1) Дж. Мартин и его соавторы стали конструкторами параллельной версии социальной и политической истории Средневековья и феодализма, 2) Дж. Мартин предложил образ Средневековья, генетически восходящий в истории Средневековой Европы, 3) анализируемые тексты могут быть определены как источник по социальной, экономической и политической истории Семи Королевств.

Ключевые слова: Джордж Мартин; «Песнь Льда и Пламени»; исторический нарратив; историческое воображение; тексты как конструкты

(DE)CONSTRUCTION OF THE HISTORICAL NARRATION OF MODERN AMERICAN MEDIEVALISM: THE “INVENTION” OF THE SOCIAL AND POLITICAL HISTORY OF THE SEVEN KINGDOMS OF WESTEROS

M.W. Kyrchanoff

Purpose. *The purpose of the article is to deconstruct the constructed “historical” narrative in contexts of the social, political and economic features of the feudalism of the world of the Seven Kingdoms, imagined in the imitated narration of the American writer George Martin, presented in his novels that make up the “A Song of Ice and Fire” cycle.*

The novelty of the article lies in the study of the features of the social and economic history of the imagining medieval world of the Seven Kingdoms.

Methodology. *Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography proposed in intellectual*

and cultural histories, as well as in the study of medievalism as a synthetic form of mass ideas about the Middle Ages in modern consumer society.

Results. *It is assumed that George Martin proposed a model for the development of medieval society. The political relations and institutions described by G. Martin have parallels with those social forms of organization that arose and developed in the Medieval West. Therefore, in contexts of social history, the society described by George Martin can be defined as feudal. Critically analyzing George Martin's texts as sources and deconstructing the narratives that form them, the author presumes that in the Seven Kingdoms the processes of feudal revolution led to the formation of a system of relations of vassalage and suzerainty. George Martin's texts are a source on the history of the institutions of royalty, describing both the history of regional dynasties and the features of their subordination and integration into the state established as a result of the conquest of Westeros by Aegon I.*

Conclusions. *The article shows that 1) George Martin became constructor of a parallel version of the social and political histories of the Middle Ages and feudalism, 2) George Martin proposed an image of the Middle Ages, genetically ascending in the history of Medieval Europe, 3) the analyzed texts can be identified as a source on the social, economic and political history of the Seven Kingdoms.*

Keywords: *George Martin; A Song of Ice and Fire; historical narrative; historical imagination; texts as constructs*

Введение

Формулировка проблемы. Современная историческая наука, основанная на сосуществовании и сочетании в значительной степени традиционных неопозитивистских форм изучения истории и постмодернистских моделей, основанных на воображении, изобретении, конструкции и деконструкции прошлого, формирует свои представления о прошлом при помощи нарративов, составляющих различные дискурсы, являющиеся одновременно формами интерпретации и самим объяснением прошлого в зависимости от

той эпистемологической системы координат, в которой пребывает историк. Использование дискурсов, формируемых текстами, позволяет предлагать обществу со стороны интеллектуального сообщества различные версии истории. В рамках современной историографической ситуации историки могут оперировать различными и множественными версиями прошлого, которые опираются на различные методологические основания. В актуальной ситуации развития культуры исторического знания, отмеченной доминированием постмодернизма, мы можем воспринимать историю не только как совокупность нарративов, но и редуцировать историю как прошлое до уровня культурного и интеллектуального конструкта. Особый тип таких историй представляют те, что созданы в рамках медиевализма – современного направления массовой культуры общества потребления [24], основанного на воспроизводстве мифа о Средневековье [5].

Медиевализм склонен одни моменты воображаемых и конструируемых им средних веков романтизировать и идеализировать, в то время как другие игнорируются в силу того, что не могут быть вписаны и интегрированы в массовую культуру общества потребления [18]. Медиевализм в литературе создает два типа нарративов, дальнейшее развитие которых институционализирует два дискурса, представленных текстами, которые в современной массовой культуре распределены крайне неравномерно. Первый тип образован многочисленными художественными текстами, формально принадлежащими к жанру фэнтези, авторы которых воссоздают многочисленные средневековые миры. Второй тип повествования о Средневековье в стилистике медиевализма не столь распространен и состоит из текстов, имитирующих средневековые формы историописания. Эти нарративы крайне различны по своему качеству и содержанию: если одни могут свидетельствовать об интересе их авторов к академической медиевистике, отражая их попытки ассимилировать ее достижения в каноне массовой культуры, то другие таким литературным качеством не отличаются и могут носить вторичный характер, отражая стремление их создателей ориенти-

роваться не на тенденции в развитии субкультур общества потребления, но на запросы современного рынка. В целом, именно такие нарративы формируют большинство текстов, составляющих основу актуального литературного медиевалистского дискурса, деконструкция содержания которых позволяет историкам выявлять особенности развития социальных, политических и прочих институтов множественных воображаемых «историй» как конструируемых версий прошлого. Таким образом, наряду с реальной, аутентичной, медиевистикой возникает параллельная наука об альтернативных множественных средневековых, которая использует аналитические модели и интерпретационные механизмы, в принципе близкие или идентичные тем, что применяются в академической медиевистике.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье будет деконструкция нарративов «псевдоисторических» текстов Дж. Мартина и его соавторов, которые актуализируют основные особенности социальной и экономической истории Семи Королевств как воображаемых сообществ.

Целью статьи является деконструкция этого нарратива путем выделения социальных, политических и экономических особенностей феодализма мира Семи Королевств, воображаемых в имитируемой наррации.

В число задач статьи входят 1) изучение особенностей и форм социальных и политических отношений средневековых обществ, описанных в анализируемых текстах, 2) анализ форм процессов феодализации и развития феодальных отношений в Семи Королевствах, и 3) изучение механизма развития и функционирования королевской власти как фактора политической и социальной истории Вестероса.

Материалы и методы

Источниковый корпус. Деконструкция типа исторической наррации, используемой Дж. Мартином, в представленной статье осуществляется в рамках анализа «средневековых» нарративов, описывающих и фиксирующих особенности и направления развития

социальных, политических и экономических отношений и институтов в мире Семи Королевств, модель функционирования которых может быть определена различно. Если формализовать внешнюю критику источника традициями социально-экономической истории, то мир Дж. Мартина может быть определен как феодальный. Если избегать подобной категориальности научного аппарата, то общества, описанные Дж. Мартином, являются средневековыми. Основой для деконструкции истории и выделения подобных категорий – от феодализма до Средневековья – стал корпус текстов, ограниченных «Пламенем и Кровью. Историей Таргариенов, королей Вестероса», представленных на русском языке двумя томами – «От Эйгона I Завоевателя до регентства при Эйгоне III» [6] и «От Пляски Драконов до Дня совершеннолетия Эйгона III» [7].

Эти тексты имитируют структуру и особенности средневековой модели исторической наррации. Фактически по своему содержанию, организации текста и восприятия истории они близки к той форме исторического воображения, которая сложилась в условиях кризиса традиционного общества и начавшихся модернизационных процессов на Западе XVIII–XIX вв. Содержательно тесты, описывающие Средневековье, близки к культуре знания Нового времени. Именно этим следует объяснять, что их автор частично отказывается от принципов исключительно хронологического построения текста, позволяя себе обобщения, которые не были характерны для средневековых форм историописания, оперируя терминологией (например, «феодальные отношения» и «феодализм»), связанной с институционализацией истории как научной дисциплины.

Методология. Методологически статья основана на идеях, которые сложились в междисциплинарной историографии, представленной принципами, применяемыми в интеллектуальной истории, культуральной истории и археологии идей, позволяющих как анализировать и интерпретировать, так конструировать и деконструировать различные типы нарратива, так как категория последнего продолжает оставаться среди центральных проблем современного исторического исследования.

Некоторые российские историки указывают на то, что попытки привнесения средневековой наррации в культурные контексты современности может привести только к имитации и симуляции культурного кода средних веков, так как мир, сконструированный усилиями Дж. Мартина, представляет собой «типично модерный уже потому, что его конструкция основана на тех же принципах имманентизма, реализма, перспективизма и эмансипации, характерных для языков самоописания и самолегитимации проекта современности» [4, с. 145]. Американский историк Пол Б. Стервант подчеркивает, что «средневековья в Северной Америке просто не было» [27], что не исключает как значительного развития медиевистики в США, так и медиевализма в художественной литературе. Тем не менее, американский историк Р. Трим, комментируя особенности современной интеллектуальной ситуации, подчеркивает: «хорошо это или плохо, но многие современные писатели использовали средневековые темы в своих произведениях» [30]. Среди тех, кто наиболее активно в современной массовой литературе продвигает медиевализм, особое место занимает Джордж Мартин.

Рассматривая отражение опыта Средних веков через имитацию средневекового нарратива, следует признать, что за ними в текстах Дж. Мартина и его соавторов [14] сокрыт своеобразный, по определению Ф. Мэйтлэнда, *beyond*, то есть совокупность различных культурных и интеллектуальных оснований [22]. Дефиниция, введённая в научный оборот в 1897 г., никакого отношения к современной массовой литературе, к которой принадлежат мартиновские тексты, не имеет. Вместе с тем, она актуализирует, что никакое представление о Средних веках не может возникнуть в ситуации вакуума. Поэтому структура «средневекового» нарратива в анализируемых текстах, сложилась под воздействием внешних факторов, представленных академическими и культурными влияниями, которые определяли структуру, форму и содержание имитируемой средневековой наррации.

Результаты и обсуждение

Деконструкция мартиновской исторической наррации: основные принципы. Если Джордж Мартин и его соавторы активно имити-

руют средневековый нарратив, фактически конструируя текст источника по истории Семи Королевств, то в задачи профессиональных историков вполне могут входить попытки деконструкции такого нарратива. Тексты Дж. Мартина получили разные оценки в историографии, но некоторые авторы склонны видеть в них протест против современной рациональности и, как следствие, попытку реставрации, точнее – реанимации, романтической модели воображения. Поэтому сегмент современной литературы, к которому мы можем отнести картинные тексты, можно описывать в категориях «реакции и противоядия от рациональности Просвещения и индустриальной деперсонализации... , построение лучшего мира, романтизм, сосредоточенный на эмоциях и индивидуальном опыте и воображаемом прошлом» [23]. Если интерпретировать тексты Дж. Мартина в этой системе координат, то имитация им средневековой формы исторической наррации также неизбежна, как и академическая деконструкция созданного им дискурса.

В этом контексте в отношении рассматриваемых текстов, если мы воспримем их как «источники», мы можем воспользоваться механизмами внешней критики исторического источника, что даст нам возможность путем «разрушения» текста как конструкта выделить те фрагменты нарратива, которые позволяют делать выводы о социальной, политической и экономической истории Семи Королевств, выделяя основные особенности развития и трансформации феодальных отношений. Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что тексты Дж. Мартина в целом интегрированы в стабильный интерес современного общества к истории средних веков, но фактически тексты, апеллирующие к ценностям и принципам средневековья, появилось «когда феодализм уже кончился» [12]. Более того, в рамках современной литературы произведения, имитирующие средневековый исторический нарратив, возникли еще позже, когда медиевализм, как форма прикладного интереса к средним векам, показал свою окупаемость и продаваемость как на уровне массовой литературы, так и кинематографа.

Французский историк Ж. Дюби, комментируя особенности исследовательской практики медиевистов, подчеркивает, что «историки

общества должны, конечно, в полной мере использовать все источники и должны, для удобства исследования, начинать с анализа явлений на разных уровнях, они должны также перестать относиться к истории общества как к служанке истории материальной цивилизации, или власти, или идей, ибо ее истинное призвание – синтез, благодаря которому можно собрать воедино результаты исследований, проводимых одновременно в разных областях, и объединить их в глобальное видение» [16, р. 3]. На современном этапе развития историографии истории средних веков такое ее видение будет неполным, если мы игнорируем особенности восприятия и воображения средневекового исторического опыта в постсредневековых культурных ситуациях, в том числе – и в современной массовой культуре, которая присваивает некоторые функции академической историографии. В ситуации отсутствия аутентичных источников представители массовой литературы не только предлагают альтернативный исторический нарратив, но и конструируют и имитируют для него собственные источники, содержащие версии исторической наррации, которые не только альтернативны реальным источникам, но и успешно их имитируют.

Таким образом, в отношении анализируемых текстов мы можем проделать те операции, которые историки-медиевисты регулярно выполняют относительно реальных источников по истории Средневековья с той лишь разницей, что созданная нами модель развития общества как системы институтов и отношений будет носить в значительной степени условный характер в силу того, что государства, описанные Дж. Мартином и его соавторами, в реальности не существовали: их история, зафиксированная в изучаемых текстах, может быть следствием проекции европейского исторического опыта – в ряде случаев абсолютизированного. Именно это и придает мартиновской версии социальных миров Средневековья характеристики и свойства идеальной модели. Деконструируя рассматриваемые тексты, мы можем выделить несколько системных факторов, которые формируют системные особенности модели Семи Королевств.

Деконструкция имитируемого источника как конструирование образа королевской власти. Деконструкция смыслов текстов

Дж. Мартина и его соавторов позволяет нам констатировать, что развитие института королевской власти в Семи Королевствах отличалось значительными особенностями, несмотря на то, что американский писатель оказался в состоянии относительно точно описать ситуацию «аморфности и неразвитости государственных структур, лишенных прочных бюрократических оснований» [9, с. 5], которая была характерна для постепенно усложняющихся, с точки зрения социальной организации, традиционных обществ. Власть короля не могла быть признана легитимной без ее ритуального санкционирования, то есть коронации. Именно поэтому Эйгон, завоевавший Вестерос, прилагал значительные усилия для получения подобной символической легитимности, о чем свидетельствует то, что практически сразу же по завоевании «верховный септон короновал и помазал его в Звездной Септе Староместа» [9, с. 5]. В этом контексте во внимание следует принимать и консолидирующую роль таких ритуалов.

По мнению М. Бойцова, среди механизмов, которые могли содействовать консолидации средневекового общества, была коронация, занимавшая особое место среди «политических ритуалов, которые сплавляли политическое сообщество, особенно тогда, когда люди, обладавшие властью, собирались вместе» [2], что, в частности, отражено в текстах Дж. Мартина. Текст, конструируемый Дж. Мартином, фиксирует многоступенчатый характер символической легитимации власти, так как коронация в Староместе не была единственной. Во время повторной коронации сестра Эйгона «королева Висенья возложила на голову брата стальной, украшенный рубинами обруч, а королева Рейенис нарекла его Эйгоном, первым этого имени, королем всего Вестероса и щитом своего народа» [6, с. 13].

В западной модели Средневековья, как полагает М. Бойцов, «при коронации происходило не просто возвышение государя, но и связывание его системой довольно сложных обязательств с той элитой, которая участвует в этом празднике, в этом ритуале. Дело не только в том, что государь приносил коронационную клятву, дело в том, что разные группы его общества должны были быть согласны на

то, чтобы участвовать в этой церемонии, должны выполнять свои функции... Тем самым коронация становилась системой социального, культурного и политического договора между правителем и той политической элитой, которой прежде всего он и управляет» [1]. Дж. Мартин как в текстах, имитирующих средневековую нарратацию, так и в романах своего цикла, значительное внимание уделяет фигуре монархов как династии Таргариенов, так и местных властителей, фиксируя сочетание тенденций усиления власти короля, так и попытки ее ослабления, хотя американский писатель вряд ли знаком с предположением, о том, что для средневекового общества было характерно «непродолжительное, но тем не менее существенное усиление центральной власти и вообще укрепление властных вертикалей» [9, с. 5].

В этом контексте мы фиксируем легитимацию королевской власти в форме коронации символическими ритуалами не только со стороны церковной организации, но и династии как совокупности представителей правящего рода. Кроме этого, историческая нарратация, конструируемая Дж. Мартином, фиксирует развитие титулатуры монарха. Исторический нарратив конструируемого Дж. Мартином источника воспроизводит и другие моменты, связанные с функционированием ритуала коронации, предлагая ее следующее описание: «три дня спустя его святейшество в Звездной септе помазал Эйгона семью елями, возложил на его голову корону и провозгласил его Эйгоном из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, рейнаров и Первых людей, Лордом Семи Королевств и Хранителем Государства» [6, с. 27].

Таким образом, мартиновский текст, построенный на принципе хронологически ориентированного рассказа об истории династии, ее усилении и строительстве ей государства фиксирует некоторые особенности процесса, связанные, например, с расширением титулатуры в направлении ее усложнения и актуализации преемственности с более ранними государственными образованиями, что было призвано легитимировать власть Таргариенов путем актуализации их преемственности с воображаемыми историческими

предшественниками. Тем не менее, медленность процесса усиления королевской власти, что описано в имитируемом Дж. Мартином источнике, указывает на верность предположения А.Г. Глебова о том, что представления о короле и его месте в обществе «исключительно медленно эволюционировали» [3, с. 35]. Вместе с тем, во внимание следует принимать и то, что исторический нарратив Дж. Мартина фиксирует государственную модель, которая в значительной степени отличалась от предшествующей и той, формирование которой описано в цикле его романов и отражено в сериале. Историческая наррация, имитируемая Дж. Мартином, фиксирует существование такого политического сообщества, которое формально содержит атрибуты средневековья и поэтому «организовано совершенно иначе», чем более поздние формы социальной организации. В этой ситуации «мы не можем говорить о существовании государства. Средневековое европейское общество – это общество без государства» [2].

Деконструкция текстов Дж. Мартина как конструирование социальной истории Семи Королевств. Именно поэтому имитируемый исторический нарратив отражает ситуацию существования действующих институтов вассалитета и сюзеренитета, а также связанных с ними формальных или неформальных отношений, но государство в подобной системе координат никогда не является основным игроком. Поэтому конструируемый Дж. Мартином источник повествует преимущественно об отношениях и стоящих за ними институтах, что в значительной степени усложняет задачу увидеть за их функционированием государство. Выделяя смыслы из текстов, которые представляют собой имитацию средневековой исторической наррации, во внимание следует принимать и особенности политической структуры и организации общества Вестероса. Судя по имитируемому Дж. Мартином и его соавторами источнику, общество Семи Королевств характеризовалось значительным уровнем гетерогенности в политическом и социально-экономическом плане, так как «Вестерос в те времена был поделен на семи враждующих королевств, и едва ли когда случалось, что два-три из

них не воевали между собой. Обширными пространствами холодного Севера правили Старки из Винтерфелла, пустынями Дорна – принцы дома Мартеллов, золотоносным Западом – Ланнистеры из Бобрового Утеса, плодородным Простором – короли-садовники из Хайгардена. Долина, Персты и Лунные горы принадлежали дому Арренов» [6, с. 8].

Из этого механического перечисления составных частей Семи Королевств, вероятно, следует сделать вывод, что к моменту их Завоевания они обладали относительно стабильными политическими и государственными институтами, которые ассоциировались, как минимум, с правящими династиями. В этом контексте особенности истории и политической организации тех политий, которые формируют Семь Королевств, фиксируемые в имитируемом историческом нарративе Дж. Мартина, позволяют сравнивать их с теми средневековыми государствами на территории Западной Европы, которые не были в полной мере реализованы в качестве институционализированного политического проекта, что, например, относится к Бургундии, которая в некоторых исследованиях воображается как «*État*» [25], то есть «государство», а ряд историков и вовсе считает возможным писать о ней как о «*le royaume inachevé*» («незавершенном королевстве» [21]), или просто о «*royaume*» (королевстве в значении «государство») [17] что в определенной степени сближает ее правителей с признанными средневековыми королями. Подобные параллели достаточно распространены и в текстах самого Дж. Мартина, когда он сопоставляет региональных королей с представителями династии Таргариенов, подчеркивая, тем самым, что Семь Королевств и после Завоевания в значительной степени сохраняли проявления гетерогенности – как в институтах, так и связанных с ними отношениях.

Поэтому, в текстах Дж. Мартина периодически упоминаются и другие «короли» [6, с. 19–20], которые могли сопротивляться Эйгону или устанавливать с ним сюзеренные отношения. Наличие королевских династий позволяет предположить наличие феодальной иерархии, так как их существование было маловероятно вне

системы отношений вассалитета и сюзеренитета. Такие отношения на территории Семи Королевств, вероятно, сложились до завоевания, а последнее только содействовало их реинституционализации. Последняя проявилась в том, что Эйгон, несмотря на то, что соединил «Семь Королевств в единое государство» [6, с. 27], подтверждал наследственные права местных правителей, меняя при этом их статус, что было связано с формально ликвидацией независимых королевств, хотя фактически их политические особенности сохранялись, так как «в каждом завоеванном королевстве существовали свои законы, свои обычаи, и король в них не вмешивался, оставляя лордам былые привилегии и права. Законы наследования оставались неизменными, феодальная иерархия сохранялась... мелким лордам и рыцарям-помещикам предписывалось обращаться к своему сюзерену, распри же между великими лордами улаживал король» [6, с. 43–44].

В этом контексте имитируемый Дж. Мартином источник достаточно четко фиксирует общество Семи Королевств как «средневековые политические образования», которые «представляли собой поэтому главным образом союзы знатных семейств – своего рода кланы, обладавшие властью, богатствами, множеством зависимых людей и связанные друг с другом родственными и иными отношениями» [2]. Поэтому, история Семи Королевств, представленная в историческом нарративе, имитируемом Дж. Мартином, актуализирует параллели с теми процессами, которые имели место, например, в раннесредневековом обществе, когда появилась империя Карла Великого, возникшая как «проект, в основе которого лежала идея, разделяемая некоторыми группами активных элит, которые и реализовывали этот политический проект, ориентируясь на совершенно определенную идею, на совершенно определенные задачи» [8], на выполнение которых и были сконцентрированы воображенные Дж. Мартином Таргарены.

Конструируемая наррация представляет собой имитацию средневекового нарратива, так как, с одной стороны, характеристика отношений вассалитета и сюзеренитета являются интерпретацией

их понимания в академической медиевистике. С другой стороны, использование определения «феодалная» актуализирует имитационный характер нарратива, так как язык самоописания средневекового, то есть феодального общества, не использовал подобные элементы в языке собственного самопозиционирования. Воображаемый Дж. Мартином средневековый автор описывал особенность вассальных отношений следующим образом: «Лоррен Ланнистер склонил колена перед и присягнул Таргариену на верность... Эйгон оставил за ним его земли, нарек Лордом Бобрового Утеса и Хранителем Запада... другие лорды последовали примеру побежденного короля... стюард-управитель Харлен Тирелл вручил ключи от замка без боя... Эйгон пожаловал ему Хайгарден со всеми землями, наименовав его лордом Мандера и Хранителем Юга... Торрен Старк сложил древнюю корону Королей Зимы к ногам Эйгона и поклялся ему в верности. Поднялся он уже не королем, но лордом Винтерфелла и Хранителем Севера» [6, с. 22–24].

Процесс консолидации Семи Королевств был отягощен многочисленными военными столкновениями с представителями исторически сложившихся династий, который не стремились признавать сюзеренитет Таргариенов и становиться их вассалами. Именно поэтому «король-жрец Лодос воззвал к своему богу, чтобы тот послал кракенов потопить корабли Эйгона; не дождавшись их, он повесил камень на шею и пошел в море “посоветоваться с отцом”. За ним последовали многие тысячи, и раздутые тела утопленников годами прибывало к берегам» [6, с. 30–31]. Таким образом, текст источника, сконструированного усилиями Дж. Мартина и его соавторов, актуализирует особенности развития феодальной иерархии в Семи Королевствах после завоевания, отражая как попытки формально центральной власти ликвидировать местные королевства, то есть «примирить Семь Королевств» [6, с. 41], так и достичь компромисс с региональными владетелями, наделяя их одновременно статусами лордов и присваивая титулы «хранителей», что отражало рецидивы одновременного сосуществования нескольких независимых королевств на территории Вестероса в прошлом.

Анализируя мартиновские тексты как «источники» и деконструируя нарративы, описывающие реалии социальной и экономической истории, воображаемого им мира, во внимание следует принимать и то, что за проекциями Дж. Мартина стоит опыт европейского средневековья, хотя сложно проследить, в какой мере американский писатель консультировался с учеными, но использование, точнее – ассимиляция, им достижений академической медиевистики сомнений не вызывает. Поэтому, воображаемые в имитируемом тексте источника социальные и политические реалии обществ Семи Королевств, в целом, вписываются в различные подходы к социальной истории Средневековья.

Мартиновский «источник» позволяет, с одной стороны, воспринимать феодализм в рамках определения Франсуа-Луи Гансофа как «совокупность институтов, которые создают и регулируют обязательства повиновения и службы – в основном военные – со стороны свободного человека, называемого “вассалом”, по отношению к свободному человеку, называемого “господином”, а также обязательства по защите и поддержки со стороны “лорда” в отношении “вассала”, учитывая тот случай, когда обязательства сопровождались уступкой со стороны сюзерена вассалу “феодалного владения”» [20, р. 17]. С другой, социальные и политические реалии миров, воображаемых Дж. Мартином, соотносимы и с дефиницией Морриса Добра, воспринимавшим феодализм как «систему, при которой экономический статус и власть были связаны с землевладением и в которой прямой производитель (в свою очередь, владевшей некоторой землей) был обязан, на основании закона или обычного права, посвятить определенную часть своей деятельности на благо своего сюзерена» [15, р. 465 – 466]. Все эти атрибуты, приписываемые феодализму историками, вполне деконструируемы из имитируемой Дж. Мартином исторической наррации.

Имитируемый Дж. Мартином источник фиксирует различные попытки консолидации государственности путем перемещения представителей среднего и мелкого феодализма между королевствами, когда, например, «северяне укрепили ополчения многих домов..., помогли речным поселянам пережить зиму и распространили веру

в старых богов к югу от Перешейка» [7, с. 242–243]. В качестве рецидива раздробленности и параллельного сосуществования различных политических традиций и институтов следует воспринимать и фактически совместное правление двух королей после смерти Эйгона Завоевателя [6, с. 69]. Анализируя этот фрагмент мартиновского «источника», мы можем интерпретировать его следующим образом: во-первых, к моменту Завоевания на территории Семи Королевств сложились феодальные отношения, воспроизводимые связанными с ними институтами; во-вторых, наличие институтов не предусматривало наличие стабильных государственных институтов; в-третьих, Завоевание фактически привело к конфликту сложившихся феодальных институтов и отношений, с одной стороны, и трансплантируемого государства, с другой; в-четвертых, в условиях такого конфликта государство оказалось менее успешным актором в сравнении с феодальными отношениями и институтами, которые существовали в рамках системы сюзеренитета и вассалитета.

Воображаемые авторы средневекового исторического нарратива, фиксировали и другие особенности функционирования королевской власти, связанные как с развитием политической культуры и идентичности различных ветвей правящей династии, когда «оба претендента поднимали знамя Таргариенов: красного трехглавого дракона на черном..., но Эйгон сделал дракона золотым» [7, с. 51], так и с увеличением численности представителей правящей династии, когда, например, «в 50 г. Вестерос имел короля, десницу и трех королей: в Красном Замке властвовала королева Алисса, вдова короля Эйениса, на Драконьем Камне явилась новая королева, которая вышла замуж за своего брата, на Светлом острове жила вдова принца Эйгона Некоронованного, ее уже называли королевой Запада» [6, с. 143].

Имитируемый нарратив актуализирует особенности усиления королевской власти через призму ее конфронтации с религиозными институциями, в частности – с религиозными орденами, что привело к большей фрагментации феодалитета, так как часть лордов поддержала преследуемых религиозных фанатиков [6, с. 112–113], что

привело к их противостоянию с королем. Консолидация королевств требовала изменения политики королевской власти, что и вынуждало правящего монарха не только «объявить Королевскую Гавань своей столицей», но и «проводить там не более четверти года», посвящая «вторую половину года путешествиям от замка к замку» [6, с. 42]. Замки в текстах Дж. Мартина, которые имитируют исторический источник, упоминаются неоднократно, но их генезис, структура и функции остаются неясными. Вероятно, Семь Королевств, о которых идет речь, к моменту завоевания пережили процесс озамкования [29], вероятно, пройдя через местную версию «феодальной мутации» [10, с. 50], что привело к фактическому формированию системы социальных формальных и неформальных связей и взаимозависимостей на локальном уровне. В истории средневекового Запада этот процесс привел к тому, что «пространство оказалось окутано сразу тремя видами сетей – сеньориями, приходами и общинами» [11, с. 46]. Если две первые фигурируют в воображаемой социологии Семи Королевств, то низовой уровень исторической антропологии Вестероса Дж. Мартином игнорируется.

Замок в мире, конструируемом в имитируемом историческом нарративе Дж. Мартина, фигурирует как форма организации и упорядочивания пространства, будучи универсальной единицей, при помощи которого местные владетели и династии могли выстроить определенную модель [26], основанную на политических, социальных и экономических институтах, соотносимые именно с замком [28; 29]. В мире Дж. Мартина озамкование протекало не как локальный проект строительства замков, но как, по терминологии Р. Фоссье, «d'encellulement», то есть «объяснение», которое определяло основные тенденции развития отношений в рамках сложившейся феодальной иерархии [19]. Замки, периодически упоминаемые Дж. Мартином, фактически стали отражением процессов, которые в мире Семи Королевств «закрепили политический партикуляризм» [13, с. 27].

Если выделять смыслы из текстов Дж. Мартина, как источника, то мы можем фиксировать и начало процесса постепенного ограничения королевской власти. Например, относительно Эйгона Заво-

евателя признается, что он ориентировался на мнение мейстеров, а что касается Джейхериса I, то именно его правление связывается с появлением «малого королевского совета» [6, с. 47]. Текст Дж. Мартина и его соавторов, имитирующий источник, фиксирует развитие совещательных органов при короле, которые носили иррегулярный характер, его состав и численность были не определены, а привилегии могли сводиться к выборам монарха [6, с. 340–341]. Подобные полномочия знати возросли после завершения гражданской войны, которая привела к тому, что «королевская династия выжила, но власти у нее поубавилось» [7, с. 6].

Заключение

Тексты Дж. Мартина, если деконструировать представленный в них тип наррации, можно определить как источник по социальной и экономической истории Семи Королевств. История последних имеет явные параллели с теми процессами, которые имели место на территории средневекового Запада. Поэтому, в силу методологических предпочтений историков, социальный и экономический тип общества, вообразенного Дж. Мартином, может быть определен как феодальный или более широко – как средневековый.

Текст Дж. Мартина фиксирует ряд процессов, имевших место в истории вообразаемых им Семи Королевств, связанных с развитием местной формы средневековых отношений и институтов. Если принимать дефиницию «феодализм» как правомерную для современной историографической культуры, то мы можем предположить, что в текстах Дж. Мартина описан зрелый феодализм, представленный формально единым, но фактически рыхлым и гетерогенным государством. Семь Королевств, описанные Дж. Мартином, формально объединены под властью династии Таргариенов, но фактически на региональном уровне сохранились местные правящие дома. Система связей между Таргариенами и ими носит характер сюзеренно-вассальных отношений.

Если воспринимать общество мира Дж. Мартина как феодальное, то, проводя параллели с историей западного феодализма, мы

можем предположить, что оно уже пережило процесс «великой мутации», что, например, проявилось в феномене озамкования. Формализуя те сведения о социальных, политических и экономических отношениях, которые сообщает американский писатель, мы можем определить описанный им социум как общество «Высокого Средневековья». Тексты Дж. Мартина в этом контексте интересны не только его воображаемой версией социальной и политической истории Средних веков. К числу удач американского писателя относится то, что в его цикле представлен социальный, политический, экономический, культурный и религиозный тип общества, который не только имеет явные параллели с процессами, происходившими на территории средневекового Запада. Тексты Дж. Мартина важны не только для историков-медиевистов, но и для социальных и культурных антропологов. Важность анализируемых текстов состоит в том, что в них представлен целостный тип общества со всеми его атрибутами – от политической королевской власти до поземельных отношений, от религиозной истории до культурной компоненты исторического процесса. Именно эта целостная модель делает возможным критику текстов Дж. Мартина как условных источников, позволяя проводить деконструкцию предлагаемого нарратива, выделяя социальные, экономические и прочие социо-культурные измерения воображаемого Средневековья.

Таким образом, Дж. Мартин, конструируя собственные версии средневековых нарративов как одновременно языка самоописания и стороннего отстраненного описания, фактически показал, как работает и функционирует язык исторической науки, оперирующий множественными интерпретациями нарративов, основанных как на их анализе и ревизии, так конструкции и деконструкции одновременно. Мартиновские тексты, формально выдержанные в стилистике средневековых форм наррации, но фактически основанные на их имитации и симуляции через конструкцию и деконструкцию, актуализируют универсальность нарративных практик в историческом воображении как на уровне высокой, так и массовой культуры. Если первая конструируется применительно к несуществующим соци-

альным историческим реальностям мира Семи Королевств, то вторая фактически оказывается сферой бытования и доминирования подобной модели наррации об историческом опыте Средневековья.

Список литературы

1. Бойцов М. Коронации в средневековой Европе // ПостНаука. 2014. 8 октября. <https://postnauka.ru/video/32882>
2. Бойцов М., Максutow И. «Ритуалы – это и есть власть»: Интервью с историком Михаилом Бойцовым об обряде средневековой коронации, практике помазания и статусе королевской власти в Европе // ПостНаука. 2014. 7 ноября. <https://postnauka.ru/talks/35978>
3. Глебов А.Г. «Мною цари царствуют...»: политические идеи и практика управления в Англии в эпоху Альфреда Великого // Средние века. 2003. Вып. 64. С. 35-49.
4. Кильдюшов О. Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов». Чем культовый сериал интересен для теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2020. № 1. С. 139-159.
5. Кирчанов М.В. Медиевализм: изобретение традиции (множественные Средневековья интеллектуальной истории 19-21 веков: от литературной “классики” к массовой культуре). Воронеж: Издательство «РИТМ», 2021. 136 с.
6. Мартин Дж. Пламя и кровь. Т.1. От Эйгона I Завоевателя до регентства при Эйгоне III. М.: АСТ, 2018. 384 с.
7. Мартин Дж. Пламя и кровь. Т.2. От Пляски Драконов до Дня совершеннолетия Эйгона III. М.: АСТ, 2019. 384 с.
8. Сидоров А. Как Каролинги объединили поворенные народы. Каролингская империя как политический проект // ПостНаука. 2017. 22 февраля. <https://postnauka.ru/video/67398>
9. Сидоров А.И. Организация власти во Франкском королевстве в VIII–IX вв. // Средние века. 2003. Вып. 64. С. 3-34.
10. Уваров П.Ю. XII столетие и секрет средневекового запада: обретение форм // Средние века. 2013. Т. 74. № 3-4. С. 42-59.
11. Уваров П.Ю. Общины, общности и медиевисты // Средние века. 2017. Т. 78. № 3. С. 41 – 62.

12. Уваров П.Ю. Феодализм как понятие // ПостНаука. 2012. 24 декабря. <https://postnauka.ru/video/7757>
13. Уваров П.Ю. Хартленд средневековья (особенности исторической динамики средневекового мира) // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова. Сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Крадин, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. С. 16-31.
14. Attewell S. Race for the Iron Throne: Political and Historical Analysis of “A Game of Thrones”. Blue Buddha Press, 2014. 718 p.
15. Dobb M. Estudios sobre el desarrollo del capitalismo. Buenos Aires: Siglo XXI, 1971. 231 p.
16. Duby G. The Chivalrous Society. Berkley – LA.: University of California Press, 1980. 246 p.
17. Favrod J. Les Burgondes. Un royaume oublié au cœur de l’Europe. Lausanne – Paris: Presses polytechniques et universitaires romandes, 2002. 142 p.
18. Fitzpatrick K.A. Neomedievalism, Popular Culture, and the Academy: From Tolkien to Game of Thrones. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 244 p.
19. Fossier R. Enfance de l’Europe: Xe – XIIIe siècles, aspects économiques et sociaux. Paris: PUF, 1982. 1125 p.
20. Ganshot Fr.-L. El feudalismo. Barcelona: Editorial Ariel, 1975. 269 p.
21. Lecuppre-Desjardin É. Le Royaume inachevé des ducs de Bourgogne (XIVe – XVe siècles). Paris: Éditions Belin, 2016. 432 p.
22. Maitland F.W. Domesday book and beyond: three essays in the early history of England. Cambridge: Cambridge University Press, 1897. 552 p.
23. Mondschein K. Game of Thrones, J.R.R. Tolkien, and the Roots of Modern Fantasy // Medievalists. 2019. March. <https://www.medievalists.net/2019/03/game-of-thrones-j-r-r-tolkien-and-the-roots-of-modern-fantasy/>
24. Rethinking the New Medievalism / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglini-Toulet, J. Küpper, J. Patterson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. VIII, 280 p.
25. Schnerb B. L’État bourguignon 1363-1477. Paris: Éditions Perrin, 1999. 474 p.

26. Settia A.A. Castelli e villaggi nell'Italia padana. Popolamento, potere e sicurezza fra IX e XIII secolo. Napoli: Liguori 1984. 553 p.
27. Sturtevant P.B. American Medieval // *Public Medievalist*. 2014. August 21. <https://www.publicmedievalist.com/american-medieval>
28. Toubert P. Dalla terra ai castelli. Paesaggi, agricoltura e poteri nell'Italia medievale. Torino: Einaudi, 1997. 347 p.
29. Toubert P. Les structures du Latium médiéval. Le Latium méridional et la Sabine du IXe siècle à la fin du XIIe siècle. Rome: École française de Rome, 1973. 1580 p.
30. Trim R. Anthony Davenport. Medieval Narrative – An Introduction // *E-REA*. 2005. Vol. 3. No 2. <https://doi.org/10.4000/erea.589>
31. Utz R. Coming to Terms with Medievalism: Toward a Conceptual History // *European Journal of English Studies*. 2011. Vol. 15. No 2. P. 101-113.

References

1. Boytsov M. Koronatsii v srednevekovoy Yevrope [Coronations in medieval Europe]. *PostNauka* [PostScience], 2014. <https://postnauka.ru/video/32882>
2. Boytsov M., Maksutov I. «Ritualy – eto i yest' vlast'»: Interv'yu s istorikom Mikhailom Boytsovym ob obryade srednevekovoy koronatsii, praktike pomazaniya i statuse korolevskoy vlasti v Yevrope [“Rituals are power”: An interview with historian Mikhail Boytsov about the medieval coronation rite, the practice of anointing and the status of royalty in Europe]. *PostNauka* [PostScience], 2014. <https://postnauka.ru/talks/35978>
3. Glebov A.G. “Mnoyu tsari tsarstvuyut...”: politicheskiye idei i praktika upravleniya v Anglii v epokhu Al'freda Velikogo [Kings reign by me...”: political ideas and management practice in England in the era of Alfred the Great]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2003, no. 64, pp. 35-49.
4. Kil'dyushov O. Sotsial'nyy poryadok i politicheskaya teologiya v «Igre prestolov». Chem kul'tovyy serial interesen dlya teoreticheskoy sotsiologii [Social order and political theology in the Game of Thrones. Why is the cult series interesting for theoretical sociology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2020, no. 1, pp. 139-159.

5. Kirchanov M.V. *Mediyevalizm: izobreteniyе traditsii (mnozhestvennyye Srednevekov'ya intellektual'noy istorii 19–21 vekov: ot literaturnoy "klassiki" k massovoy kul'ture)* [Medievalism: the invention of tradition (multiple Middle Ages of intellectual history of the 19th - 21st centuries: from literary "classics" to popular culture)]. Voronezh: «RITM», 2021, 136 p.
6. Martin G. *Plamya i krov'. T.1. Ot Eyyegona I Zavoyevatelya do regentstva pri Eyyegone III* [Fire and Blood. Vol.1. From Aegon I the Conqueror to the regency under Aegon III]. M.: AST, 2018, 384 p.
7. Martin G. *Plamya i krov'. T.2. Ot Plyaski Drakonov do Dnya sovershennoletiya Eyyegona III* [Fire and Blood. T.2. From the Dance of Dragons to Aegon III's Coming of Age]. M.: AST, 2019, 384 p.
8. Sidorov A. Kak Karolingi ob'yedinili povorennyye narody. Karolingskaya imperiya kak politicheskii proyekt [How the Carolingians united conquered peoples. Carolingian Empire as a political project]. *PostNauka* [PostScience], 2017. <https://postnauka.ru/video/67398>
9. Sidorov A.I. Organizatsiya vlasti vo Frankskom korolevstve v VIII-IX vv. [Organization of power in the Frankish kingdom in the VIII - IX centuries]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2003, no. 64, pp. 3-34.
10. Uvarov P.Yu. XII stoletiyе i sekret srednevekovogo zapada: obreteniyе form [The 12th century and the secret of the medieval west: the acquisition of forms]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2013, vol. 74, no. 3-4, pp. 42-59.
11. Uvarov P.Yu. Obshchiny, obshchnosti i mediyevisty [Communes, communities and medievalists]. *Sredniye veka* [Middle Ages], 2017, vol. 78, no. 3, pp. 41-62.
12. Uvarov P.Yu. Feodalizm kak ponyatiye [Feudalism as a concept]. *PostNauka* [PostScience], 2012. <https://postnauka.ru/video/7757>
13. Uvarov P.Yu. Khartlend srednevekov'ya (osobennosti istoricheskoy dinamiki srednevekovogo mira) [Heartland of the Middle Ages (features of the historical dynamics of the medieval world)]. *Terra Eurasica: k 60-letiyu akademika B.V. Bazarova. Sbornik nauchnykh statey* [Terra Eurasica: on the occasion of the 60th anniversary of Academician B.V. Bazarov. Collection of scientific articles] / eds. N.N. Kradin, L.V. Kuras. Irkutsk: «Ottisk», 2020, pp. 16-31.

14. Attewell S. *Race for the Iron Throne: Political and Historical Analysis of "A Game of Thrones"*. Blue Buddha Press, 2014, 718 p.
15. Dobb M. *Estudios sobre el desarrollo del capitalismo*. Buenos Aires: Siglo XXI, 1971, 231 p.
16. Duby G. *The Chivalrous Society*. Berkley – LA.: University of California Press, 1980, 246 p.
17. Favrod J. *Les Burgondes. Un royaume oublié au cœur de l'Europe*. Lausanne – Paris: Presses polytechniques et universitaires romandes, 2002, 142 p.
18. Fitzpatrick K.A. *Neomedievalism, Popular Culture, and the Academy: From Tolkien to Game of Thrones*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019, 244 p.
19. Fossier R. *Enfance de l'Europe: Xe – XIIe siècles, aspects économiques et sociaux*. Paris: PUF, 1982, 1125 p.
20. Ganshot Fr.-L. *El feudalismo*. Barcelona: Editorial Ariel, 1975, 269 p.
21. Lecuppre-Desjardin É. *Le Royaume inachevé des ducs de Bourgogne (XIVe – XVe siècles)*. Paris: Éditions Belin, 2016, 432 p.
22. Maitland F.W. *Domesday book and beyond: three essays in the early history of England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1897, 552 p.
23. Mondschein K. *Game of Thrones, J.R.R. Tolkien, and the Roots of Modern Fantasy*. *Medievalists*, 2019. March. <https://www.medievalists.net/2019/03/game-of-thrones-j-r-r-tolkien-and-the-roots-of-modern-fantasy/>
24. *Rethinking the New Medievalism* / eds. R. Howard Bloch, A. Calhoun, J. Cerquiglini-Toulet, J. Küpper, J. Patterson. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014, VIII, 280 p.
25. Schnerb B. *L'État bourguignon 1363-1477*. Paris: Éditions Perrin, 1999, 474 p.
26. Settia A.A. *Castelli e villaggi nell'Italia padana. Popolamento, potere e sicurezza fra IX e XIII secolo*. Napoli: Liguori 1984, 553 p.
27. Sturtevant P.B. *American Medieval*. *Public Medievalist*, 2014. August 21. <https://www.publicmedievalist.com/american-medieval>
28. Toubert P. *Dalla terra ai castelli. Paesaggi, agricoltura e poteri nell'Italia medievale*. Torino: Einaudi, 1997, 347 p.

29. Toubert P. *Les structures du Latium médiéval. Le Latium méridional et la Sabine du IXe siècle à la fin du XIIe siècle*. Rome: École française de Rome, 1973, 1580 p.
30. Trim R. Anthony Davenport. Medieval Narrative – An Introduction. *E-REA*, 2005, vol. 3, no. 2. <https://doi.org/10.4000/erea.589>
31. Utz R. Coming to Terms with Medievalism: Toward a Conceptual History. *European Journal of English Studies*, 2011, vol. 15, no 2, pp. 101-113.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета
*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская, 16, 394000, г. Воронеж, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies of the Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies of the Faculty of History
*Voronezh State University
16, Pushkinskaya, Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>*

Поступила 17.08.2022

После рецензирования 30.08.2022

Принята 05.09.2022

Received 17.08.2022

Revised 30.08.2022

Accepted 05.09.2022

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-74-91

УДК 304.2

**ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ***А.В. Неронов, М.Ю. Неронова*

В статье анализируется процесс идентификации личности в современном мире. Исходя из представления современного общества как «социокультурной мозаичности», авторы выделяют различные факторы, влияющие на формирование идентичности, а также рассматривают основные формы идентичности современного человека. Особое внимание уделено проблемам, которые возникают у национальных государств и традиционных социальных институтов в процессе влияния на формирование идентичности своих граждан.

Цель: выделить факторы, оказывающие влияние на процесс идентификации современного человека; выделить основные типы идентичности личности, формирующиеся в современном мире; выявить проблемы, возникающие у национальных государств и традиционных институтов в процессе формирования идентичности своих граждан.

Метод и методология проведения работы: применялись феноменологический, типологический методы исследования, а также подход социального конструктивизма Т. Лукмана и Питера Бергера.

Результаты: определены основные факторы, влияющие на процесс идентификации в современном мире; выделены формы идентичности, характерные для современных людей; выявлены проблемы, возникающие у современных национальных государств и традиционных институтов в процессе социализации и идентификации личности.

Область применения результатов: Полученные результаты могут быть применены при изучении современных общественных

и культурных процессов, связанных с социализацией и идентификацией личности.

Ключевые слова: мировоззрение; картина мира; идеология; социализация; идентификация; агенты социализации; глобализация; Интернет; национальные государства; социальные институты; символический капитал

PECULIARITIES AND PROBLEMS OF PERSONALITY IDENTIFICATION IN THE MODERN WORLD

A.V. Neronov, M.Yu. Neronova

The article analyzes the process of identity in the modern world. Based on the concept of modern society as a “socio-cultural mosaic” the authors highlight different factors influencing the formation of identity, as well as consider the main forms of identity of modern man. Particular attention is paid to the problems that arise for the nation-states and traditional social institutions in the process of influencing the identity formation of their citizens.

Objective: *to highlight the factors influencing the process of modern man's identity; to identify the main types of personal identity emerging in the modern world; to identify the problems that arise for nation-states and traditional institutions in the process of identity formation of their citizens.*

Method and methodology of work: *we used phenomenological, typological methods of research, as well as the approach of social constructivism of T. Lukman and Peter Berger.*

Results: *the main factors influencing the process of identification in the modern world were determined; the forms of identity characteristic of modern people were highlighted; the problems arising in modern nation-states and traditional institutions in the process of socialization and identification of personality were revealed.*

Scope of the results: *the results can be applied in the study of modern social and cultural processes related to the socialization and identification of the individual.*

Keywords: *worldview; worldview; ideology; socialization; identification; agents of socialization; globalization; Internet; nation-states; social institutions; symbolic capital*

С начала XXI века мир существенно изменился. Сегодня человек иначе воспринимает пространство, время и самого себя. Появились новые факторы, оказывающие влияние на личность, при этом традиционные институты и национальные государства столкнулись с серьезными проблемами в области социализации и идентификации граждан.

В своей предыдущей статье мы упоминали, что на почве единой научной картины мира возродились все прошлые формы мировоззрения [6]. То есть, к концу XX века мировоззрение оказалось разбито, как минимум, на три основных больших фрагмента: научно-атеистическое, религиозное и эзотерическое мировоззрение. Эти три основные формы являются исторически и культурно укорененными. Их создают люди на основе коллективной и персональной идентификации, складывающейся вокруг ценностно-идеологических систем. То есть, эти формы мировоззрения различаются специфическими ценностями и организуются идеологически.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение феномена идеологии, выделим то, что связывает последнюю с идентичностью человека. Любую идеологию можно трактовать как целостную систему объяснения мира, которая отражает позицию определенной социальной группы и соответствует ее ценностям и целям. Подобный характер идеологии, позволяет ей жестко регламентировать действия людей, четко и непротиворечиво выделять цели и задачи, отличать «своих» от «чужих». Благодаря этому мир в глазах людей обретает ясность, непротиворечивость и завершённость. Идеология не стремится к познанию истины, она дает «практическое руководство к действию». Таким образом, именно идеология завершает мировоззренческую форму, включающую в себя собственную систему легитимации картины мира, свою шкалу ценностей и смыслов, а также – определенное целеполагание. То есть, следует говорить не просто о

различных мировоззрениях в рамках мозаичной картины мира, но о различных идеологических формах такого мировоззрения.

В современной мире мы наблюдаем очень сложную картину, поскольку атеистические, религиозные и эзотерические мировоззрения сосуществуют в едином культурном поле и нередко конфликтуют не только между собой, но и внутри себя. Так, например, в рамках научно-рациональной формы мировоззрения идеология правого консерватизма находится в оппозиции к идеологии социализма и коммунизма, враждебны друг к другу либеральная идеология и взгляды националистов, и т.д. Это и есть реальность мозаичного мира, когда даже основные формы мировоззрения разделяются на отдельные фрагменты.

Такое явление имеет свою историю. Революционные изменения Нового времени ознаменовали переход к научной форме мировоззрения, куда прибавился и атеизм, который обрёл в науке собственную доказательную базу. Промышленная революция XIX века закрепила роль науки и усилила её значение в создании рациональной картины мира, основанной на принципах объективного исследования действительности. Это создало мощный вызов для религии, которая вошла в состояние серьезного кризиса. Стали возникать крупные новорелигиозные объединения, пытающиеся найти альтернативные мировоззренческие и идеологические опоры в мире воцарившейся науки (Свидетели Иеговы, Церковь саентологии, Церковь Объединения Муна и т.д.). А в светском сегменте социальной реальности происходило дробление на различные политические партии, на консервативные и либеральные течения, на сторонников и противников прогресса и так далее.

В XX веке мир стал меняться гораздо быстрее, чему способствовали две мировые войны и общий кризис в науке, начавшийся с кризиса в физике. Здесь требуется уточнение. Многие проблемы в науке могут быть преодолены и начали преодолеваются через изменение методов и форм познания. На эту тему есть немало специальных публикаций [7, 8]. Однако это не отменяет кризиса научного мировоззрения, которое оказалось не способным решить важней-

шие вопросы, стоящие перед каждым человеком в отдельности и человечеством в целом, например проблемы смысла жизни человека, жизни и смерти, базовые вопросы этики и так далее.

Подобное положение вещей породило хорошо известное явление «брожения умов», наиболее заметное в современной философии, где появились самые разнообразные идейные течения, а старые школы модернизировали свои концепции под новые проблемы. Поэтому современная философия не в силах помочь науке, поскольку сама вошла в состояние глубокого кризиса.

На усиление фрагментированности современного мировоззрения заметно воздействует культурный кризис постмодернизма, который затрагивает массы людей, далеких от проблем науки и философии. Кино, театр, живопись, литература – все эти формы искусства еще в XX веке стали представлять собой арену «вольных экспериментов» и борьбы на почве самых разнообразных точек зрения в идеологии, этики, эстетики, духовности и бездуховности.

Все перечисленные выше факторы способствуют увеличению «фрагментированности» мировоззрения. Но в данной статье, мы хотели бы сосредоточиться на особенностях идентификации личности в современном мире, которая находится в тесной связи с процессами дробления мировоззрения. Как известно, идентичность приобретается в ходе социализации личности. Этот процесс наиболее четко и последовательно отражен в работе Т. Лукмана и П. Бергера «Социальное конструирование реальности» [2]. Следует выяснить, каковы особенности современной социализации в плане создания идентичности, характерные для нашего времени, насколько национальные государства способны в наше время контролировать процесс социализации и идентификации.

Идентификация – это часть более общего процесса социализации, куда включаются также образование и воспитание. Идентичность создается через формируемую с детства картину мира. Но картина мира может быть существенно скорректирована под влиянием агентов социализации, или «значимых других», то есть тех людей, которые оказывают существенное воздействие на формируе-

мую личность социализируемого субъекта. При этом, среди агентов социализации могут быть не только родители и близкие родственники, но и представители референтных групп, например, сверстники, пользующиеся авторитетом у социализируемого индивида.

Практически до конца XX века на идентификацию влияли факторы дробления картины мира, которые были перечислены выше. Люди становились сторонниками тех или иных политических идей, религиозных течений, или эзотерических учений, а затем передавали это своим детям, или детям своих родных и близких.

Социализированный индивид формирует свою идентичность, воспринимая от агентов социализации их идеи, ценности и смыслы, а также усваивая способ действия и поведения, например, через копирование походки, смеха и так далее [2]. Таким образом агенты социализации транслируют свои взгляды на мир, людей, культурные ценности, а также оказывают влияние на формирование мировоззренческой идеологии, которая становится важным интегрирующим фактором понимания себя, мира и себя в мире для социализируемого индивида. Как уже было сказано выше, без идеологии форма мировоззрения и идентичности (как коллективной, так и персональной) не могут быть цельными, и пришлось бы говорить о неуспешной социализации с незавершенностью картины мира и идентичности.

Нередко влияние на формирование идентичности оказывают информационные источники (книги, фильмы и т.д.). Например, кто-то увлекался книгами про путешествия и в результате определился как моряк дальнего плавания, кого-то впечатлили герои-революционеры и так была приобретена идеологическая форма «борца с социальной несправедливостью», кто-то зачитывался рассказами о духовных достижениях религиозных подвижников и стал священнослужителем или монахом, быть может, вопреки наставлениям родителей.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что уже в XX веке идентичность людей формировалась различными агентами социализации, среди которых были как родители, так и представители

референтных групп, а также постоянно фрагментирующееся мировоззрение, воздействующее через культурную сферу. То есть, «человеческий фактор» соединялся с общечеловеческим, проявляющемся в культурном поле, где презентуются различные ценности и идеологии. Уже тогда было сложно контролировать процесс идентификации со стороны общества, хотя институты семьи, среднего и высшего образования, а также – армии и полиции в целом справлялись с этой задачей.

В наши дни появились два новых фактора влияния на идентификацию людей. Это Интернет и процесс глобализации, которые тесно переплетены между собой. Раздробленный на мозаичные фрагменты современный мир, еще больше усложнился. Отныне на социализируемого субъекта, помимо внешнего социального окружения, активно и даже агрессивно воздействует виртуальная реальность, которая может быть совершенно не связана с влиянием других агентов социализации. Можно сказать, что на идентичность современного человека, виртуальная реальность нередко оказывает даже более значимое воздействие, чем влияние «классических» агентов социализации. Все чаще возникают ситуации, когда взгляды растущего ребенка противоречат идеологии и ценностям родителей или представителей других референтных групп.

Таким образом, в условиях современного мира мы имеем следующие факторы влияния на идентификацию личности:

1. Фрагментированная картина мира, где каждый фрагмент обладает своей шкалой ценностей и организован идеологически.
2. «Первичные агенты социализации», прежде всего родители и другие члены семьи.
3. Представители других референтных групп.
4. Интернет.
5. Процессы глобализации.

Заметим, что «семейные агенты социализации» чаще всего пытаются ориентировать воспитуемого индивида в сторону того или иного «ценностно-идеологического фрагмента». Влияние пред-

ставителей других референтных групп оказывается менее определенным и может быть каким угодно, вплоть до антисоциальной идеологии и соответствующих ценностей. Что касается Интернета, то он дает возможность индивиду автономно настраиваться на ту информацию, которая ему наиболее интересна, или на ту, которая наибольшим образом влияет на его сознание. То есть, социализируемый индивид при контакте с виртуальной реальностью глобальной сети во многом освобождается от влияния реальных агентов социализации и получает возможность устраивать «праздники неповиновения». Учитывая склонность подростков к конфликту со старшим поколением и непосредственным социальным окружением, возникает проблема, связанная, с одной стороны, с возможностью настройки социализируемого индивида на информацию согласно собственному произволу, а с другой, возрастающему воздействию различных виртуальных агентов, нацеленных на «охоту за незрелыми умами», среди которых могут казаться и социально опасные представители неких организованных групп. Совпадение «субъективной вседозволенности» подростков при выходе в Интернет с наличием нежелательных агентов влияния представляет собой главную проблему для успешной социализации и соответствующей идентификации в современном мире. Данная проблема несет в себе еще одну: рост тенденции к возникновению все большего количества неустойчивых (незавершенных) идентичностей.

Если человек выбирает свою идентичность сам, то неизбежно возникает проблема недостаточной легитимации подобного выбора. На это, например, указывает Борзова А.В.: «Проблема здесь в том, что для того, чтобы правильно себя выбрать, нужно уже быть собой, а способов быть собой не так уж много и найти их удается редко» [3, С.95-96]. Поскольку нет подтверждения личного выбора со стороны реального общества, то данный выбор не может быть достаточно основательным и убедительным для самого человека. И это происходит в рамках эпохи всеобщего сомнения во всем, ведущего в сторону мультикультуральности, толерантности, никем не контролируемой индивидуальной свободы, с обязательным призна-

нием прав меньшинств на тот или иной выбор мыслей, ценностей и действий. Незавершенное мировоззрение с варибельным набором ценностно-смысловых скреп как раз характерно для неустойчивых идентичностей, не способных иметь хоть какую-нибудь идеологическую базу, сомневающихся в основах мира и не имеющих цельности в себе самих. Подобные люди, как правило, социально малоактивны и склонны к инфантильности в своих мыслях и поступках, то есть, к зависимости от мнений более устойчивых натур.

Существует и еще одна форма современной идентичности, которая появилась относительно недавно. Это так называемый «социальный серфинг», когда человек просто приспосабливается к выживанию в современном мире в условиях наличия виртуальных коммуникаций. Симонова И.А. и Бойко А.Д. таким образом определяют это явление:

«Так, сегодня, находясь в условиях доступности разнообразия культурных образцов и высокой проницаемости сообществ, мы можем наблюдать движение молодых людей от общности к общности: при этом характер включения оказывается поверхностным и основывается на критериях формального соответствия. Такая стратегия коммуникативного включения называется социальный серфинг (social surfing): человек производит быстрое поверхностное движение между общностями с их ценностями, системами действия и общения, социокультурными формами, и попеременно использует соответствующие комплексы социальных практик. При этом связи с сообществами через некоторое время тотально разрываются, практики отвергаются, коммуникация не поддерживается, серфер полностью переключается на новое сообщество. Приходится говорить о возможностях легкого выбора своей идентичности, которые предоставляет современный мир, утверждая релевантность социального серфинга для современной молодежи. Такая установка демаргинализована и теперь весьма популярна, что создает тренд скользящей мобильности. Так, по мысли Е. Туана «современный человек может быть настолько мобильным, что никогда не сможет пустить корни, и его опыт места может быть слишком поверхностным» [9, с. 175].

Здесь мы сталкиваемся с достаточно активной позицией личного выживания, настроенного на потребление с использованием прагматически выгодных коммуникаций. То есть, такая идентичность обладает собственной идеологической формой, в которой преобладает «философия массы» с установкой на максимально комфортное существование при наименьших затратах сил и времени. Новизной в данном случае можно считать постоянную переключаемость с одной коммуникации на другую при посредстве Интернета, что позволяет существовать без какой-либо укорененности в реальном социуме. Такого человека Р.Гвардини называет «человеком без личности» и говорит, что он «принимает и предметы обихода и формы жизни такими, какими навязывает их ему рациональное планирование и нормированная машинная продукция, и делает это, как привило, с чувством, что это правильно и разумно. Не имеет он и малейшего желания жить по собственной инициативе. Свобода внешнего и внутреннего движения не представляет, по-видимому, для него изначальной ценности. Для него естественно встраиваться в организацию – форму массы – и повиноваться программе, ибо таким способом человеку без личности задается направление» [5, с. 144].

Следующей формой идентичности можно считать сообщество таких людей, которых можно условно назвать «уклонистами от требований социальной реальности». Здесь имеется в виду попытка достижения личной свободы в предельном для человека смысле, как свободы вне общества. П. Бергер говорил о подобной свободе, как свободе через отстранение от социума, когда человек по большей мере только делает вид, что живет смыслами и ценностями общества, а на деле он движется по какому-то своему пути. «Индивид не стремится трансформировать социальные структуры и не отстраняется от них. Напротив, он намеренно использует эти структуры неожиданным для блюстителей законности образом и прорубает тропинки сквозь социальные джунгли, исходя из своих личных целей» [1, с. 124]. П. Бергер использует термин И. Гофмана «ролевая дистанция», при помощи которой человек может созна-

тельно симулировать социально-ролевую активность, опираясь на собственные мотивы, отличные от тех, которые он демонстрирует внешним образом [1].

Такое отстранение от социума может быть свойственно самым разным индивидам: мошенникам, карьеристам, эзотерикам, дауншифтерам и так далее. Все они имеют собственную идентичность со своими целями, установками и эго-центрированной идеологией.

Также следует рассмотреть «бикультуральный тип» идентичности, который выделяет Арентт [12]. Этот тип возник, прежде всего, под влиянием глобализации. Подобный человек включает в себя сразу две идентичности: локальную и глобальную, которые могут реально противоречить друг другу. С одной стороны, человек признает себя гражданином своей страны, с другой стороны, он же является «гражданин мира». Понятно, что такие характеристики нередко вступают между собой в противоречия.

Не следует также забывать о людях, склонных к групповому изоляционизму в рамках различных НРД (новых религиозных движений). Подобные группы не могут быть причислены к традиционным религиям, поскольку не включены в нормальную легитимную жизнь общества и потому не входят в множество классических «религиозных мировоззренческих фрагментов», связанных с основными религиозными конфессиями.

Наименее распространенным можно считать вариант самоидентификации личности, способной к творчеству и самостоятельному мышлению. В этом случае человек, используя, в том числе и возможности Интернета, пытается найти себя в современных реалиях путем творческой самореализации, превосходя пределы фрагментированной идентификации и «идеологически готовых» внешних влияний, а также – соблазнов «свободы уклонизма», или различных форм бегства от действительности.

В результате можно выделить, по крайней мере, 7 форм современной идентичности:

1. Успешная социализация и соответствующая идентификация с учетом ценностно-идеологического влияния агентов социали-

- зации (один из вариантов «мозаичной социализации» с выбором определенного фрагмента мировоззренческой мозаики);
2. Незавершенная социализация и неустойчивая идентичность (диффузная идентичность);
 3. Социальный серфинг как «идентичность выживания», или симуляция идентичности, «сетевая идентичность»;
 4. Идентичность «уклонистов от требований социальной реальности»;
 5. Бикультуральная идентичность;
 6. Новорелигиозная изоляционистская идентичность.
 7. Идентичность как результат творческой самоидентификации.

При этом отметим, что успешная социализация и завершенная идентификация всегда понимались как таковые, прежде всего, в рамках национальных государств с соответствующей репрезентативной культурой и набором ценностей, объединенных формой государственной идеологии. Насколько же усложнились задачи национальных государств в деле контроля за процессами социализации и идентификации своего подрастающего поколения? Добавим, что помимо фактора виртуального пространства Интернета в наши дни появился также и фактор мировых процессов глобализации. Здесь мы не будем рассматривать те меры, которые предпринимают (или могут предпринять) национальные государства для решения возникших проблем, поскольку для этого необходимо рассмотреть множество соответствующих фактов и это уже материал для отдельной статьи. Ниже мы рассмотрим те реальные трудности влияния на социализацию своих граждан, с которыми столкнулись национальные государства в современном мире.

Во-первых, это Интернет и процессы глобализации. Последние проявляются через СМИ, наблюдаются в быстро меняющемся окружающем пространстве, но в куда большей степени процессы глобализации презентуются через Интернет с его несметным избытком самой разнообразной информации. Ранее указывалось, что идентичность социализируемого субъекта может сформироваться в результате воздействия виртуальной реальности и быть совершенно

не связанной с влиянием традиционных агентов социализации. С учетом общего кризиса института семьи эта тенденция становится повсеместной и у государств остается все меньше возможности эффективно контролировать влияющее воздействие.

Во-вторых, следует указать на потерю монополии государства на социализирующее влияние через систему образования. «Система образования есть одно из мест, где в дифференцированных обществах производятся и воспроизводятся системы мышления...» [4, С.551]. В рамках системы образования производится символическое влияние на социализируемую личность «через навязывание норм, идеалов и образцов поведения, закрепленных в «культурном теле» каждого специфического общества» [10].

Несмотря на сохраняющийся контроль образования со стороны государства, здесь произошли значительные изменения. Так, например, благодаря Интернету и процессам глобализации, национальные научные сообщества становятся все более открытыми миру. В результате появляются общие базы данных, различные форумы для обсуждения научных интересов, а также возможности связывать профессионалов различных областей и уровней. Кроме того, имеют место факты обучения школьников и студентов в других странах, в частных школах, появляются возможности обучения в Интернете. Не следует сбрасывать со счетов и все возрастающее количество разного рода альтернативных источников получения информации, согласно которым, знания, транслируемые системой государственного образования, могут быть подвергнуты критике.

Появление новых альтернативных точек зрения и источников информации негативно воздействует на возможности государств оказывать символическое влияние на своих граждан даже при помощи СМИ. Нередко частные агенты через социальные сети устанавливают собственные правила, которые могут противоречить правилам того, или иного национального государства, так что последние вынуждено конкурировать с подобными частными агентами. Кроме того, на рынке развлечений существует огромное количество символов и нарративов, которые имеют возможность влиять на

зрителей. Подобный контент производится независимыми агентствами в рамках своих собственных платформ и площадок, что также создает конкуренцию для влияния государства на умы собственных граждан. Возможности Интернета позволяют создавать децентрализованные инфраструктуры, которые могут использоваться для поддержки активностей любых групп, не подверженных влиянию национальных государств.

Помимо уже указанных изменений в институтах семьи и образования, в наше время происходят изменения в сфере структур коллективной памяти. В прошлом история и культура являлись результатом творения конкретных наций, но теперь индивиды могут разделять множество форм укорененности, основанных на общности языка, ритуалах, культурных образцах и различающихся структур коллективной памяти [13]. Хорошо известно, что в разных странах существуют собственные идеологические трактовки истории, но в наши дни подобное различие все больше проявляется среди людей в рамках одной конкретной страны, что с неизбежностью приводит к дроблению точек зрения не только на прошлое, но и на настоящее.

Прошлое во многом это слуга настоящего и оно конструируется в связи с современными потребностями [11]. Так было всегда. Но в ходе процесса глобализации сторонники однополярного мира пытаются навязывать другим странам и народам свое видение истории, нарушая таким образом суверенитет отдельных наций на собственную историческую память. В современных реалиях национальному государству тяжелее бороться с этими чуждыми влияниями, поскольку помимо государственных СМИ существует множество других каналов информации, которые несут иные версии коллективных воспоминаний. Особенно в сфере распространения нарративов современной развлекательной индустрии, которая формирует представления массовой аудитории. Несмотря на утверждения о «межнациональном характере глобализации», нетрудно увидеть диктат нарративов всеобщей американизации и вестернизации, которые навязываются всем без исключения странам мира.

Таким образом, национальное государство во многом теряет значимую часть своего символического капитала, позволяющего ему быть монополистом в сфере символического влияния на своих граждан. Вместе с тем, не следует говорить об окончательном упадке или отсутствии возможности успешно конкурировать с глобальными нарративами, в мире, где происходит, также и обратная реакция на деструктивную роль глобализационных процессов. Например, в политике, наблюдается немалый уровень скептицизма в отношении международных институтов и их эффективности, а также рост недоверия к глобальным инициативам. Это касается реакции на культурную экспансию, ведущую к росту антиамериканизма в мире, а также реакции на американские ценности. В руках государств все еще находятся первичные средства контроля за населением и символическими инструментами, и пока еще сильна коллективная память, выстроенная на обращении к прошлому, в силу этого нельзя говорить о тотальной и неотвратимой эрозии национальной идентичности. Мало того, борьба за историческую память становится одним из важных средств достижения национальных суверенитетов в современном мире.

В заключении подчеркнем, что процессы социализации и идентификации личности в современном мире существенно усложнились из-за появления двух факторов влияния: Интернета и мировой глобализации. Количество различных форм идентичности возрастает, что приводит к своеобразной хаотизации в сфере идентификации. Национальные государства и традиционные институты утрачивают статус основного носителя символических смыслов, что приводит к ослаблению их влияния на процессы социализации и идентификации граждан. Одновременно возникает противоположная тенденция, связанная с сопротивлением народов и целых государств политике однополярной глобализации и поиском средств сохранения и укрепления национальной идентичности. В настоящее время мир находится в фазе перехода, когда возникла насущная необходимость изменения взглядов на процесс однополярной глобализации, а также - на использование Интернета, который сегодня представляет собой источник информации, практически не контро-

лируемый институтами национальных государств. Динамичные и противоречивые процессы, происходящие в обществе, в настоящий момент не позволяют прийти к однозначным выводам относительно стратегии и тактики национальных государств, связанных с социализацией и идентификацией своих граждан.

Список литературы

1. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Борзова А.В. «Идентификация» личности: постгуманистические перспективы // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2012. № 1(10). С. 93-101.
4. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
5. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. №4. С. 127-163.
6. Неронова М.Ю., Неронов А.В. «Текущая современность» как символ веры в постиндустриальном обществе // Современные исследования социальных проблем. 2020. Том 12. №2. С. 318-336.
7. Полани М. Личностное знание. М.: RUGRAM, 2013. 342 с.
8. Поппер К. Логика научного исследования. М.: АСТ, 2010. 576 с.
9. Симонова И. А, Бойко А. Д. Социальный серфинг молодежи как фактор становления гражданской субъектности: социально-философский анализ результатов форсайта // Современные исследования социальных проблем. 2019. Том 11. №2. С. 173-191.
10. Тангалычева Р. К. Структуралистский конструктивизм П. Бурдье как теоретическая перспектива изучения межкультурной коммуникации // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1 (21). <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/572>
11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

12. Arnett J.J. The Psychology of Globalization // *American Psychologist*. 2002. Vol. 57. P. 774-783.
13. Hess M. «Spatial» relationships? Towards a reconceptualization of embeddedness // *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28, N 2. P. 165-186.

References

1. Berger P. *Priglasenie v sotsiologiyu. Gumanisticheskaya perspektiva* [An invitation to sociology. Humanistic perspective]. M.: Aspect Press, 1996, 168 p.
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality]. M.: Medium, 1995, 323 p.
3. Borzova A.V. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema* [Bulletin of the Amur State University], 2012, no. 1(10), pp. 93-101.
4. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. St. Petersburg: Aleteyya, 2005, 576 p.
5. Guardini R. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1990, no. 4, pp. 127-163.
6. Neronova M. Yu., Neronov A. V. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems], 2020, vol. 12, no. 2, pp. 318-336.
7. Polanyi M. *Lichnostnoe znanie* [Personal knowledge]. M.: RUGRAM, 2013, 342 p.
8. Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya* [The logic of scientific research]. M.: AST, 2010, 576 p.
9. Simonova I. A., Boyko A. D. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems], 2019, vol. 11, no. 2, pp. 173-191.
10. Tangalycheva R.K. *Vestnik VolGU. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Bulletin of the VolSU. Series 7. Philosophy. Sociology and social technologies], 2014, no. 1 (21). <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/572>

11. Halbvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. M.: New publishing house, 2007, 348 p.
12. Arnett J.J. The Psychology of Globalization. *American Psychologist*, 2002, vol. 57, pp. 774-783.
13. Hess M. "Spatial" relationships? Towards a reconceptualization of embeddedness. *Progress in Human Geography*, 2004, vol. 28, no. 2, pp. 165-186.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Неронов Александр Владимирович, кандидат культурологии
ФГБОУ ВО СПбХФУ Минздрава России
ул. Профессора Попова, 14А, г. Санкт-Петербург, Россий-
ская Федерация
neronov58@mail.ru

Неронова Марина Юрьевна, кандидат философских наук
ФГБОУ ВО СПбХФУ Минздрава России
ул. Профессора Попова, 14А, г. Санкт-Петербург, Россий-
ская Федерация
marina.neronova@pharminnotech.com

DATA ABOUTH THE AUTHORS

Alexander V. Neronov, Candidate of Cultural Studies
Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University
14A, Professor Popov Str., St. Petersburg, Russian Federation
neronov58@mail.ru

Marina Yu. Neronova, Candidate of Philosophical Sciences
Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University
14A, Professor Popov Str., St. Petersburg, Russian Federation
marina.neronova@pharminnotech.com

Поступила 05.07.2022

После рецензирования 14.07.2022, 25.07.2022

Принята 28.07.2022

Received 05.07.2022

Revised 14.07.2022, 25.07.2022

Accepted 28.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-92-109

УДК 379.85

**«ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ»
В ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТЕ КАК ЧАСТЬ КОНЦЕПЦИИ
ОБУЧЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕМЕЦКИХ
И РОССИЙСКИХ АВТОРОВ)**

***И.В. Высоцкая, Т.Г. Йованович,
Н.В. Алексеенко, О.В. Лазарева***

***Обоснование.** Первостепенной задачей для авторов статьи является вопрос рассмотрения вариативности и способов социальной адаптации пожилых людей, их реализации в трудовой деятельности и достаточного общения. Туризм является наиболее эффективным средством, сочетающим все вышеперечисленные условия.*

***Цель.** Рассмотреть и охарактеризовать «понятие обучающего туризма». Задачи: обозначить учреждения, предоставляющие туристические услуги пожилым людям; выявить основные тематические направления туризма третьего возраста; определить виды образовательного туризма; сформулировать тенденции развития туризма людей 3-го возраста.*

***Методы исследования:** сопоставительный анализ, предоставивший возможность сравнить и обобщить сведения об организационных формах образовательного туризма пожилых людей. Метод перевода, интерпретации и анализа научных работ, документальных источников, материалов сети Интернет позволили сделать обоснованные выводы. Методы синтеза и аналогии данных были применены для систематизации информации и определения закономерностей и отличительных черт «образовательного туризма» для пожилых людей.*

***Результаты.** В статье дается качественная характеристика «образовательного туризма»: рассмотрено данное понятие; выявлены основные потребности и предпочтения пожилых людей в ту-*

ристических услугах; определены виды образовательного туризма и его тематические направления; отмечены перспективы развития туризма для пожилых людей. В статье обобщено понятие «образовательный туризм» применительно к российской действительности и намечены основные тенденции развития данного направления.

Область применения результатов. *Применить полученные результаты можно в сфере образовательного туризма в России; при разработке и реализации туристических программ с учетом особенностей российской действительности; материалы исследования применимы для обучения студентов колледжей и вузов.*

Ключевые слова: *образовательный туризм; концепция обучения через повседневную жизнь; туризм третьего возраста; мобильность; познавательная активность; потребности туристов третьего возраста*

«EDUCATIONAL TOURISM» IN THE THIRD AGE AS A PART OF EDUCATIONAL CONCEPTION OF THE EVERYDAY LIFE (BASED ON STUDY MATERIALS OF GERMANY AND RUSSIAN RESEARCHERS)

*I.V. Vysotskaya, T.G. Yovanovich,
N.V. Alekseenko, O.V. Lazareva*

Background. *The primary task for the authors of the article is the issue of considering the variability and ways of social adaptation of elder people, their activity and sufficient communication. Tourism is the most effective mean combining all conditions above.*

Purpose. *To consider and characterize the “concept of learning tourism”. Objectives: to identify institutions that provide touristic services to the elderly; identify the main themes of the third age tourism; to determine the types of educational tourism; to formulate trends in the development of tourism for elder people.*

Research materials and methods: *comparative analysis, which provided an opportunity to compare and summarize information about the*

organizational forms of educational tourism for elder people. The method of translation, interpretation and analysis of scientific works, documentary sources, Internet materials allowed us to draw reasonable conclusions. Data synthesis and analogy methods were applied to systematize information and identify patterns and distinctive features of “educational tourism” for the elderly.

Results. *The article gives a qualitative description of “educational tourism”: this concept is considered; the basic needs and preferences of older people in tourism services are identified; types of educational tourism and its thematic directions are defined; prospects for the development of tourism for the elderly are noted. The article summarizes the concept of “educational tourism” in relation to Russian reality and outlines the main trends in the development of this direction.*

Practical implications. *The obtained results can be applied in the field of educational tourism in Russia; in the development and implementation of touristic programs, taking into account the specific features of Russia; the materials under research are applicable for teaching students at colleges and universities.*

Keywords: *educational tourism; concept of learning through everyday life; third age tourism; mobility; cognitive activity; needs of the third age tourists*

Введение

Стремление пожилых людей путешествовать с познавательной и развлекательной целью может быть успешно использовано в образовательном туризме. В связи со стремительными изменениями в обществе и научно-техническим прогрессом пожилым людям открылся широкий спектр возможностей для путешествий: неограниченность по времени, гарантированный пенсионный доход, культурный уровень, образование, возможность мобильности и относительно хороший уровень здоровья. Как отмечает немецкий исследователь М. Вагнер «Они ищут «близости на расстоянии», живут почти всегда в отдельной квартире, находящейся в непосредственной близости от детей и позволяющей контактировать с

родственниками» [22, с. 307]. Туризм является одним из популярнейших видов свободного времяпрепровождения, создающего все вышеперечисленные условия и учитывающее основные потребности потребителя. Предпочтение туристических форм пожилыми людьми отличается от туристов других возрастов. Отпуск с целью лечения, оздоровительный отдых, посещение родственников и культурный отдых – это лишь немногие формы путешествий этой категории людей [2]. Культурный туризм включает следующие области: религиозные путешествия, путешествия по определенному маршруту и образовательный туризм [16; 23]. Познавательный и образовательный процессы входят в содержание широкого спектра культурного туризма. Эти формы путешествий дифференцируются в зависимости от их организации. Речь идет о целенаправленных образовательных услугах, при которых происходит, например, классический осмотр достопримечательностей или отпуск с изучением иностранного языка. На актуальность темы также указывает существование большого количества определений «образовательного туризма».

Учитывая многообразие окружающей нас действительности, представляется затруднительным дать четкое определение понятию «образовательный туризм». Однако мы рассмотрим определения исследователей российского и зарубежного опыта и обобщим данное понятие. И.В. Зорин и В.А. Квартальнов трактуют его как «туристические поездки, экскурсии с целью образования, удовлетворения любознательности и других познавательных интересов» [4]. В.П. Соломин и В.Л. Погодина рассматривают образовательный туризм как «познавательные туры, совершаемые с целью выполнения задач, определенных учебными программами образовательных учреждений» [4]. В.Ю. Воскресенский определяет рассматриваемый вид туризма как «поездки с целью получения образования за рубежом» [1]. Понятие «образовательный туризм» рассматривается и зарубежными учеными. Так, немецкий исследователь Э. Шрётер справедливо характеризует обучающий туризм как возможность «не просто видеть, а видеть новое, слышать и переживать» [18, S. 144]. Э. Шрётер подчеркивает, что «в основу программ обучаю-

щего туризма для пожилых людей заложена идея «творческого восприятия», подразумевающая социально-ориентированную работу с собственным творческим опытом» [Там же, S. 146]. Пожилые люди самостоятельно создают «шедевры» при наличии грамотного руководителя образовательного процесса, и в ходе этой деятельности сами играют, едят, рисуют, передвигаются и т.п.

Результаты

Немецкий исследователь Б. Земмельрот подчеркивает, что в «направлении *образовательного туризма* отмечается нецеленаправленное обучение людей третьего возраста, причем главный акцент ставится на субъекте познания и его потребностях» [19, S. 272]. При этом потребитель со своими желаниями и предпочтениями является центром внимания при оказании данных образовательных услуг. Д. Бринкман утверждает, что образование не должно пониматься как «образование в свободное время», а как «образование в форме свободного времени» [13, S. 109]. Что в свою очередь предоставляет доступность новых знаний, появление новых интересов, побуждает к поиску новых возможностей и знакомств, влияет на длительность и форму путешествия. «Образование для свободного времени», по мнению Д. Бринкмана, «создает в путешествии идеальную возможность перемещения, наглядного восприятия, мироощущения, контактов с путешествующими и «одушевление» содержания» [Там же, S. 111]. Педагогический процесс нацелен на координацию пространства и налаживание атмосферы, где андрагог создает специфическую среду для образовательных переживаний участников путешествия. При этом коммуникативный диспут на темы с побуждением пожилых людей к рефлексии и обменом опытом выходят на первый план, сообщение же знаний остается на последнем месте.

Таким образом, следует отметить, что понятие «образовательный туризм» применительно к третьему возрасту включает в себя передвижение, связанное с получением новых знаний в интересующей объект области. В случае с пожилыми людьми особенностью является то, что процесс обучения строится в форме свободного

времяпрепровождения с наличием развлекательной составляющей и обязательной коммуникацией с последующей обратной связью.

Образовательный туризм – это плодотворное средство поднятия уровня культуры, образования и жизни пожилых людей, усиления физической и умственной активности, расширения коммуникативных контактов, повышения социальной адаптации и координирования досуга людей третьего возраста с учетом их потребностей и возможностей, где основными критериями являются удобство и доступность услуги. Как показывает практика многих стран, отмечается усиление спроса пожилых туристов к предложениям «образовательного туризма», при этом такая форма туристической деятельности приносит эффективную отдачу. Не следует уменьшать значение роли фондов социальной поддержки в расширении туристических потоков лиц третьего возраста, поскольку во многих странах поездки пожилыми потребителями совершаются за их счет. На многих территориях и регионах осуществляются различные специальные государственные программы, нацеленные на реализацию возможностей старшего поколения к путешествиям. Государственные органы и фонды обеспечивают пожилых людей определенными скидками, предоставляют льготные поездки, государственные центры социального обслуживания пожилого населения и инвалидов организуют бесплатные экскурсии и т.п. Примером может служить проект «Туризм для тех, кому за 50» в рамках стратегии «Старость как экономический фактор», направленной на повышение качества жизни пожилых граждан, который реализовался федеральным министерством Германии по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи [12]. Зарубежными провайдерами туристических услуг также были высоко оценены преимущества работы с людьми третьего возраста, в связи со снижением налогового процента по государственным программам, неограниченностью потребителей по времени и независимостью от сезона для путешествий, что позволяет получать прибыль круглый год. Пенсионеры в свою очередь могут сэкономить, путешествуя по «горящим» путевкам. Операторов гостиниц также устраивает умеренное и тихое

поведение туристов старшего возраста [8].

Институт немецкой экономики рассматривает учебные путешествия как предпочтительный вид путешествий для пожилых людей [19]. В последние годы сильно возросла «сезонная миграция», как ее называет П. Шимани, т.е. «путешествия, организуемые раз в сезон для пожилых людей» [17, S. 125]. Одним из самых необычных видов путешествий в Германии являются так называемые «поездки продаж» и «масляные поездки», где пожилые путешественники продают или обмениваются какими-либо товарами, а также вид туризма на небольшие расстояния с целью туристических прогулок, в которых принимают участие исключительно пожилые люди [11; 2].

Уже несколько десятилетий учебный кружок туризма (StfT: Studienkreis für Tourismus) и их последователь с 1993 г. – Исследовательское общество отпусков и путешествий (F.U.R.: Forschungsgemeinschaft Urlaub und Reise) – публикуют результаты исследований поведения путешествующих пожилых граждан. Публикуемые этими организациями статистические данные ежегодно демонстрируют рост популярности пожилого туризма как обучающего направления в Германии и развитию его форм [2].

В сравнении с европейскими странами и Германией на туризме третьего возраста в России не акцентировалось внимание как на самостоятельном туристическом направлении и поэтому он все еще находится на стадии начального развития. До последнего времени в туристическом бизнесе в России группа путешественников 50+ не выделялась в самостоятельную ветвь и туристические организации не занимались специализированными турами для данной категории туристов. Позиция туристических провайдеров изменилась в последнем десятилетии в связи с модификацией гражданской позиции общероссийского уровня, предпринявших попытку сломать стереотипы социума по отношению к людям старше 50 лет, имеющих целью объединение усилий государства, общества и бизнес-сектора по организации комфортной среды активного долголетия жителей России [7]. В 2016 г. была принята Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025

г. [6], одной из целей которой определено повышение доступности туристических услуг для граждан старшего поколения, что подразумевает решение следующих задач: подготовка и осуществление программ социального туризма, поощрение и обеспечение государственной помощи провайдером, предоставляющим услуги туристического отдыха пожилым людям, продвижение информации о наличии туристических услуг для пожилого населения.

Реализация осуществления создания среды активного долголетия россиян предусмотрена в Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации». Выполнение данной программы поможет решить ряд социальных задач, реализующих удовлетворение потребностей различных категорий российских граждан в активном и полноценном отдыхе, обеспечивающих доступность туризма для широких слоев населения, позволяющих укрепить здоровье людей третьего возраста и приобщить все слои общества к культурным ценностям, а также объединить новое и пожилое поколение в процессе путешествий [5].

Существует огромное разнообразие тематических направлений в «образовательном туризме»: экскурсионные туры, паломнические, творческие с мастер-классами (улучшают мозговую активность), лечебно-оздоровительные туры (поездки к лечебным источникам, медицинский туризм), экологический туризм (в лес за ягодами, травами, грибами), курортный (пляжный) и прочие. Одним из популярных видов туризма в Германии является спортивно-оздоровительный, дающий возможность заниматься каким-либо спортом во время путешествия, либо научиться ему. Не стоит уменьшать роль и экскурсионно-туристических программ, которые в условиях повседневной жизни позволяют изучить культурные ценности и традиции определенного социума в конкретной местности, а также исторические места. В Германии не менее интересной формой туризма являются «путешествия с целью повышения квалификации, т.е. обучение при помощи туристических фирм, например, менеджменту, гостиничному бизнесу, дизайну, иностранным языкам и многому др.» [2; 16; 17; 19; 23].

Анализ исследований европейских ученых показал, что среди всего многообразия путешествий люди третьего возраста отдают предпочтение своему выбору на курортном, культурно-познавательном и экскурсионном туризме с походами в музеи, осмотром архитектурных памятников, достопримечательностей с богатой историей и последующим обсуждением общих впечатлений группы. Одним из необычных видов туризма следует назвать ностальгический или событийный туризм, целью которого является посещение различных конкретных мероприятий. У так называемых «молодых пожилых людей» высокой популярностью пользуется спортивный и приключенческий, а иногда и экстремальный туризм. При этом классический лечебно-оздоровительный туризм у европейских туристов пожилого возраста оказался в конце рейтинга [2; 16; 17; 19; 23].

Российские пожилые туристы, в отличие от западноевропейских, отдают предпочтение именно лечебно-оздоровительному туризму, преимущественно в сочетании с культурно-познавательным аспектом. Важно также, что главным образом выбор приходится на осенне-весенний период, т.е. низкий сезон [2; 4; 8].

Возвращаясь к концепции обучения пожилых людей *через повседневную жизнь* в «образовательном туризме», отметим, что выбор тем при реализации концепции является специфичным, соответствующим интересам и потребностям пожилого потребителя. Немецкий исследователь Э. Шрётер в своем исследовании подчеркивает, что «сотрудничество респондентов образовательного процесса, привязанное к конкретной теме, происходит в форме групповой работы и подразумевает основные составляющие туристической группы сеньоров, к которым Э. Шрётер относит «путешествующую группу», «Я» отдельного путешественника с его личными переживаниями и «Мы» группы. На обсуждение выносятся проблема путешествия, которая связанная с естественным окружением путешественников в каждой конкретной ситуации. Взаимодействие и обмен между элементами «группа», «я» и «мы» является неотъемлемым принципом работы. Тьютор туристической группы должен учитывать, что все три элемента необходимо объе-

динить в последовательные стадии путешествия» [18, S. 150]. При этом Б. Земмельрот отмечает, что «такое обучение соответствует требованиям пожилых путешественников, не исключая заботу и, не предъявляя завышенные требования» [19].

Одной из актуальных тем обучения в пожилом возрасте является профилактика здорового образа жизни. Причем это обучение для пожилых людей должно реализоваться еще в процессе трудовой деятельности, что отражено в докладе ВМБФ «Здоровье и профессиональное образование» [12]. Еще один немецкий ученый А. Нидерфранке справедливо полагает, что на профессиональных местах работы обязательно наличие образовательных предложений, связанных с профилактической целью для предупреждения заболеваний и реабилитации. Прежде всего, с его точки зрения, «важно привлечь внимание сотрудников в возрасте к их здоровью и пробудить силу самозащиты пожилого человека, так как без готовности к изменениям и отсутствию мотивации невозможна ни самопомощь, ни самоизлечение. Изначально необходимо изыскать и укрепить ресурсы самозащиты автономного образа жизни, затем применять социальные дополнительные ресурсы» [15, S. 136]. В этом, по мысли ученого, заключается цель и смысл повседневного проблемно-ориентированного оздоровительного обучения пожилых людей для их успешного вовлечения в повседневную жизнь в постпрофессиональный период» [Там же, S. 137].

Учитывая разнообразие содержательного аспекта туристических путешествий, не стоит забывать и о разновидностях средств передвижений. Автобусные туры представляют собой одно из наиболее распространенных направлений туризма, они популярны и в России, и в Германии. Привлекательными для пожилого поколения являются их невысокая цена и перспектива в короткие сроки составить представление о городах, местах или даже странах посещения. Как отмечают эксперты, европейские туристы старшего возраста все чаще предпочитают круизы и водные экскурсии, как речные, так и морские [3]. Круизы привлекательны отсутствием дополнительных трат в совокупности с гарантией комфортабельного

отдыха позволяющего посетить различные места, с мероприятиями и развлечениями. Также следует отметить поезда, позволяющие с достаточным комфортом перемещаться на дальние расстояния, и пешеходные прогулки, одним из популярнейших направлений является шведская ходьба.

Конечно же, каждый вид транспорта имеет свои преимущества и недостатки относительно здоровья и прочих показателей пожилых людей, но все эти вопросы решаемы в процессе подбора тура и способа путешествия. Как результат, туризм улучшает психическое самочувствие и комфорт пожилого человека, способствуя профилактике психосоматических заболеваний, положительно влияет на физическое здоровье человека, содействуя поддержанию физической формы, дарит радость движения и общения с интересными людьми.

Заключение

Проведя исследование рынка туризма для пожилых в России и сравнив полученный результат с результатами европейских исследователей, мы пришли к следующему заключению: совокупность всех имеющихся возможностей туризма третьего возраста достаточной степени обширен. Однако туризм обладает существенными ограничениями, которые часто создают трудности для активного участия пожилых людей в путешествиях. Финансовая составляющая туристических поездок является часто основополагающим условием для туристов в любых странах: цена и скидка часто становятся определяющими. Вторым немало важным сдерживающим фактором является состояние здоровья людей преклонного возраста и зависимое положение от условий тура. Туристические поездки и стремление к активному образу жизни является частью культурных ценностей, которые закладываются с детства. Для российской действительности фактом является отсутствие привычки и культуры путешествий. Существует и психологическая зависимость – боязнь новизны, особенно, если говорить о поездках за границу. Препятствием для развития туризма третьего возраста может являться

отсутствие льготных программ и распространения информации о возможностях путешествовать для пожилых людей. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в России при наличии государственных программ для пожилых людей туризм третьего возраста находится на стадии становления, поскольку в целом отсутствует система и четкая организация туристических предложений для пожилых людей. Многообразие туристических предложений для лиц третьего возраста и провайдеров в Германии, а также его распространение, опирается на социально-экономическую структуру общества, в которой созданы условия поездок, скидок и т.п. В России туризм третьего возраста находится в стадии развития, в процессе которого предстоит решить еще множество проблем и в первую очередь разработать финансовую поддержку. Большинство пожилых россиян пользуются недорогими поездками экскурсионного или курортно-санаторного отдыха. Организация туристических программ для лиц третьего возраста требует особых подходов к учету возрастных психологических особенностей и потребностей данной категории граждан, что до последнего времени не учитывалось туристическими фирмами России, которые не ориентированы на туристов пожилого возраста.

Следует акцентировать внимание на том, что тенденции в развитии туризма в последние годы изменились. Мы видим более активное участие в жизни пожилых граждан государства. Его роль проявляется в объединении усилий федеральных органов власти, субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений и других организаций для развития программ и проектов для пожилых людей и создания условий для удовлетворения их потребностей. Наблюдается развитие туризма, увеличение доступности и совершенствование туристических услуг для старшего поколения. Осуществляется подготовка и проработка программ социального туризма при поддержке органов власти, внедряются государственные программы по стимулированию и поддержке туристических провайдеров, повышается информированность граждан о туристических возможностях.

Список литературы

1. Воскресенский В.Ю. Международный туризм. М.: Юнити-Дана. 2008. 464 с.
2. Высоцкая И.В. Становление и развитие университета третьего возраста в Германии. URL: https://vspu.ru/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_vysockaya_pdf.pdf (дата обращения: 01.02.22)
3. Европа подстраивается под пожилых путешественников. URL: <https://www.infox.ru/news/216/72503-evropa-podstraivaetsa-pod-pozilyh-putesestvennikov> (дата обращения: 30.03.22)
4. Пономарева Т.В. Образовательный туризм: сущность, цели и основные сегменты потребителей // Проблемы современной экономики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). С. 130-143. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/132/7188/> (дата обращения: 20.03.22)
5. Постановление Правительства РФ от 02.08.2011 N 644 «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)». URL: <https://base.garant.ru/57411398/> (дата обращения: 20.03.22)
6. Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 N 164-Р. Редакция от 05.02.2016 «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 года». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=267409> (дата обращения: 25.03.22)
7. Социальный проект 50+50 Плюс – сайт для людей зрелого и старшего возраста. URL: <https://www.50plus.ru/> (дата обращения: 25.02.22)
8. Шерешева М.Ю., Полянская Е.Е. Туризм третьего возраста: предпочтения, требования, ограничения // Государственное управление. 2017, № 61. С. 55-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-tretiego-vozrasta-predpochteniya-trebovaniya-ogranicheniya> (дата обращения: 20.02.22)
9. Amaschus A. Die neuen Alten haben sich noch viel vorgenommen. Reiseverhalten von Senioren – heute und morgen. FVW international – unabhängige Fachzeitschrift für Touristik und Geschäftsreiseverkehr, 1996, no. 20, S. 40-41.

10. Budget Travel for Seniors. Simply Seniors. URL: <https://www.these-niorlist.com/senior-discounts/travel/> (дата обращения: 15.02.22)
11. Becker W. Verkaufsfahrten. Tourismuspsychologie und Tourismussoziologie. München: Quintessenz, 1993. 630 S.
12. BMBF (Hg.): Gesundheit und berufliche Bildung, Bonn, 1998. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/13/110/1311091.pdf> (дата обращения: 15.02.22)
13. Gesundheit und berufliche Bildung. Unterrichtung durch die Bundesregierung Faktenbericht zum Bundesbericht Forschung, 1998, S. 114-117
14. Brinkman D., Frericks R., Frommen J., Nahrstedt W., Stehr I. Freizeitorientierte Weiterbildung – Möglichkeiten der Einführung von Bildungselementen in Freizeitangebote. Freizeit bildet – bildet Freizeit? Bielefeld 1991, S. 103-129.
15. Ganser A. Seniorenreisen. Tourismusmanagement und Marketing, Landsberg/Lech, 1991, S. 163-179.
16. Niederfranke A. Gesundes Älterwerden – Eine Bildungsaufgabe zur Prävention und Rehabilitation. Hessische Blätter für Volksbildung, 1998, no. 2, S. 135-142.
17. Pöggler F. Entwicklungstendenzen des Seniorentourismus. Moderner Tourismus, Tendenzen und Ansichten. Trier, 1988, S. 547-557.
18. Schimany P. Alter und Tourismus. Der durchschaute Tourist, München/Wien 1998, S. 116-127.
19. Schröter E. Kreative Kulturrezeption auf (Bildungs-) Reisen. Spektrum Freizeit, 1995, S. 144-156.
20. Semmelroth B. Lernen, Bildung auf Reisen. Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft. Opladen: Leske+Budrich, 2000, S. 271-278.
21. Seniorentourismus. URL: <http://www.gesundheitswirtschaft.info/> (дата обращения: 08.04.22)
22. Tourismus für Senioren. Europäische Kommission, offizielle Website. URL: https://ec.europa.eu/info/index_de (дата обращения: 08.04.22)
23. Wagner M., Schütze Y. & Lang F.L. Soziale Beziehungen alter Menschen. Die Berliner Altersstudie: das höhere Alter in interdisziplinärer Perspektive. Berlin: Akademie Verlag, 1996, S. 301-319.

24. Weissenborn B. *Kulturtourismus. Trierer Tourismus Bibliographien, Bd. 10. Trier. 1997. 239 S.*

References

1. Voskresensky V.U. *Mezhdunarodnyj turizm* [International tourism]. Moscow: Unity-Dana Publ., 2008, 464 p.
2. Vysotskaya I.V. *Stanovlenie i razvitie universiteta tret'ego vozrasta v Germanii* [Formation and development of the university of the third age in Germany]. URL: https://vspu.ru/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_vysockaya_pdf.pdf (accessed February 01, 2022)
3. *Evropa podstraivaetsja pod pozhilyh puteshestvennikov* [Europe adapts to older travelers]. URL: <https://www.infox.ru/news/216/72503-evropa-podstraivaetsa-pod-pozilyh-putesestvennikov> (accessed March 30, 2022)
4. Ponomareva T.V. *Obrazovatel'nyj turizm: sushhnost', celi i osnovnye segmenty potrebitel'j* [Educational tourism: the essence, goals and main segments of consumers]. *Problemy sovremennoj jekonomiki: materialy IV mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of modern economics: materials of the IV International Scientific Conference]. Chelyabinsk, 2015, pp. 130-143. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/132/7188/> (accessed March 20, 2022)
5. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.08.2011 N 644 "O federal'noj cel'evoj programme "Razvitie vnutrennego i vnezdnogo turizma v Rossijskoj Federacii (2011-2018 gody)"* [Decree of the Government of the Russian Federation of 02.08.2011 N 644 "On the federal target program "Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2011-2018)"]. URL: <https://base.garant.ru/57411398/> (accessed March 20, 2022)
6. *Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 05.02.2016 N 164-R — Redakcija ot 05.02.2016 «Ob utverzhdenii Strategii dejstvij v interesah grazhdan starshego pokolenija v RF do 2025 goda»* [Decree of the Government of the Russian Federation of 05.02.2016 N 164-R – Edition of 05.02.2016 "On approval of the Strategy of Actions in the interests of older citizens in the Russian Federation until 2025"]. URL: <https://normativ.kontur.>

- ru/document?moduleId=1&documentId=267409 (accessed March 25, 2022)
7. *Social'nyj proekt 50+50 Pljus* [Social project 50+50 Plus]. URL: <https://www.50plus.ru/> (accessed February 25, 2022)
 8. Sheresheva M.Y., Polyanskaya E.E. Turizm tret'ego vozrasta: predpocht-enija, trebovaniya, ogranicheniya [Tourism of the third age: preferences, requirements, restrictions]. *Gosudarstvennoe upravlenie* [State administration], 2017, no. 61, pp. 55-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-tretiego-vozrasta-predpocht-eniya-trebovaniya-ogranicheniya> (accessed February 20, 2022)
 9. Amaschus A. Die neuen Alten haben sich noch viel vorgenommen. Reiseverhalten von Senioren – heute und morgen. *FVW international – unabhängige Fachzeitschrift für Touristik und Geschäftsreiseverkehr*, 1996, no. 206, S. 40-41.
 10. Budget Travel for Seniors. Simply Seniors. URL: <https://www.these-niorlist.com/senior-discounts/travel/> (accessed February 15, 2022)
 11. Becker W. Verkaufsfahrten. *Tourismuspsychologie und Tourismussozi-ologie*, München: Quintessenz. 1993, 630 S.
 12. BMBF (Hg.): Gesundheit und berufliche Bildung, Bonn, 1998. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/13/110/1311091.pdf> (accessed 15.02.22)
 13. Gesundheit und berufliche Bildung. Unterrichtung durch die Bundesre-gierung Faktenbericht zum Bundesbericht Forschung, 1998, S. 114-117.
 14. Brinkman D., Frericks R., Frommen J., Nahrstedt W., Stehr I. Freizeitori-enterte Weiterbildung – Möglichkeiten der Einführung von Bildungsele-menten in Freizeitangebote. *Freizeit bildet – bildet Freizeit?* Bielefeld, 1991, S. 103-129.
 15. Ganser A. Seniorenreisen. *Tourismusmanagement und Marketing*, Landsberg, Lech 1991, S. 163-179.
 16. Niederfranke A. Gesundes Älterwerden. Eine Bildungsaufgabe zur Prävention und Rehabilitation. *Hessische Blätter für Volksbildung*, 1998, no. 2, S. 135-142.
 17. Pöggler F. Entwicklungstendenzen des Seniorentourismus. *Moderner Tourismus, Tendenzen und Ansichten*. Trier 1988, S. 547-557.

18. Schimany P. Alter und Tourismus. *Der durchschaute Tourist*. München/Wien 1998, S. 116-127.
19. Schröter E. Kreative Kulturrezeption auf (Bildungs-) Reisen. *Spektrum Freizeit*, 1995, S. 144-156.
20. Semmelroth B. Lernen, Bildung auf Reisen. *Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft*. Opladen: Leske+Budrich, 2000, S. 271-278.
21. Senientourismus. URL: <http://www.gesundheitswirtschaft.info/> (accessed April 8. 2022)
22. Tourismus für Senioren. Europäische Kommission, offizielle Website. URL: https://ec.europa.eu/info/index_de (accessed April 8. 2022)
23. Wagner M., Schütze Y. & Lang F.L. Soziale Beziehungen alter Menschen. *Die Berliner Altersstudie: das höhere Alter in interdisziplinärer Perspektive*. Berlin: Akademie Verlag, 1996, S. 301-319.
24. Weissenborn B. *Kulturtourismus. Trierer Tourismus Bibliographien, Bd. 10. Trier*. 1997, 239 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Высоцкая Инна Владимировна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
nipherty@gmail.com*

Йованович Тамара Георгиевна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
srdjan@live.ru*

Алексеевко Наталья Валерьевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
Natalyalekseenko@mail.ru*

Лазарева Ольга Вячеславовна, старший преподаватель кафедры
«Иностранные языки»
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
olgalazareva@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Inna V. Vysotskaya, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
niphertity@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3407-9047>*

Tamara G. Yovanovich, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
srdjan@live.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7701-6607>*

Natalya V. Alekseenko, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
Natalyalekseenko@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-6632>*

Olga V. Lasareva, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
olgalazareva@mail.ru*

Поступила 25.04.2022
После рецензирования 21.06.2022
Принята 14.07.2022

Received 25.04.2022
Revised 21.06.2022
Accepted 14.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-110-121

УДК 316:1(340.12)

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИДЕАЛОВ

А.К. Ерохин

Актуальность. *Философия права – отрасль философии, исследующая природу права, особенно в его отношении к человеческим ценностям, отношениям, практике. Взгляды на природу права часто зависят от философской позиции, занимаемой конкретным философом или группой философов. В результате право становится объектом острых дискуссий, главная особенность которых сводится к вопросу о должном и сущем, т.е. может ли и должно ли право заменить собою традиционные ценности, выработанные человечеством для регулирования поведения и отношений.*

Цель статьи. *Цель статьи заключается в определении соотношения между философией права как «специальной» или «частной» дисциплины и «общей» философией. Предмет исследования – философские идеи рационального подхода к праву как к практике.*

Методология исследования *базируется на анализе научной литературы и философской рефлексии.*

Выводы. *В философии права решающим фактором является не столько ее отношение к общей философии, сколько отношение между философией права и самим законом.*

Результаты. *Результативность проделанной работы состоит в том, что полученные выводы позволяют рассматривать философию права как практическую философию. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших практических и теоретических исследованиях философии и теории права.*

Ключевые слова: *философия; философия права; практическая философия; «естественные права» человека; юридический позитивизм; теория права; эмпирический опыт; философская рефлексия*

PHILOSOPHY OF LAW AS A PRACTICAL EXPRESSION OF SOCIAL IDEALS

A.K. Erokhin

Background. *Philosophy of law is a branch of philosophy that studies the nature of law, especially in its relation to human values, relationships, and practice. The points of views to the nature of law often depend on the philosophical position taken by a particular philosopher or group of philosophers. As a result, legal philosophy becomes the object of heated discussions, the main feature of which is reduced to the question of what is due and being, i.e. can and should positivist law replace the traditional values developed by mankind as regulators of behavior and relationships.*

Purpose. *The purpose of the article is to determine the relationship between the philosophy of law as a “special” or “private” discipline and “general” philosophy. The subject of the study is the philosophical ideas of a rational approach to law as a practice.*

Methods. *The research method is the analysis of scientific literature and philosophical reflection.*

Conclusions. *In the philosophy of law the decisive factor is not so much its attitude to general philosophy, but the relationship between the philosophy of law and the law itself.*

Results. *The effectiveness of the work done lies in the fact that the findings allow us to consider the philosophy of law as a practical philosophy. The results obtained can be used in further practical and theoretical studies of philosophy and theory of law.*

Keywords: *philosophy of law; jurisprudence; practical philosophy; legal positivism; theory of law; empirical experience*

Введение

Природа права неизбежно связывает его практику с философскими идеями и концепциями. Многочисленные дискуссии в этой области сосредоточены на разных вопросах: что такое закон? Ка-

ково соотношение права и морали? Может ли философия права быть практической? Философские дебаты по этим вопросам иногда классифицируют как «позитивистскую юриспруденцию». Различные выражения этого практического взгляда на право можно найти у выдающихся современных авторов, выходящих за рамки дихотомии юридического позитивизма и естественного права, таких как Р. Алекси, Р. Дворкин, Л. Фуллер. Они отмечают, что существенным признаком, привязывающим философию права к состоянию «практической философии», является та роль, которую играет понятие ценности, т. е. центральность и главенство ее оценочного измерения. Так, например, для Р. Алекси очень важно доказать несправедливость права, его дуальность (сочетание в нем духовного и фактического), необходимость единства моральных и правовых норм [1, 2]. Его точку зрения разделяет Л. Фуллер, разработавший концепцию «внутренней морали» права [10, 11]. Для Р. Дворкина важнее всего защита в судах как коллективных, так и индивидуальных моральных принципов [3]. «Суть теории права Дворкина – пишет С. Гест, – сводится к утверждению о том, что природа правового аргумента состоит в наилучшем моральном толковании существующих социальных обыкновений» [12, р. 1].

Суждения авторитетных авторов лишь доказывают, что «философия права» как философская дисциплина сопровождается рядом чрезвычайно сложных проблем.

Цель исследования – обозначить базовые проблемы философии права и выявить ее практический характер.

Материалы и методы

Работа над статьей основывалась на работах российских и зарубежных исследователей, изучающих вопросы естественного права в философии, позитивистской и антипозитивистской философии права.

Методология исследования включает группу общенаучных методов: анализ, синтез, обобщение. Также применялся метод философской рефлексии.

Результаты исследования

Первая проблема заключается в объяснении причин институционализация дисциплины столь характерной для современности. В свою очередь возникает вопрос: создавали ли философы XVIII-XIX вв. новую дисциплину «философию позитивного права», идеи которой были изложены в трудах Г. Гуго «Философия позитивного права» (1798 г.), Г. Гегеля «Философия права» (1821 г.), Дж. Остина «Лекции по юриспруденции или Философия позитивного права» (1832 г.) или это было просто новое название для своего рода традиционной философской рефлексии права, уходящей корнями к философам Античности и Средневековья. Ответ на этот вопрос зависит от философского отношения к понятию «естественное право». Современный философ Джеймс Бернард Мерфи, следуя исторической традиции, также назвал свою книгу «Философия позитивного права» (2005), что весьма символично подчеркивает фундаментальную преемственность в истории юриспруденции: от Платона, Аристотеля, стоиков, Ф. Аквинского, Ф. Суареса, к Т. Гоббсу, Дж. Локку, И. Бентаму и Дж. Остину. Мерфи утверждает, что в своих теориях позитивного права эти мыслители поставили фундаментальный вопрос: является ли закон положительным, потому что он преднамеренно навязан (в отличие от обычного права) или потому, что в нем отсутствует моральная необходимость (в отличие от естественного права)? Эти два смысла позитивного права не совпадают, но дискурс позитивного права неустойчиво колеблется между ними [15].

На вторую проблему указывают многие философы и юристы. Речь идет о так называемой «бифуркации» (в терминологии Х. Вега), вытекающей из противопоставления «философии права для юристов» и «философии права для философов» [16, р. 1]. В.А. Рудковский отметил, что эти два подхода «для юридической науки... означают приблизительно то же, что для философии «линия Платона» и «линия Аристотеля» [8, с. 9]. Эта проблема зависит от философской позиции юридического позитивизма.

Исторически сложившаяся дихотомия философии права исходит из специфики отраслей знания: право для философов – это система

всеобщих идей, в которую встраиваются и идеи права. В ходе всей истории развития права философия предполагает, что онтологические основания права любой цивилизации включают универсальные нормы и принципы, которые выражены в философской парадигме «естественного права». В такой парадигме, по замечанию В.И. Карасева, «преступление выглядит... как нарушение фундаментальных первопринципов миропорядка, подлежащее непремennomу искоренению» [5, с. 102]. В этом были искренне убеждены не только западные философы, которые и поддерживали эту парадигму, но и часть русских философов и юристов Серебряного века. В частности С. Франк трактовал философию права как учение, формирующее знание о высоких общественных идеалах. «Философия права по основному, традиционно-типическому ее содержанию есть познание *общественного идеала*, уяснение того, каким должен быть благой, разумный, справедливый, «нормальный» строй общества» [9, с. 21]. В философии права «общественный идеал не просто декретируется и требуется, а философски обосновывается и выводится либо из общего философского мировоззрения, либо из анализа природы общества и человека» [9, с. 23].

Вторая сторона дихотомии отчетливо выражена в юридической философии Дж. Остина, основывающего ее на заранее заданных установлениях, оформляемых в форме законов или приказов: «Каждый закон или правило ... является приказом» [12, р. 88]. А само право он определяет как совокупность приказов, установленных суверенной властью и подкрепленных возможностью применения принудительных мер [12, р. 86-87].

Так или иначе, к концу XX в. философия права сложилась как новая дисциплина, заменившая естественное право, которое, по сути, было философией права. Она культивируется, в основном, на юридических, а не на философских факультетах. То есть, его основные практики – юристы, что не помешало позитивистской философии права опираться на общую философию. Нельзя построить прочное здание позитивистской науки, не опираясь на фундамент прошлых лет, не соблюдая преемственность философских идей.

Понятия должного и сущего не исчезают бесследно в позитивистской юридической философии права – они лишь приобретают новое и иное измерение, движимое рефлексивным интересом к праву и развитию юридической практики. Данное состояние отчетливо прослеживается в работах Р. Алекси и Н. Лумана, который определяет право «как структуру социальной системы, которая основывается на согласованном обобщении нормативных ожиданий (требований), предъявляемых к поведению» [14, р. 88]. По оценке самого Лумана, право воплощает в себе моральные требования, из чего можно сделать вывод, что право существовало во всяком обществе и должно существовать всегда. На это заключение обращает внимание и А.К. Кененов. Развитие прав в концепции Лумана, пишет он, следует понимать не как прыжок от общества без права к «правовому обществу», но как постепенную дифференциацию и обособление права [6].

Таким образом, отношения между ними – «частной» юридической философией и общей философией – сложны. В первую очередь они формулируются в действительно противоречивых терминах из-за того факта, что после смены концепции естественного права укorenение юридического позитивизма в качестве основного, доминирующего течения в современном юридическом мышлении шло рука об руку с параллельной тенденцией к ликвидации субстантивного права. В результате философия права претендует быть дискурсом «юристов и для них», а не дискурсом «философов и для философов», то есть технико-практическим дискурсом, присущим категории права. Философия права, как ее замышлял Гегель, перестает быть «мыслящей себя идеей права», растворяясь в более широкой «теории права», понимаемой как дисциплина с преимущественно научными или доктринальными претензиями – «высокой догматикой», построенной по образцу позитивистской юриспруденции. То есть в обоих случаях это юридически-категорический, а не «философский» дискурс. «Правовая ценность уже более не служит критерием правовой действительности. Ее объявляют лишённой научной значимости и сознательно ограничивают эмпирическими

исследованиями права. Место философии права занимает «всеобщая теория права», которая представляет собой самый верхний этаж позитивной правовой науки. Перед ней в свою очередь стоит задача сначала изучить правовые понятия, общие для различных правовых дисциплин, может быть, даже выходящие за рамки национального правопорядка. Затем рассмотреть родственные правовые понятия различных правопорядков в сравнительном плане. И наконец, выходя за рамки сферы права, исследовать их взаимосвязи с другими областями культуры» [7, с. 33]. Юридический позитивизм, по выражению Радбруха, совершает «эвтаназию» философии права в том смысле, что последняя видит себя «частью» «заранее данной» философской системы в традиционном стиле [7, с. 34]. Не философия определяет единство идей в рефлексии «сверху вниз» о праве, а категорический юридический опыт, поскольку он дает материал для построения «снизу вверх».

Следовательно, философско-правовой дискурс должен оставаться близким к юридической практике, он необходим для нее. Что придает философии права особое место (даже своего рода «превосходство») в общей сфере практической философии, так это ее привилегированный взгляд на практические фундаментальные ценности (то есть моральные и политические ценности) из-за ее близости к практике. Миссия права состоит именно в том, чтобы примирить конфликт и восстановить единство этих ценностей в оправданных и аргументированных терминах. Этот подход позволяет нам выйти за пределы дихотомии между естественным правом, утверждающим, что ценности составляют конечную основу права, и юридическим позитивизмом, определяемым оценочной дистанцией и нейтральностью в отношении права.

Юридическая трактовка права подкрепляется чрезвычайно сильным аргументом: эмпирической ссылкой на юридические категории, на юридические позитивистские концепции и на реальную юридическую практику. Выстраивается «философия позитивного права», построенная на проблемах, стоящих перед современными правовыми государствами, наряду с их сложной

технической административно-правовой организацией или прогрессивной конституционализацией, в отличие от «спекулятивной» или «непродуктивной рефлексии» (метафизической или догматический). Однако вопрос в том, не может ли эта близость к юридическому категориальному опыту также служить препятствием – и не обязательно преимуществом – для построения подлинно философско-критического дискурса вокруг права. То есть вопрос заключается в том, не может ли самопонимание философии права как «юридической философии» также привести к тому, что она станет «служанкой юриспруденции», по такому же принципу, который применял в Средние века Фома Аквинский, поставивший философию в зависимость от теологии. Но в таком случае ее рефлексия неотличима от правовой специализации и, как указывают С.И. Захарцев и В.П. Сальников, «речь начинает идти не о философии, а о философствовании в пределах юридических наук. В этом смысле философия права теряет свое подлинно философское предназначение» [4, с. 20].

Этому риску преобразования философии права в частную теорию способствовало не только институциональное положение дисциплины, но и в значительной степени повлияла методология юридического позитивизма, благодаря которой приоритет доктринальной (или «внутренней») точки зрения привел к обособленности концепции права от социально-научных и политико-моральных категорий. Базисный принцип чистоты и нейтральности научной теории, провозглашенный позитивизмом, сделал возможным не только отделение права от морали, но и привел к выводу, что философия права должна быть чужда моральной философии, политической философии, социальной философии и т. п. Иными словами, философско-правовой дискурс обречен быть актуальным только для юристов, а не для философов, политиков или кого-либо еще «внешнего» по отношению к юриспруденции.

В некотором смысле обвинения юридического позитивизма в адрес философии имеют под собой ряд оснований. Метафизичность философского подхода к праву требует размышлений о том,

каким оно должно быть, в противовес тому, каково оно есть в настоящее время. Но на самом деле противопоставление сущего и должного ложно. Юридический позитивизм априорно отвергает философию должного, не принимая во внимание, что философия права может быть подлинно философской только в том случае, если она носит критический характер, а это значит, что она должна быть позитивной, а не позитивистской, связанной с понятием изменяющегося юридического опыта. То есть требуется межкатегориальное взаимодействие, в результате которого устанавливаются соответствующие связи между правовыми и другими категориями. Это путь, по которому идет постпозитивистская философия права. Но это возможно лишь в случае двоякого движения, которое начинается с категориальных понятий или вызываемых ими проблем, анализирует их с точки зрения идей или понятий второго порядка, а затем возвращается к ним, чтобы предложить новый синтез или в свете концепции, которая устанавливает соответствующие (межкатегориальные) отношения между ними. Таким образом, философия права составляет карту правовых знаний и реалий.

Однако цель состоит не просто в том, чтобы «применить» это понимание философской рациональности к философии права. Цель состоит в том, чтобы показать, как этот вид рациональности присутствует и всегда присутствовал в самой философии права, когда философский метод применяется на практике. Действительно, наличие одного и того же способа рационализации правовых явлений между категориями или понятиями права и определенными философскими идеями имело место в философии права еще со времен Древней Греции. Размышления о справедливости и свободе, реализуемых в практике государственных и судебных решений – обычный набор вопросов для естественного права Нового времени. Можно утверждать, что внутренняя структура этих понятий уже конституируется философскими идеями. Философия права не «создает» идеи, а находит их уже действующими в праве и затем приступает к их организации и систематизации «на втором уровне», а не «применяет» их сверху вниз.

Выводы

Сказанное выше позволяет признать, что философия права – это система идей, выражающая общественные идеалы, реализуемые в практике в виде определенных социальных действий, защищающих или опровергающих эти идеалы в юриспруденции и затем в законодательстве. И поскольку идеалы меняются, то и философия права по-разному оценивает правовые явления, вплетая оценочные суждения и ценностное отношение в реальную практику деятельности правовых институтов.

Список литературы

1. Алекси Р. Дуальная природа права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 138-152.
2. Алекси, Роберт. Понятие и действительность права. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
3. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 392 с.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: юридические позиции // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1. С. 19-26.
5. Карасев В.И. Философия права в контексте глобальной социальной трансформации // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 3. С. 100-122.
6. Кененов А.А. Никлас Луман: социология права // Правовая мысль XX века. Сборник обзоров и рефератов. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 83-86.
7. Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.
8. Рудковский В.А. Позитивизм и естественное право (философия права) в контексте современного правопонимания // Философия права. 2008. № 5. С. 9-16.
9. Франк С. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Paris: YMCA Press, 1930. 314 с. URL: http://www.odinblago.ru/duh_osnovi_obsh/02#2 (дата обращения 07.05.2022)
10. Фуллер Л. Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // Правоведение. 2005 № 6. С. 124-159.
11. Фуллер Л.Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2019. 312 с.
12. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. 5th ed. Vol. 1. London, 1885. 507 p. URL: <https://archive.org/details/lecturesonjuris00campgoog/page/n12/mode/2up> (дата обр. 04.02.2021)

13. Guest S. Ronald Dworkin // Guest, S. Jurists: Profiles in Legal Theory. Stanford University Press, 1992. 320 p.
14. Luhmann N. Rechtssoziologie. Band 1. Reinbek bei Hamburg, 1972. S. 105.
15. Murphy James Bernard. The Philosophy of Positive Law. Foundations of Jurisprudence. Yale University Press, 2005. 256 p.
16. Vega Jesús. Legal philosophy as practical philosophy // Norms and Legal Normativity. 2018. № 34. <https://doi.org/10.4000/revus.3859>

References

1. Alexy R. *The Dual Nature of Law*. Rossijskij ezhegodnik teorii prava, 2009, no. 2, pp. 138-152.
2. Alexy R. *Ponyatie i dejstvitel'nost' prava [The concept and reality of law]*. M. : Infotropik Media, 2011. 192 p.
3. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. M.: ROSSPEN, 2004, 392 p.
4. Zaharcev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya prava: yuridicheskie pozicii [Philosophy of law: legal positions]*. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2016, no. 1, pp. 19-26.
5. Karasev V.I. *Filosofiya prava v kontekste global'noj social'noj transformacii [Philosophy of law in the context of global social transformation]*. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast'*, 2018, no. 3, pp. 100-122.
6. Kenenov A.A. *Niklas Luman: sociologiya prava [Niklas Luhmann: sociology of law]*. *Pravovaya mysl' XX veka. Sbornik obzorov i referatov [Legal Thought of the 20th Century. Collection of surveys and abstracts]*. M.: INION RAN, 2002, pp. 83-86.
7. Radbruch G. *Filosofiya prava [Philosophy of law]*. M.: Mezhdunar. ot-nosheniya, 2004, 240 p.
8. Rudkovskij V.A. *Pozitivizm i estestvennoe pravo (filosofiya prava) v kontekste sovremennogo pravoponimaniya [Positivism and natural law (philosophy of law) in the context of modern legal understanding]*. *Filosofiya prava*, 2008, no. 5, pp. 9-16.
9. Frank S. *Duhovnye osnovy obshchestva. Vvedenie v social'nuyu filosofiyu [Spiritual foundations of society. Introduction to social philosophy]*. Paris: YMCA Press, 1930, 314 p. URL: http://www.odinblago.ru/duh_osnovi_obsh/02#2

10. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. 5th ed. Vol. 1. London, 1885, 507 p. URL: <https://archive.org/details/lecturesonjuris00campgoog/page/n12/mode/2up>
11. Fuller R. *Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart*. *Pravovedenie*, 2005, no. 6, pp. 124-159.
12. Fuller R. *Moral' prava*. M.: IRISEN, 2019, 312 p.
13. Guest S. Ronald Dworkin. Guest, S. *Jurists: Profiles in Legal Theory*. Stanford University Press, 1992, 320 p.
14. Luhmann N. *Rechtssoziologie*. Band 1. Reinbek bei Hamburg, 1972, p. 105.
15. Murphy James Bernard. *The Philosophy of Positive Law. Foundations of Jurisprudence*. Yale University Press, 2005, 256 p.
16. Vega Jesús. Legal philosophy as practical philosophy. *Norms and Legal Normativity*, 2018, no. 34. <https://doi.org/10.4000/revus.3859>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Ерохин Алексей Константинович, к.филос.н., доцент, зав. кафедрой гуманитарных и экономических наук
Университет прокуратуры Российской Федерации, Дальневосточный юридический институт (филиал)
ул. Суханова, 8, г. Владивосток, 690091, Российская Федерация
alker@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexey K. Erokhin, Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, Head of Humanity and Economics Department
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Far Eastern Law Institute (branch)
8, Sukhanova Str., Vladivostok, 690091 Russian Federation
alker@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-3040>
SPIN-code: 1465-3623

Поступила 19.08.2022

После рецензирования 24.08.2022

Принята 30.08.2022

Received 19.08.2022

Revised 24.08.2022

Accepted 30.08.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-122-144

УДК 614-364.043

РОЛЬ СОНКО В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

*О.Ю. Кутумова, Н.В. Тихонова,
М.В. Шубкин, А.О. Сабанова*

В статье представлены современные подходы к сохранению и укреплению здоровья у различных половозрастных групп населения края путем проведения мероприятий немедицинского характера социально ориентированными некоммерческими организациями (СОНКО), реализующими проекты в целях сохранения общественного здоровья, направленные на формирование медицинской грамотности, информированности и реализацию современных методов укрепления здоровья. Актуальность рассмотрения такого подхода обусловлена снижением показателей общественного здоровья в Красноярском крае, о чем, прежде всего, свидетельствует отрицательная динамика демографических показателей в регионе. Проведенный анализ нормативно-правовой базы деятельности СОНКО в аспекте осуществления немедицинских услуг, свидетельствует о широких возможностях участия СОНКО в проектах по сохранению общественного здоровья. В работе использованы методы аналитического, социологического, статистического анализа.

Данные, полученные в результате анкетирования, позволили провести анализ изменений медико-социального статуса пациента, что предоставило возможность оценить эффективность мероприятий по укреплению здоровья, реализованных СОНКО в течение года. Критериями оценки эффективности немедицинской деятельности СОНКО стали показатели изменения уровня медицинской грамотности среди лиц, принимавших участие в мероприятиях, в сравнении с лицами, не участвовавшими в мероприятиях,

и улучшение показателей медико-социального статуса пациентов в динамике. Все это свидетельствует о необходимости активного тиражирования данной деятельности СОНКО в регионе.

Ключевые слова: общественное здоровье; охрана здоровья; сохранение и укрепление здоровья; СОНКО; нормативно-правовая база; различные половозрастные группы населения; медико-социальный статус

THE ROLE OF SONPOS IN THE PRESERVATION AND PROMOTION OF PUBLIC HEALTH IN THE KRASNOYARSK REGION

*O.Yu. Kutumova, N.V. Tihonova,
M.V. Shubkin, A.O. Sabanova*

The paper presents modern approaches to the preservation and promotion of health among different gender and age groups of the population of the region through the delivery of non-medical activities by socially oriented non-profit organizations (SONPOs) that implement projects to preserve public health, to form medical literacy, awareness and to carry out modern methods of health promotion. The relevance of the implementation of such approaches is due to the deteriorating health of the population of the Krasnoyarsk region, which, first of all, is evidenced by the negative dynamics of demographic indicators in the region. An analysis of the legal and regulatory framework for the activities of SONPOs in the aspect of the implementation of non-medical services to the population is given, indicating the wide opportunities for SONPOs to participate in projects to preserve public health. The following methods have been applied in the study – analytical, sociological, and statistical.

Data obtained as a result of the survey have been used to analyze changes in the patient's medical and social status that let evaluate the effectiveness of one-year implementation of health promotion activities by SONPOs. The criteria for evaluating the effectiveness of SONPOs non-medical activities were indicators of changes in the level of medical

literacy among the participants, in comparison with people who did not participate in the activities, and the improvement of the medical and social status of patients in dynamics. All of that demonstrates the need for widespread replication of the described activity of SONPOs in the region.

Keywords: *public health; health protection; preservation and promotion of health; SONPOs; legal and regulatory framework; different gender and age groups of the population*

Введение

Цель. Обосновать актуальность и оценить эффективность деятельности СОНКО, реализующих проекты в области общественного здоровья в Красноярском крае

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

Провести анализ основных проблем общественного здоровья Красноярского края.

Изучить тематические научно-исследовательские работы, нормативно-правовую базу деятельности СОНКО в аспекте осуществления немедицинских услуг.

Оценить эффективность реализованных СОНКО мероприятий немедицинского характера, направленных на повышение медицинской грамотности и улучшение медико-социального статуса пациентов.

Научная новизна представлена впервые проведенным анализом эффективности реализуемых СОНКО мероприятий немедицинского характера с различными половозрастными группами, свидетельствующего об улучшении показателей их здоровья.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в системе медико-социальной помощи для улучшения показателей общественного здоровья путем привлечения СОНКО в деятельность, направленную на повышение медицинской грамотности и улучшение медико-социального статуса пациентов.

Актуальность. Анализ проблемы ухудшения общественного здоровья в настоящее время как в целом по России, так и в Красно-

ярском крае, свидетельствует о снижении показателя рождаемости, росте смертности, снижении продолжительности жизни и требует поиска путей его улучшения за счет расширения спектра организаций, осуществляющих деятельность по работе с различными половозрастными группами в рамках здоровьесохраняющих технологий. При этом анализ тематических научно-исследовательских работ [1, 7] и нормативно-правовой базы деятельности СОНКО в аспекте осуществления немедицинских услуг населения выявил широкие возможности этих организаций по сохранению и укреплению общественного здоровья [3, 9].

Материалы и методы

Авторами был использован комплекс методов: аналитические, социологические, статистические. Исследование проводилось в рамках прикладной научно-исследовательской работы кафедры общественного здоровья и здравоохранения КрасГМУ (Регистрационная карта № 197-22; Регистрационная карта 180-02) в течение 2021 года на базе следующих СОНКО: СОНКО Шарыповский городской фонд «Социальная защита населения» (608 пациентов), СОНКО конный центр «Ласковая грива» (150 школьников), Канская местная организация «Федерация Брейк Данса» (43 школьника). Кроме того, проведена оценка эффективности работы РОО «Общество профилактики заболевания и сохранения здоровья», который является ресурсным центром для СОНКО края.

Для оценки изменения медико-социального статуса пациента была использована специально разработанная анкета, включающая вопросы по наиболее значимым проблемам у лиц соответствующей половозрастной группы. Для улучшения восприятия анкета была разбита на тематические блоки в зависимости от контингента обследуемых и включала – социально-гигиенический, медицинский и социально-психологические разделы. При этом анкета изучения медико-социального статуса детей и подростков была ориентирована на изучение мнения родителей. Информированное согласие было получено от всех субъектов участвовавших в исследовании.

Для анализа определялась частота выявления показателя в процентах. Анализ полученных данных реализован методами описательной статистики с использованием Excel.

Результаты и обсуждение

В Красноярском крае отмечается негативная динамика медико-демографических показателей, особенно в течение последних трех лет. Анализ основных демографических показателей по краю за 2019-2021 годы показал снижение рождаемости на 4,8% и повышение смертности на 26,0%, отрицательный естественный прирост составил – 6,5%. Изучение данного периода представляет особую актуальность как для оценки изменения показателей в динамике, так и для анализа причин ухудшения медико-демографических показателей. Так, ведущими причинами смертности в Красноярском крае в 2021 году являются: болезни системы кровообращения (41,6%), COVID-19 (17,2%), новообразования (13,5%); на четвертом месте внешние причины (несчастные случаи, травмы, отравления); 5 место и 6 место занимают болезни органов дыхания и болезни органов пищеварения [2]. Данный анализ представляет особую значимость в рамках привлечения СОНКО для проведения информационно-просветительских и образовательных мероприятий среди населения в условиях пандемии в части необходимости проведения вакцинопрофилактики и соблюдения мер профилактики, правил личной и общественной гигиены.

Необходимо отметить, что точками эффективного воздействия являются управляемые причины, воздействие на которые позволяет достигнуть положительной динамики в состоянии здоровья населения: низкая мотивация населения на соблюдение здорового образа жизни; невысокий уровень медицинской грамотности (грамотность в вопросах здоровья) в части информированности населения о хронических неинфекционных заболеваниях [20]; несвоевременное обращение за медицинской помощью; проблемы в организации оказания медицинской помощи и биомедицинской этике [19].

Сочетание медицинских и немедицинских мер предупреждения заболеваний дает возможность усиления мер персонализиро-

ванной профилактики и рассматривается как современный подход совершенствования поддержки общественного здоровья [22]. Особую актуальность представляет взаимодействие с социально ориентированными некоммерческими организациями, реализующими проекты в области общественного здоровья [4, 16, 24]. Повышение эффективности системы профилактики среди населения нам представляется через привлечения СОНКО, реализующих проекты в области охраны здоровья [10], направленных на популяризацию культуры здорового образа жизни, здорового питания, спортивно-оздоровительных занятий, а также мероприятия по укреплению здоровья с различными группами населения [13, 23].

Конституция Российской Федерации определяет Россию как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [6]. Государство выполняет значимую функцию в решении социальных задач как самостоятельно, так и с привлечением негосударственных организаций, ориентированных на решение социально-экономических проблем, в том числе СОНКО. К НКО относится организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Законодательством предусмотрено 16 организационно-правовых форм НКО, однако не все из них могут быть социально ориентированными. Так не могут быть СОНКО в организационно-правовых формах государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями [17].

Целью деятельности СОНКО является решение социальных задач и развитие различных гражданских институтов, оказание помощи государству в решении общественно значимых проблем, предоставление населению социальных услуг, выстраивание конструктивного взаимодействия между органами управления и обществом, а так же участие в обеспечении занятости населения. Фокусирование внимания исполнительной власти на проблемах отдельных групп граждан является источником социальных инно-

ваний. Для стабилизации деятельности НКО государство предпринимает меры по поддержке НКО на федеральном, региональном и местном уровнях [8]. Поддержка осуществляется с применением различных инструментов: финансовая поддержка – предоставляться в форме субсидий и грантов; имущественная поддержка – в виде предоставления СОНКО государственного и муниципального имущества во владение и (или) пользование (в том числе в аренду на льготных условиях). Кроме того, СОНКО предоставляется информационная и консультационная поддержка, помощь в подготовке и дополнительном профессиональном образовании работников и добровольцев (волонтеров), а также в виде предоставления налоговых льгот. Государство также предоставило право НКО участвовать в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и предоставило им при определенных условиях преимущества [18]. В 2020 году был утвержден комплекс мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2021-2024 годы [5].

Необходимо отметить, что источниками формирования денежных средств и иного имущества СОНКО за 2020 год являлись поступления из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации – 14,7%, на другие формы поступлений, таких как гранты от некоммерческих организаций, безвозмездные пожертвования, доходы от собственной предпринимательской деятельности и прочее приходилось – 85,3% поступлений [15]. Следовательно, основная доля поступлений на финансирование деятельности СОНКО приходится на негосударственные источники финансирования.

Применение в социальной сфере принципов партнерских отношений между государством и обществом становится инструментом для повышения качественных показателей предоставляемых услуг, и тем, самым, эффективности социальной политики.

Принцип партнёрства в социальной сфере имеет теоретическое обоснование в научной концепции становления смешанных систем

производства общественных благ. Так, теория «непрямого государственного управления» (NewGovernanceTheory), аргументирует неизбежность и высокую значимость межсекторного партнерства ответственных за социальную сферу органов власти с НКО в целях качественного и эффективного предоставления социальных услуг населению на современном этапе развития социально ориентированных государств с рыночной экономикой [21].

Результатом такой политики становится повышение уровня доступности и качества социальных услуг для населения, развитие приоритетных направлений государственной политики, а также сокращение расходов на их администрирование и бюрократический аппарат.

К преимуществам НКО относительно государственных и коммерческих учреждений как поставщикам социальных услуг можно отнести следующее:

- гибкость социально ориентированной деятельности НКО;
- способность НКО привлекать к решению социальных проблем дополнительные ресурсы, такие как труд добровольцев и частные пожертвования;
- способность НКО продолжать социально ориентированную деятельность в условиях сокращения выделяемого на нее государственного финансирования;
- индивидуальный подход и уважительное и гуманное отношение к каждому получателю поддержки;
- способность обеспечить комплексный подход не стесненный рамками «отраслевой» специализации [11].

В период пандемии COVID-19 особо востребованными и эффективными показали себя волонтерские инициативы социально ориентированных некоммерческих организаций, пришедших на помощь гражданам, оказавшимся в уязвимом положении, государственным медицинским и социальным учреждениям.

В 2020 году Правительство Красноярского края утвердило региональную программу Красноярского края «Укрепление общественного здоровья», основная цель программы – обеспечение к 2024 году доли

граждан, ведущих здоровый образ жизни до 55% [14]. Проект является составной частью национального проекта «Демография» [12], предполагающий увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет, в том числе здоровой жизни до 67 лет к 2024 году. Одной из задач утвержденной программы – вовлечение добровольческих и социально ориентированных некоммерческих организаций в мероприятия по укреплению общественного здоровья. В рамках решения данной задачи планируется организовать взаимодействия с СОНКО, оказывающими населению услуги по охране здоровья граждан, в том числе оказание методической, консультационной и информационной помощи СОНКО; проведение для СОНКО семинаров, “круглых столов”, конференций и иных мероприятий по вопросам оказания услуг по охране здоровья граждан; освещение в СМИ взаимодействия краевых государственных учреждений здравоохранения с СОНКО по вопросам охраны здоровья граждан, благотворительности и добровольчества.

Результаты

Анализ результатов деятельности СОНКО в рамках реализации проекта «Укрепление общественного здоровья» в 2021 году показал, что работа СОНКО по различным программам доказала свою эффективность в области сохранения и укрепления здоровья различных поло-возрастных групп населения края. Показатели эффективности деятельности СОНКО рассмотрены только по проведению мероприятий немедицинского характера, направленных на повышение медицинской грамотности и улучшение медико-социального статуса пациентов с позиции: продукт – что получило население от деятельности СОНКО в данном направлении, результат – что изменилось в результате потребления данного продукта, эффект – что изменилось в самой проблеме, насколько краткосрочные или долгосрочные изменения, на каком уровне.

Таким образом, продукт в деятельностном формате СОНКО включал в себя:

- организацию и проведение тематических образовательных курсов;

- разработку и реализацию тематических проектов по охране здоровья;
- изготовление и распространение печатной тематической продукции (брошюр, буклетов);
- анкетирование, как средство измерения влияния немедицинских мероприятий проводимых СОНКО и мониторинга изменений уровня медицинской грамотности и медико-социального статуса пациентов различных половозрастных групп.

К результатам оценки эффективности немедицинских мероприятий проводимых СОНКО относятся как общие показатели для всех групп исследуемых, например, повышение уровня медицинской грамотности, так и конкретные изменения в медико-социальном статусе пациентов различных групп, которые подробно представлены далее.

Такой показатель как эффект измеряем через изменения в самой проблеме. Как показала практика, региональные органы здравоохранения переориентированы на возможность более активного привлечения СОНКО к реализации мероприятий, направленных на сохранение общественного здоровья населения Красноярского края: были подписаны соглашения о сотрудничестве и определены приоритетные направления совместной деятельности.

Рассмотрим результаты более подробно.

Для организации данной практикоориентированной и исследовательской работы, единого понимания целей и задач в сфере общественного здоровья был привлечен Ресурсный центр РОО «Общество профилактики заболевания и сохранения здоровья» [15, с. 110], который при поддержке краевого государственного образовательного учреждения среднего профессионального образования «Краевой центр медицинского образования» организовал проведение 18-ти часового образовательного курса для 53 специалистов 28-ми СОНКО «Популяционная профилактика и общественное здоровье».

В 2021 году в рамках информационно-коммуникационного проекта «Укрепление общественного здоровья» в Красноярском крае «Вовлечение социально-ориентированных некоммерческих организаций в мероприятия по укреплению общественного здоровья» был

реализован проект сохранения здоровья населения с участием СОНКО из 5 городов и районов Красноярского края: Красноярска, Канска, Шарыпово, Боготола и Курагинского района. В проекте представлено несколько направлений, одним из которых является организация и проведения школ здоровья/школ пациента. Это групповая форма профилактической работы призванная научить посетителей школ методам самоконтроля и правилам здоровой жизни при наличии хронических заболеваний (артериальная гипертония, сахарный диабет, др.), а также методам ухода за больными родственниками. Данное направление было реализовано Шарыповским городским фондом «Социальная защита населения». В 2021 году прошли обучение 608 человек, из них: Школа сахарного диабета – 200 человек; Школа профилактики артериальной гипертонии – 128 человек; Школа реабилитации и ухода – 60 человек; Школа родственного ухода – 220 человек.

Занятия в школах проводились в соответствии с регламентирующими документами, утвержденными Министерством здравоохранения Российской Федерации и Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 01.10.2020 г. № 1053н «Об утверждении стандартов медицинской помощи взрослым при сахарном диабете 1 типа»; приказ Минздрава РФ от 02.11.2020 N 1193н «Об утверждении стандартов медицинской помощи взрослым при артериальной гипертензии», а также приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 29.11.2021 г. N 835 «О реализации в отдельных субъектах Российской Федерации в 2022 году пилотного проекта по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе, реализуемого в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Продолжительность и кратность занятий варьировалось в зависимости от направления подготовки: от 10 занятий по 3 часа в школе «Сахарного диабета, 7 занятий по 1 часу в школе «Профилактике артериальной гипертонии», до 6 занятий по 1 часу в школах «Реабилитации и ухода» и «Школе родственного ухода».

Анкетирование 128 обучающихся в школе профилактики артериальной гипертензии, проведенное врачом СОНКО показало улучшение состояния здоровья слушателей после обучения: у посетителей школ на 9% снизилось количество вызовов скорой помощи (было 27 вызова за год, стало 24); на 17%; снизилось число госпитализаций (28 госпитализации в 2020г, стало 17 в 2021г); на 21% сократилось количество листков нетрудоспособности по основному заболеванию среди лиц трудоспособного возраста (было 14 случаев нетрудоспособности, стало 11 в 2021 г.); 87% слушателей научились осуществлять контроль за состоянием здоровья (измерять АД и своевременно принимать лекарства); 100% пациентов получили знания по основному заболеванию и высказали удовлетворенность обучением. Данные показатели свидетельствуют о формировании важнейших здоровьесберегающих навыков и умений у данной группы пациентов.

Оценка деятельности проекта «Движение в движении» СОНКО конный центр «Ласковая грива» проводилась также на основании анкеты изучения медико-социального статуса в динамике, медицинская часть которой заполнялась врачом ОВП до начала и после окончания программы иппотерапии, особое внимание уделялось медицинским показателям эффективности, в том числе специфическим медицинским показателям: измерение сколиотического угла, силовые показатели мышечного корсета. Профилактику и коррекцию сколиозов по данному проекту прошли 150 школьников Курагинского района.

Проведенный анализ показал высокую эффективность данной работы. Так, у 25% занимающихся в группе, при кифотической и лордической осанке зафиксировано восстановление более чем на 1,5 градуса. У 50% улучшились силовые показатели мышечного корсета, отмечено удлинение ремиссии хронических заболеваний у 60% опрошенных. Кроме того, у 90% занимающихся улучшилась стрессоустойчивость, и у 45% обследованных повысились показатели успеваемости. Необходимо отметить, что для школьников эти критерии имеют важнейшее социально-психологическое значение.

Эффективность своей деятельности показала Канская местная организация «Федерация Брейк Данса». Количество детей занимающихся танцами от 7 до 17 лет в течение года составило 43 человека. Анализ эффективности также проводился на основании анкеты изучения медико-социального статуса в динамике, медицинская часть анкеты подразумевала фиксацию функциональной дыхательной пробы (Генче).

Функциональная дыхательная проба (Генче) показала высокий уровень обеспеченности организма детей кислородом: отличный результат был зафиксирован у 65,2% детей 7-10 лет, у которых задержка дыхания составила 40-60 секунд; хороший результат отмечен у 8,7% детей данной возрастной группы (задержка дыхания составила 35-40 секунд). В группе детей 11-13 лет отличный результат зафиксирован у 91,1%, хороший результат у 9% обследованных. У всех подростков 15-17 лет (100%) был отличный результат Функциональной дыхательной пробы.

Кроме того, данные анкетирования показали, что, по мнению родителей, почти в половине случаев дети стали реже болеть, а 25% детей вообще не болели в течение года. Все это свидетельствует о необходимости активного привлечения детей к занятиям физкультурой и спортом [20,21], в том числе путем танцевальной двигательной активности при помощи социально ориентированных некоммерческих организаций.

Как уже было отмечено, содействие популяризации здорового образа жизни и профилактики заболеваний имеет большое значение в формировании общественного здоровья. Большая роль в регионе в этом аспекте принадлежит РОО «Общество профилактики заболеваний и сохранения здоровья», которым за 2021 год издано 120700 экземпляров информационно-просветительской литературы. Эти формы охватывают достаточно большой блок актуальных проблем здоровья населения: вакцинация против новой коронавирусной инфекции взрослых и детей – 44000 экземпляров буклетов, плакатов, памяток; 7200 листовок «Самообследование молочных желёз» и «Здоровый образ жизни – основа профилактики онкологических заболеваний»; 60000 буклетов «Диспансеризация»; 2000 плакатов 1 баннер «Шагай к здоровью»; 6000

флаеров «Физическая активность – это может каждый»; 1500 наклеек «Здоровое сердце – долгая жизнь».

Проведенная оценка показала, что 96% населения знают о проводимой в Красноярском крае массовой вакцинации против коронавирусной инфекции; 89% информированы о проводимой диспансеризации взрослого населения 1 раз в год (после 40 лет); 82,1% знают о пользе ежедневных физических упражнений. Не вызывает сомнений, что такой формат работы имеет важное значение в повышении уровня информированности населения региона в вопросах медицинской грамотности.

Заключение

Деятельность СОНКО в укреплении здоровья различных половозрастных групп населения края имеет достаточно высокую эффективность. О чем свидетельствует повышение уровня медицинской грамотности и улучшение показателей медико-социального статуса пациентов. При этом привлечение таких организаций к работе по сохранению и укреплению здоровья не требует дополнительных государственных затрат. Как показало исследование, СОНКО имеет реальную практическую возможность формирования системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, проводя мероприятия по повышению физической активности, сохранению психологического здоровья и благополучия.

Таким образом, привлечение как можно большего количества СОНКО, обладающих опытом и наработанными практиками реализации немедицинских проектов, позволит повысить эффективность мероприятий, направленных на сохранение общественного здоровья, реализуемых в системе медико-социальной помощи населения региона.

Список литературы

1. Дворядкина Е.Б., Простова Д.М. Инфраструктурное обеспечение деятельности СОНКО в регионе: зарубежный опыт // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития (на ма-

- териале IV Международной научно-практической конференции). Екатеринбург, 2021. С. 53-56.
2. Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения красноярского края по итогам деятельности за 2021 год. Красноярск, 2022 год С. 217. URL: https://kraszdrav.ru/assets/content/image/files/Gosdoklad_2021.pdf (дата обращения: 13.07.2022)
 3. Закон Красноярского края от 7 февраля 2013 года N 4-1041 О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Красноярском крае. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465801455> (дата обращения: 13.07.2022)
 4. Зекунова З.Г. Организация предоставления социальных услуг СОНКО. Ростовский научный вестник. 2021. № 6. С. 30-32.
 5. Комплекс мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2021 - 2024 годы» (утв. Правительством РФ 11.12.2020 N 11826п-П44). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375934/ (дата обращения: 13.07.2022)
 6. Конституция Российской Федерации / Консультант плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.07.2022).
 7. Кочкина Е.В., Сарычева И.А. Модели взаимодействия органов исполнительной власти Москвы с СОНКО при реализации федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Москва: ООО «Вариант», 2017. 168 с.
 8. Кузьмин А.В. Особенности поддержки СОНКО государством на региональном уровне // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики (на материале VIII Международной научно-практической конференции). Тамбов, 2019. С. 99-105.
 9. Леухина И.Ю. Участие СОНКО Омской области в развитии гражданского общества // Молодой ученый (сборник статей V Международного научно-исследовательского конкурса). Пенза, 2022. С. 121-124.
 10. Лига Е.М. Институализация социально-ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) // Общество: философия, история, культура. № 12 (92). Чита, 2021. С. 83-87.

11. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. Москва, 2016. С. 7-26.
12. Национальный проект «Демография». URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 13.07.2022)
13. Ракова О.А. Целенаправленное развитие отношений с СОНКО – наш приоритет // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 3 (92). Хабаровск, 2021. С. 29-36.
14. Распоряжение Правительства Красноярского края от 18.06.2020 N 414-р (ред. от 01.02.2021) «Об утверждении региональной программы Красноярского края «Укрепление общественного здоровья». URL: <https://docs.cntd.ru/document/570844382> (дата обращения: 13.07.2022)
15. Сведения о деятельности социально ориентированной некоммерческой организации (на основе формы № 1-СОНКО). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko.html> (дата обращения: 13.07.2022)
16. Снаксарёв П.Б. Опыт работы СОНКО Краснодарского края. От простого к сложному. Профессионализация СОНКО – требование времени // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. XXXVII Адлерские чтения. Сборник статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием. К 115-й годовщине рождения российского парламентаризма. Сер. «Адлерские чтения 37» Краснодар, 2021. С. 347-353.
17. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 13.07.2022)
18. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ (последняя редакция) от 5 апреля 2013 года N 44-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 13.07.2022)
19. Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Galaktionova M.Yu., Gusarenko V.V., Rakhinsky D.V., Shepeleva J.S. Legal status of bioethics: international

- experience and national characteristics // Revista Inclusiones. 2020. №7. P. 198-207.
20. Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Andrenko O.V., Filimonov V.V., Nozdrin D.A., Yurchuk G.V. Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Yurchuk G.V., Rakhinsky D.V., Leopa A.V., Melnikova T.V. Medico-psychological support of elderly patients with somatic pathology in doctor-patient relations // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol.10, №10. P. 2506-2509
21. Salomon L.M. Of Market Failure, Voluntary Failure and Third Party Government: The Theory of Government-Nonprofit Relations in the Modern Welfare State // Journal of Voluntary Action Research. 1987. № 16. P. 29-9.
22. Nagovitsyn R., Osipov A., Kudryavtsev M. The system of daily self-monitoring of physical activity of youth in various move and energy modes // Proceedings of the 4th International Conference on Innovations in Sports, Tourism and Instructional Science (ICISTIS 2019). Chelyabinsk, Atlantis Press, 2019. P. 156-161.
23. Nagovitsyn R.S., Kudryavtsev M.D., Osipov A.Yu., Iermakov S.S., Popov V. The physical training of the youth in the context of the complex implementation of Ready for Work and Defense // Journal of Physical Education and Sport. 2019. Vol.19, №S. 6. P. 2256-2263. <https://doi.org/10.7752/jpes.2019.s6340>
24. Yassenko M.P., Malimonov I.V., Shepeleva Ju.S., Baksheev A.I., Rakhinsky D.V. Problems of historical education content improvement as a result of global-geopolitical transformations // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences. 2020. P. 908-916.

References

1. Dvoryadkina E.B., Prostova D.M. Infrastrukturnoe obespechenie deyatelnosti SONKO v regione: zarubezhnyy opyt [Infrastructural support of SONPO activities in the region: foreign experience]. *Menedzhment i predprinimatel'stvo v paradigme ustoychivogo razvitiya (na materiale IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii)* [Management and entrepreneurship in the paradigm of sustainable development (based

- on the IV International scientific and practical conference)]. Ekaterinburg, 2021, pp. 53-56.
2. Report on the state of public health and the organization of healthcare in the Krasnoyarsk Region based on the results of activities during 2021. Krasnoyarsk, 2022, 217 p. URL: https://kraszdprav.ru/assets/content/image/files/Gosdoklad_2021.pdf (accessed 13.07.2022)
 3. Law of the Krasnoyarsk Region dated February 7, 2013 N 4-1041 On state support for socially oriented non-profit organizations in the Krasnoyarsk Region. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465801455> (accessed July 13, 2022).
 4. Zekunova Z.G. Organizatsiya predostavleniya sotsial'nykh uslug SONKO [Organization of the provision of social services SONPOs]. *Rostov Scientific Bulletin*, 2021, no. 6, pp. 30-32.
 5. "Strategies for providing staged access of non-governmental organizations operating in the social sphere to budget funds allocated for the provision of social services to the population for 2021-2024" (approved by the Government of the Russian Federation on December 11, 2020 N 11826p-P44). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375934/ (accessed July 13, 2022).
 6. The Constitution of the Russian Federation / Consultantplus. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed July 13, 2022).
 7. Kochkina E.V., Sarycheva I.A. *Modeli vzaimodeystviya organov ispolnitel'noy vlasti Moskvy s SONKO pri realizatsii federal'nogo zakona «Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii»* [Models of interaction between the executive authorities of Moscow and SONPOs in the implementation of the federal law "On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation"]. Moscow, 2017, 168 p.
 8. Kuzmin A.V. Osobennosti podderzhki SONKO gosudarstvom na regional'nom urovne [Features of state support for SONPOs at the regional level]. *Global'nye problemy modernizatsii natsional'noy ekonomiki (na materiale VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii)* [Global problems of modernization of the national economy (based on the VIII International scientific and practical conference)]. Tambov, 2019, pp. 99-105.

9. Leukhina I. Yu. Uchastie SONKO Omskoy oblasti v razvitiy grazhdanskogo obshchestva [Participation of SONPOs of the Omsk region in the development of civil society]. *Molodoy uchenyy (sbornik statey V Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa)* [Young scientist (collection of articles of the V International Research Competition)]. Penza, 2022, pp. 121-124.
10. Liga E.M. Institutizatsiya sotsial'no-orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy (SONKO) [Institutionalization of socially oriented non-profit organizations (SONPOs)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. Chita, 2021, no. 12 (92), pp. 83-87.
11. Mersiyanova I.V., Benevolensky V.B. Preimushchestva NKO kak postavshchikov sotsial'nykh uslug: aprobatsiya v rossiyskikh usloviyakh [Advantages of NPOs as social services providers: approbation in Russian conditions]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management]. Moscow, 2016, pp. 7-26.
12. National project "Demography". URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (accessed July 13, 2022)
13. Rakova O.A. Tselenapravlennoe razvitie otnosheniy s SONKO – nash prioritet [Purposeful development of relations with SONPOs – our priority]. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki* [Bulletin of the Far Eastern State Scientific Library]. Khabarovsk, 2021, no. 3 (92), pp. 29-36.
14. Government resolution of the Krasnoyarsk Region dated June 18, 2020 N 414-r (as amended on February 1, 2021) "On approval of the regional program of the Krasnoyarsk Region "Public health promotion". URL: <https://docs.cntd.ru/document/570844382> (accessed July 13, 2022).
15. Information about the activities of a socially oriented non-profit organization (based on form No. 1-SONPO). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko.html> (accessed: July 13, 2022)
16. Snaksaryov P.B. Opytraboty SONKO Krasnodarskogokraya. Otprosotogo k slozhnomu. Professionalizatsiya SONKO – trebovanievremeni

- [Experience of SONPOs in Krasnodar Region. From simple to complex. Professionalization of SONPOs – imperative of the time]. *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo: problemy razvitiya i vzaimodeystviya. XXXVII Adlerskie chteniya. Sbornik statey vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. K 115-y godovshchine rozhdeniya rossiyskogo parlamentarizma. Ser. "Adlerskie chteniya 37"* [Personality. Society. State: problems of development and interaction. XXXVII Adler Readings. Collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. To the 115th anniversary of the birth of Russian parliamentarism. Ser. "AdlerReadings 37"]. Krasnodar, 2021, pp. 347-353.
17. Federal law "On non-profit organizations" dated 12.01.1996 N 7-FZ. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed July 13, 2022).
 18. Federal Law "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" dated April 5, 2013 N 44-FZ (last edition) dated April 5, 2013 N 44-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
 19. Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Galaktionova M.Yu., Gusarenko V.V., Rakhinsky D.V., Shepeleva J.S. Legal status of bioethics: international experience and national characteristics. *Revista Inclusiones*, 2020, no. 7, pp. 198-207.
 20. Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Andrenko O.V., Filimonov V.V., Nozdrin D.A., Yurchuk G.V. Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Yurchuk G.V., Rakhinsky D.V., Leopa A.V., Melnikova T.V. Medico-psychological support of elderly patients with somatic pathology in doctor-patient relations. *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*, 2018, vol. 10, no. 10, pp. 2506-2509.
 21. См.: Salomon L.M. Of Market Failure, Voluntary Failure and Third Party Government: The Theory of Government-Nonprofit Relations in the Modern Welfare State. *Journal of Voluntary Action Research*, 1987, no. 16, pp. 29-9.
 22. Nagovitsyn R., Osipov A., Kudryavtsev M. The system of daily self-monitoring of physical activity of youth in various move and energy

- modes. *Proceedings of the 4th International Conference on Innovations in Sports, Tourism and Instructional Science (ICISTIS 2019)*. Chelyabinsk, Atlantis Press, 2019, pp. 156-161.
23. Nagovitsyn R.S., Kudryavtsev M.D., Osipov A.Yu., Iermakov S.S., Poptov V. The physical training of the youth in the context of the complex implementation of Ready for Work and Defense. *Journal of Physical Education and Sport*, 2019, vol. 19, no. S. 6, pp. 2256-2263. <https://doi.org/10.7752/jpes.2019.s6340>
24. Yassenko M.P., Malimonov I.V., Shepeleva Ju.S., Baksheev A.I., Rakhinsky D.V. Problems of historical education content improvement as a result of global-geopolitical transformations. *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*, 2020, pp. 908-916.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Кутумова Ольга Юрьевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры Общественного здоровья и здравоохранения; главный врач

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; краевое государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Красноярский краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики»

ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация; ул. Парижской Коммуны, 33, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация

krascmp@yandex.ru

Тихонова Наталья Владимировна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры Общественного здоровья и здравоохранения *Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого*

ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация

nvt24@mail.ru

Шубкин Михаил Владимирович, кандидат медицинских наук,
доцент кафедры Общественного здоровья и здравоохранения
*Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого*
ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская
Федерация
oziz24@yandex.ru

Сабанова Анжелика Олеговна, старший преподаватель кафедры
Общественного здоровья и здравоохранения
*Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого*
ул. Партизана Железняка, 1, г. Красноярск, 660022, Российская
Федерация
angelok130463@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga Yu. Kutumova, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health and Health; chief physician
Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky; Krasnoyarsk regional public health and medical prevention center
1, Partizana Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation; 33, Paris Commune Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
krascmp@yandex.ru
SPIN-code: 1651-3197
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7424-5666>

Natalia V. Tihonova, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health and Health
Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky
1, Partizana Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation

nvt24@mail.ru

SPIN-code: 4244-8621

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9560-7264>

Mikhail V. Shubkin, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health and Health

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky

1, Partizana Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation

oziz24@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0456-9507>

Anzhelika O. Sabanova, Senior Lecturer, Department of Public Health and Health

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky

1, Partizana Zheleznyaka Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation

angelok130463@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9111-2598>

Поступила 01.08.2022

После рецензирования 26.08.2022

Принята 10.09.2022

Received 01.08.2022

Revised 26.08.2022

Accepted 10.09.2022

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-145-158
УДК 81.26

ТЕКСТ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О.М. Осиянова, А.О. Юдина

***Обоснование.** Грамотное оформление деловых писем выступает одним из важных факторов ведения успешной деловой деятельности. При широком распространении средств видеосвязи, голосовых сообщений и мессенджеров деловая корреспонденция в письменной форме остаётся актуальной. Электронная деловая корреспонденция, которая определяет социальную и культурную специфику современного мирового сообщества в области бизнеса, менеджмента и материального производства, рассматривается в статье как лингвистический феномен.*

***Цель.** Выявить прагмалингвистические особенности текстов англоязычных электронных коммерческих писем и рассмотреть специфику англоязычного электронного коммерческого письма.*

***Материалы и методы.** Для решения поставленных задач был использован комплекс методов научного исследования: анализ научной литературы по проблеме исследования и текстов англоязычных электронных коммерческих писем; метод сплошной выборки; описательный метод; сравнительно-сопоставительный метод.*

***Результаты.** Особое внимание уделено деловым письмам как традиционному способу коммуникации между организациями, предприятиями, ассоциациями и органами. Выявлено, что каждое деловое письмо имеет своё коммуникативное назначение, прагматическую сущность. Прагмалингвистический аспект текстов электрон-*

ной деловой корреспонденции осуществляется через реализацию конкретного коммуникативного намерения с определенной целью.

Область применения результатов. Результаты исследований могут быть полезными для дальнейших исследований в сфере коммуникативных технологий: проблемы коммуникативной эффективности, связей с общественностью, рекламы, речевого этикета, теории и практики перевода.

Ключевые слова: электронный текст; электронная деловая корреспонденция; деловое письмо; коммерческое письмо; прагмалингвистический анализ; коммуникативная интенция; коммуникативная стратегия

ELECTRONIC BUSINESS CORRESPONDENCE TEXT IN THE PRAGMALINGUISTIC ASPECT

O.M. Osyanova, A.O. Yudina

Background. *Competent execution of business letters is one of the important factors in conducting successful business activities. With the widespread use of video communication, voice messages and instant messengers, written business correspondence remains relevant. Electronic business correspondence, which determines the social and cultural specifics of the modern world community in the field of business, management and material production, is considered in the article as a linguistic phenomenon.*

Purpose. *To reveal the pragmalinguistic features of the texts of English-language electronic commercial letters and consider the specifics of the English-language electronic commercial letter.*

Materials and methods. *To solve the tasks set, a set of scientific research methods was used: analysis of scientific literature on the research problem and texts of English-language electronic commercial letters, continuous sampling method, descriptive method, comparative method.*

Results. *Particular attention is paid to business letters as a traditional way of communication between organizations, enterprises, as-*

sociations and bodies. It was revealed that each business letter has its own communicative purpose, pragmatic essence. The pragmalinguistic aspect of the texts of electronic business correspondence is carried out through the implementation of a specific communicative intention with a specific goal.

Practical implications. *The results of the research can be useful for further research in the field of communication technologies: problems of communication efficiency, public relations, advertising, speech etiquette, theory and practice of translation.*

Keywords: *electronic text; electronic business correspondence; business letter; commercial letter; pragmalinguistic analysis; communicative intention; communication strategy*

Введение

Цель. Целью настоящей статьи является раскрытие прагмалингвистических особенностей текстов англоязычных электронных коммерческих писем. Для её достижения представляется необходимым определить сущностные характеристики текстов электронной деловой корреспонденции и выявить прагмалингвистический аспект электронных коммерческих писем.

Актуальность. Мастерство грамотного оформления деловых писем выступает одним из важных факторов ведения успешной деловой деятельности. Несмотря на широкое распространение средств видеосвязи, голосовых сообщений и мессенджеров, деловая корреспонденция в письменной форме не теряет своей актуальности.

Как и всякий текст, любое деловое письмо является сложным по структуре и смысловой организации, обладающим признаками цельного, связного, законченного произведения текстом. Текст как объект лингвистического исследования стал для многих учёных-лингвистов, посвятивших себя вопросам языкознания, предметом их научных изысканий: М.М. Бахтин [3], И.Р. Гальперин [5], Г.Я. Солганик [10], Л.О. Бутакова [4] обратили внимание на текст как явление с его особенностями и структурными закономерностями. Электронный текст активно исследуется как зарубежными, так

и отечественными учеными (Гл. Эсс, С.С. Херринг, Ю.В. Балакина) [12; 13; 1]. Их труды составили теоретико-методологическую основу нашего исследования.

Материалы и методы исследования

Для решения поставленных задач использован комплекс методов научного исследования: анализ научной литературы по проблеме исследования и текстов англоязычных электронных коммерческих писем, метод сплошной выборки, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования

Анализ научной литературы по проблеме исследования позволяет признать, что не существует главного отличия, или главной теории, отличающей *текст* от «нетекста»: сложен сам объект, неоднозначны параметры его определения, предлагаемые лингвистами в разное время. Так, например, И.Р. Гальперин определяет текст как «письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определённый моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное» [5, с. 67]. В свою очередь, Л.О. Бутакова заключает, что текст – это «объединенная смысловой связью последовательность языковых единиц, которой присущи связность и цельность», и с этим нельзя не согласиться – у текста всегда есть цель, а также смысловая и грамматическая связь между предложениями [4, с. 5]. Основными свойствами текста многие отечественные лингвисты выделяют связность, целостность и отдельность. На основе этих признаков, отмечается также завершенность и незавершенность текста, включенность в текст вербальных и невербальных компонентов и наличие темы в тексте [8].

Появление и стремительное развитие новых средств и форм коммуникации обусловило обращение современной лингвистики к трактовке понятия *электронный текст* как нового типа текста.

Понятие «электронный текст» (e-text от англ. *electronic text*) – общий термин для любого документа, который читается в цифровой форме, и особенно документа, который является преимущественно текстовым. Электронный текст может быть электронным изданием произведения, первоначально составленного или опубликованного в иных средствах массовой информации, или может быть первоначально создан в электронной форме. Вслед за Ю.В. Балакиной определим электронный текст как «текст, продуцированный с помощью какого-либо электронного носителя информации (ПК, ноутбук, телефон, планшет) и совмещающий в себе в той или иной степени черты устной и письменной речи» [1, с. 18].

По мнению Ю.В. Балакиной, электронные тексты можно разделить на две группы. К первой группе относят тексты, которые могут существовать как в бумажном, так и в электронном варианте (все виды писем, отчеты, деловая и личная корреспонденция, документация, статьи, публицистические и художественные произведения, дневники). Ко второй группе относятся тексты, существующие лишь в электронном варианте и не имеющие бумажных аналогов. К ним относятся смс-сообщения и их разновидности (сообщения в кросс-платформенных «Viber», «Skype» и т.д.), сообщения в чатах, форумах, комментарии, записи на стене, статусы в социальных сетях [1].

Электронные тексты могут быть представлены формализованными типами текстов, в которых учитываются нормы официально-делового, научного и публицистического стилей (официальная и деловая корреспонденция, статьи научные и публицистические, новостные ленты на крупных информационных сайтах, сайтах медиа компаний, любая информация на официальных сайтах), и электронными текстами неформального общения. Для дальнейшего исследования научный интерес представляют тексты первой группы, к которым относятся тексты официально-делового стиля, в том числе и тексты электронной деловой корреспонденции.

Электронная деловая корреспонденция – это деловое письмо, отправленное получателю по электронной почте или сообщением на любой другой интернет-платформе (социальные сети, сайты).

М.И. Басаков считает, что «письмо (синонимы: деловое письмо, служебное письмо; во множественном числе – деловая корреспонденция) – общепринятое название большого числа разновидностей (порядка 30 наименований) оперативно-информационных документов, используемых для решения как текущих, так и перспективных задач в управлении» [2, с. 5].

Преимущество деловых писем заключается в более чётких формулировках мысли (позволяют планировать, отбирать и правильно оформлять мысли), закреплении точных цифр и показателей (дают возможность вести довольно сложные и трудоемкие дела; могут быть средством передачи конфиденциальной информации), законченности предложений, на которые впоследствии можно будет ссылаться. Деловое письмо несёт на себе серьёзную психологическую нагрузку: оно представляет собой лицо человека или фирмы, написавшего его.

Деловые и коммерческие письма – это служащие средством общения между учреждениями, организациями и частными лицами документы. Их применяют для решения многочисленных оперативных вопросов, возникающих в управленческой и коммерческой деятельности. Это особый тип документа, который имеет юридическую значимость, но менее жестко регламентирован, чем контракт или постановление. Деловые и коммерческие письма содержат официальную информацию или сообщение, имеют официальную форму, оформлены надлежащим образом [11].

В современной лингвистической литературе проводится условное различие между деловой и коммерческой корреспонденцией. Деловой корреспонденцией условно называется та переписка, в которой оформляются экономические, правовые, финансовые и все другие формы деятельности предприятия, а переписка по вопросам материально-технического снабжения и сбыта относится к коммерческой корреспонденции [Там же].

Коммерческие письма составляются при заключении и выполнении коммерческой сделки и имеют юридическую силу. Они отражают процесс двустороннего обмена корреспонденцией между фирмами (запрос, ответ на запрос, предложение и ответ на него,

заказ, различные типы гарантий, а также рекламу и ответ на нее) [Там же].

Деловое письмо является особой разновидностью текста с ярко выраженной прагматической ориентированностью на адресата. К прагмалингвистическим особенностям текстов можно отнести отношения между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий и слушающий, где важны конкретные обстоятельства места и времени их речевого взаимодействия, и связанные с этим актом общения ожидания и цели. Прагматическая направленность адресанта (отправителя информации) на адресата (ее получателя) обнаруживается в выборе языковых средств как тем, так и другим участником коммуникации.

Адресант использует такие языковые средства, которые помогут ему реализовать свой замысел и тактику в речевом взаимодействии (интеракции). Прагматика языка начинается там, где возникает вопрос: «Зачем я это говорю?». Замысел, с которого начинается коммуникативное намерение, называется *коммуникативной интенцией*. Говорящий специально выбирает такие языковые средства, которые с максимальной точностью должны выразить его интенцию.

Совокупность запланированных заранее и реализуемых в ходе речевого акта ходов определяется как *коммуникативная стратегия*. К коммуникативной стратегии относится: выбор глобального речевого намерения, (например, выступить с сообщением, задать вопрос, обратиться с просьбой); соотнесение информации о ситуации с состоянием сознания собеседника, с его фоновыми знаниями. Стратегия речевого поведения будет диктовать адресанту выбор между явным (эксплицитным) и скрытым (имплицитным) выражением коммуникативной интенции.

Цель делового письма, прежде всего, заключается в том, чтобы адресат дал определенный ответ на это письмо, а также в поддержании деловых отношений, контакте между деловыми партнерами для выполнения задач, диктуемых сферой общения. Текст делового письма содержит отдельные коммуникативные намерения адреса-

та. Это проявляется в прагматических установках (воздействия). В деловых письмах может быть выражено либо одно коммуникативное намерение адресанта, либо несколько (два и более) коммуникативных намерений. К.А. Касаткина предлагает объединить все коммуникативные намерения, реализуемые в деловых письмах, в несколько основных: информирование, побуждение, благодарность, жалоба, извинение, напоминание, согласие, отказ, уклонение, сожаление, соболезнование [7].

Прагматический аспект эпистолярного текста, по словам Л.В. Нижниковой, включает как его прагматическую установку, так называемую целенаправленную психологическую интенцию адресанта, так и его прагматическое содержание, характеризующееся непосредственной направленностью на реализацию конкретной цели коммуникации, получение конечного результата, запрограммированного автором письма [9].

Обсуждение

Рассмотрим прагматический аспект англоязычного делового электронного письма на примере переписки продюсера театра с зарубежными партнёрами.

[21.12.2020,17:57]: *Dear Rose,*

thanks for the signed contract, your kind efforts are very much appreciated.

Nevertheless, we just found out that we're still missing the amount of 33 euro at our bank account, which supposed to be paid to our theatre as a part of the fee for the show of "... " on the stage of ... in June 2020, but it has been held as a bank commission by mistake.

We would like to make you aware about this matter due to the fact that, as our accounting department shall close the financial report for the second quarter of 2020, and there are those 33 euro still missing on behalf of ..., though we are unable to establish new payments to ... before we finalize the previous ones.

I've informed Jane Simmons about the matter, and unfortunately, issue has not been fixed yet.

In case if there is any problem, please let us know what we can do to help you to fix it.

Looking forward to your reply,

Alexander Boiarinov

Producer

Tovstonogov Bolshoi Drama Theatre

По функциональному признаку это – письмо-запрос, основная воздействующая функция которого – запросить данные о недостающей сумме гонорара за проведённый спектакль. Это письмо нерегламентированное, так как автор не придерживается строгого формата делового письма; это сообщение, полученное по электронной почте, адресованное продюсеру другого театра, т.е. одному адресату. По композиционному признаку письмо можно считать одноаспектным последоговорным коммерческим письмом, поскольку рассматривается лишь одна тема, а сама ситуация (оставшиеся нереализованными пункты договора) случилась уже после подписания договора. Тональность текста определяется как достаточно сдержанная, нейтральная. Присутствуют элементы неофициального стиля (например, местоимение «we» во фразе «We would like to make you aware about this matter»), однако это не воспринимается как нарушение стилистических и коммуникативных норм.

Главная коммуникативная интенция анализируемого текста – вернуть недостающую сумму денег – содержит как эксплицитное, так и имплицитное выражение. Например, в завершающей формулировке «*In case if there is any problem, please let us know what we can do to help you to fix it*» эксплицитное намерение посодействовать решению проблемы имеет имплицитное намерение поторопить отвечающую сторону действовать более оперативно. Для реализации основной интенции автор выбирает две коммуникативные стратегии. Согласно первой, автор описывает сложившуюся ситуацию и требует адресата разобраться. Согласно второй, выражает намерение помогать в этом деле, предполагает непреднамеренную ошибку, употребляя выражение «*by mistake*», и благодарит за контракт. Таким образом, в тексте сталкиваются две коммуникативные стратегии.

Заключение

Деловые письма как традиционный способ коммуникации между организациями, предприятиями, ассоциациями и органами имеют своё коммуникативное назначение и прагматическую сущность. Прагмалингвистический аспект текстов электронной деловой корреспонденции осуществляется через реализацию конкретного коммуникативного намерения с определенной целью.

В ходе исследования на примере электронного делового письма продюсера Большого Драматического Театра им. Г.А. Товстоногова, отправленного зарубежным партнёрам театра с целью организации гастролей, были выявлены следующие характерные особенности прагмалингвистического аспекта текстов электронной деловой корреспонденции: прагматическая установка (целенаправленная психологическая интенция адресанта), прагматическое содержание письма, характеризующееся непосредственной направленностью на реализацию конкретной цели коммуникации (получение конечного результата, запрограммированного автором письма). Результаты исследований могут быть полезными для дальнейших исследований в сфере коммуникативных технологий: проблемы коммуникативной эффективности, связей с общественностью, рекламы, речевого этикета, теории и практики перевода.

Список литературы

1. Балакина Ю.В. Электронный текст: принципиально новый тип текста? // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2 Языкознание, 2016. Т. 15 № 3. С. 17-27.
2. Басаков М.И. Приказ и деловое письмо (требования к оформлению и образцы документов согласно ГОСТ Р 6.302003). Ростов н/Д: Феникс, 2009. 249 с.
3. Бахтин М.М. Проблема текста // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297-325.
4. Бутакова Л.О., Рогожникова Т.П. Основы теории текста: диахронный и синхронный аспекты: учебно-методическое пособие. Омск:

- Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. 95 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/119791> (дата обращения: 28.04.2022).
5. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Материалы научной конференции «Лингвистика текста». Ч. 1. М.: МГПИКЯ им. М. Тореца, 1974. С. 67-72.
 6. Завьялова З.С., Кондратьева И.В., Гиниятова Е.В., Дикин Э.К. Коммуникативные трансформации социальных медиа // Известия Томского политехнического университета. Социально-гуманитарные технологии. 2014. № 6. С. 88-93.
 7. Касаткина К.А. Профессионально-ориентированное обучение переводу с листа текста делового письма на языковых факультетах вузов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2000. 23 с.
 8. Кошкина А.А. Приемы манипулятивного воздействия в текстах. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088403.pdf (дата обращения: 26.04.2022).
 9. Нижникова Л.В. Письмо как тип текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. URL: <https://cheloveknauka.com/pismo-kak-tip-teksta> (дата обращения: 22.06.2022).
 10. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10 Журналистика, 2005, № 2. С. 7-15.
 11. Butkovičová L. Характеристика и анализ преддоговорной деловой корреспонденции // Masarykova univerzita Filozofická fakulta, 2015, 75 s.
 12. Ess Ch. Culture and Computer-Mediated Communication: Toward New Understandings // Journal of Computer-Mediated Communication, 2005, vol. 11, no. 1, pp. 179-191.
 13. Herring S.C. Computer-mediated discourse // The Handbook of Discourse Analysis, 2001, pp. 612-634.

References

1. Balakina Ju.V. Jelektronnyj tekst: principjal'no novyj tip teksta? [Electronic text: a fundamentally new type of text?]. *Vestnik Volgograd gos. un-ta Ser. 2 Jazykoznanie* [Volgograd. State University Bulletin. Series 2 Linguistics], 2016, vol. 15, no. 3, pp. 17-27.

2. Basakov M.I. Prikaz i delovoe pis'mo (trebovaniya k oformleniyu i obrazcy dokumentov soglasno GOST R 6.302003) [Order and business letter (formulation requirements and sample documents in accordance with GOST R 6.302003)]. Rostov n/D: Feniks Publ., 2009, 249 p.
3. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986, pp. 297-325.
4. Butakova L.O. Rogozhnikova T.P. *Osnovy teorii teksta: diahronnyj i sinhronnyj aspekty* [Fundamentals of Text Theory: Diachronic and Synchronic Aspects]. Omsk: OSU Publ., 2019, 95 p. URL: <https://e.lanbook.com/book/119791> (accessed April 28, 2022)
5. Gal'perin I.R. O ponjatii «tekst» [On the concept of “text”]. *Materialy nauchnoj konferencii «Lingvistika teksta»* [Proceedings of the Scientific Conference “Text Linguistics”], vol. 1. Moscow: MGPIKYA im. M. Toreza, 1974, pp. 67-72.
6. Zav'jalova Z.S., Kondrat'eva I.V., Giniyatova E.V., Dikin Je.K. Kommunikativnye transformacii social'nyh media [Communicative transformations of social media]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-gumanitarnye tehnologii* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Social and Humanitarian Technologies], 2014, no. 6, pp. 88-93.
7. Kasatkina K.A. *Professional'no-orientirovannoe obuchenie perevodu s lista teksta delovogo pis'ma studentov jazykovyh fakul'tetov vuzov* [Professionally-oriented training in translation from a sheet of the text of a business letter at the language faculties of universities]: Abstract of PhD dissertation. Tol'jatti, 2000, 23 p.
8. Koshkina A.A. *Priemy manipuljativnogo vozdejstvija v tekstah* [Techniques of manipulative influence in the text]. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088403.pdf (accessed April 26, 2022).
9. Nizhnikova L.V. *Pis'mo kak tip teksta* [Letter as a type of text]: PhD dissertation. Odessa, 1991. URL: <https://cheloveknauka.com/pis-mo-kak-tip-teksta> (accessed June 22, 2022).
10. Solganik G.Ja. K opredeleniju ponjatij «tekst» i «mediatekst» [On the definition of the concepts of “text” and “media text”]. *Vest.Mosk.un-ta. Ser.10 Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10 Journalism], 2005, no. 2, pp. 7-15.

11. Butkovičová L. Charakteristika i analiz preddogovornoj delovoj korepondencii. *Masarykova univerzita Filozofická fakulta*, 2015, 75 p.
12. Ess Ch. Culture and Computer-Mediated Communication: Toward New Understandings. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2005, vol. 11, no. 1, pp. 179-191.
13. Herring S.C. Computer-mediated discourse. *The Handbook of Discourse Analysis*, 2001, pp. 612-634.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Осиянова Ольга Михайловна, доктор педагогических наук, профессор кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
проспект Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018, Российская Федерация
olos7@rambler.ru

Юдина Александра Олеговна, магистрант кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»
проспект Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018, Российская Федерация
aleksa_yudina@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga M. Osiyanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of English Philology and Methods of Teaching English
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, Orenburg Region, 460018, Russian Federation

olos7@rambler.ru

SPIN-code: 1327-3218

ResearcherID: AAB-9416-2020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1846-5378>

Scopus Author ID: 56028265900

Alexandra O. Yudina, Department of English Philology and Methods
of Teaching English, student, magistracy

Orenburg State University

*13, Prospekt Pobedy, Orenburg, Orenburg Region, 460018, Rus-
sian Federation*

aleksa_yudina@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0172-9656>

Поступила 29.04.2022

После рецензирования 29.05.2022

Принята 02.07.2022

Received 29.04.2022

Revised 29.05.2022

Accepted 02.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-159-171

УДК 81-23

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФОЛЬКОЛОРИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

*Т.Г. Волошина, Ю.С. Блажевич,
Н.В. Нерубенко, А.С. Герасина*

В настоящей статье анализируются особенности пословиц и поговорок на примере культур Германии и Великобритании, сформированных под влиянием экстралингвистических факторов.

Целью статьи является выявление универсалий и уникалий немецкой и британской лингвокультуры на примере пословиц и поговорок, функционирующих в современном немецком и английском языках.

Методологически статья является междисциплинарной. Авторы используют методологический инструментарий, базирующийся на применении общенаучных методов (моделирование, интерпретация) и частных методов (лингвистическая реконструкция культуры, лингвокультурологический комментарий).

Результаты. Проанализировав особенности пословиц и поговорок немецкой и английской культур, сформированных в ходе исторического, культурного и языкового взаимодействия, авторы выделили особенности мировоззрения, характера и убеждений немцев и англичан. Были установлены причины частотности употребления пословиц и поговорок в современном немецком и английском языках: в ранг наиболее частотных как для немецкой, так и для английской лингвокультуры входят устойчивые выражения, высказывания из произведений художественной литературы.

Ключевые слова: лингвокультурология; пословицы; поговорки; немецкая лингвокультура; английская лингвокультура

REFLECTION OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL PICTURE OF THE WORLD IN TERMS OF FOLKLORE STUDIES (BASED ON THE PROVERBS AND SAYINGS OF GERMANY AND GREAT BRITAIN)

*T.G. Voloshina, Y.S. Blazhevich,
N.V. Nerubenko, A.S. Gerasina*

This article deals with the peculiarities of proverbs and sayings on the example of German and British cultures, formed in the process of extralinguistic factors influence.

Purpose. *The aim of the article is to identify the universals and uniqueness of German and British linguistic cultures illustrated with the proverbs and sayings functioning in modern German and English.*

Methods. *Methodologically, the article is of interdisciplinary character. The authors use methodological tools based on the application of general scientific methods (modeling, interpretation) and specific methods (linguistic reconstruction of culture, language and culture commentary).*

Results. *Having analyzed the features of proverbs and sayings of the German and English cultures, formed in the course of historical, cultural and linguistic interaction, the authors singled out the peculiarities of the worldview, character and beliefs of the Germans and Englishmen. The reasons for the productivity of proverbs and sayings use in modern German and English languages were identified: the most frequently used both for German and English language and cultures are bibleisms, set expressions, extracts from works of fiction.*

Keywords: *language and culture studies; proverbs; sayings; German linguoculture; English linguoculture*

Введение

В современном мире межкультурные связи приобретают особое значение в политической, социальной, экономической сферах деятельности. Соответственно, растёт необходимость в понимании представителей других культур, их ценностей, особенностей по-

ведения и взгляда на мир. Язык можно назвать одним из наиболее важных составляющих культуры. Являясь фундаментом в формировании картины мира, язык служит основным инструментом в понимании мировосприятия народа. В свою очередь, пословицы и поговорки, как часть любого языка, ярко и точно отражают национальный характер, приоритеты представителей той или иной культуры и их картину мира в целом.

Методы и принципы исследования

Данная статья является продолжением методологического исследования серии работ, посвященных изучению специфики лингвокультурных особенностей иностранных языков (английского и немецкого, а также их территориальных вариантов) с целью выявления универсальных и уникальных категорий, свойственных для того или иного языка, подверженному влиянию двух ключевых процессов: глобализации и индигенизации. Обращение к словарному материалу и дефиниционному анализу позволяет выявить специфику функционирования и продуктивность применения языкового материала в современном английском и немецком языках. Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения данных исследования в ходе дефиниционного анализа пословиц и поговорок английского и немецкого языков относительно лингвокультурных особенностей реалий русского языка с целью выявления универсалий и уникалий в рамках лингвокультурного анализа.

Обсуждение

Являясь частью фольклора, пословицы и поговорки служат важным инструментом для понимания особенностей национального мировоззрения, характера, образа мыслей. В своих работах собиратель и исследователь А.Н. Афанасьев писал: «... пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и поэтому являются памятником издревле сформировавшихся убеждений» [1, с. 43]. Таким образом, пословицы, благодаря своей устойчивости, несут в себе отпечаток исторической судьбы и культуры народа, доносят

до нас, так или иначе, информацию об условиях формирования убеждений, системы ценностей и менталитета.

Необходимо отметить, что ни в английском, ни в немецком языках не существует отдельных дефиниций для выражения разницы между понятиями «пословица» и «поговорка». В английском языке для двух явлений применяются определения «*idiom*» или «*proverb*», в немецком языке используется термин «*das Sprichwort*».

Принимая во внимание тот факт, что пословицы и поговорки отражают особенности мировосприятия и убеждений народа, можно сделать вывод, что большинство устойчивых выражений берут начало в среде народа и являются продуктом народного творчества. Кроме этого, существуют ещё несколько источников их происхождения, к которым принадлежат литература (отдельное место занимают выражения, пришедшие из Библии), заимствования из других языков и культур, а также высказывания известных писателей и поэтов [3, с. 56].

В немецком языке также прослеживается аналогичная тенденция, когда множество пословиц становятся частью языка, функционируя в повседневном общении, например, известное с XII в. выражение «*Wer zuerst kommt, mahlt zuerst*» – «*В порядке живой очереди*» или «*Кто смел, тот и сел*» до сих пор употребляется в языке. Изначально речь шла об обращении к мельнику; в современном немецком языке рассматриваемое выражение экстраполируется на сферы жизни, где также необходимо соблюдать порядок очерёдности.

Что касается пословиц, пришедших в язык из литературы, то, конечно, огромный вклад в английский язык внес Уильям Шекспир, например: «*Brevity is the soul of wit*» – «*Краткость – душа ума*», «*A rose by one other name would smell as sweet*» – «*А роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет*» и др.

В немецкой фразеологии же напротив, количество литературных пословиц гораздо меньше. Из классической литературы взяты такие пословицы как:

- «*In der Jungen lernt, im Alter versteht man*» (М. Эшенбах) – «*В молодости человек учится, а в старости понимает*»;

- «Freude, Mäßigkeit und Ruhsch leuft dem Arzt die Türe zu» (Ф. Логау) – «Радость, умеренность и спокойствие - лучшие советчики для врача».

В результате культурного обмена фразеология английского и немецкого языков пополнилась большим количеством пословиц. Основным источником заимствования пословиц для английского языка стали французский, латинский и греческий языки, например:

- «Dead men don't bite» – «Мертвецы не кусаются»,
- «Evil be to him who evil thinks» – русский аналог «Как аукнется, так и откликнется» [6, с. 98].

В немецкий язык многие пословицы перешли из латинского языка:

- «Im gesunden Körper – gusender Geist» – «В здоровом теле – здоровый дух»;
- «Das ist bald gesagt, aber schwer getan» – «Легко сказать, но трудно сделать» [5, с. 78].

В ходе анализа практического материала нашего исследования были выявлены следующие группы пословиц и поговорок: 1) смысловая группа «быт людей»; 2) смысловая группа «характер человека»; 3) смысловая группа «политика».

Большая часть пословиц и поговорок является отражением народной мудрости, а источником устойчивых выражений становится быт, исторические реалии, традиции и обычаи народа. По этой причине тема быта раскрывается в пословицах и поговорках довольно часто. Исследуя картину мира народа Германии, в качестве ключевого понятия следует выделить «порядок» («die Ordnung»). Стремление к порядку пронизывает все сферы жизни немцев, отсюда и стереотипы об их поведении в быту: дисциплинированность, организованность, трудолюбие, склонность к перфекционизму. Приверженность немцев к порядку можно продемонстрировать одной лаконичной пословицей – «Ordnung muss sein» («Во всем должен быть порядок» или «Порядок превыше всего»). Эта мысль в разных формулировках проходит красной нитью через картину мира жителей Германии и присутствует во множестве других крылатых фраз, например:

- *«Heilige Ordnung, segensreiche Himmelstochter» – «Святой порядок – благословенный сын небес»* [9, p. 309].

Бережливость и экономия также играют значительную роль в мировосприятии и организации быта немцев, но не следует отождествлять это со скупостью, так как для немцев речь идёт скорее о рациональном использовании финансов или любых других ресурсов, которыми обладает человек [2, с. 109], например:

- *«Sparen ist verdienen» – «Экономить, значит зарабатывать».*

Ещё одним проявлением немецкого «Ordnung» называют трудолюбие и стремление к добросовестному выполнению любой работы, например:

- *«Du bist schwer in Ordnung» – Ты и есть тот самый парень, который добросовестно выполняет свою работу* [9, p. 308].

В британской картине мира одна из пословиц гласит: *«Keep a thing seven years and you will find a use for it»*. В контексте культуры Великобритании эту мысль можно применить не только к материальным благам, но и к традициям, бытовым привычкам и обычаям англичан. При этом экономия финансов и других ресурсов тоже занимает важное место, ценится предприимчивость и умение работать, например:

- *«Money begets money» – «Деньги порождают деньги»* [8, p. 125].

Нельзя не упомянуть и внимание британцев к погоде. Есть все основания полагать, что такой интерес к погодным явлениям вызван климатическими условиями Великобритании. Некоторые пословицы передают народную мудрость и совет через образ погоды посредством метафоры и иносказания, например:

- *«The morning sun never lasts a day» – «Утреннее солнце никогда не светит весь день»* [7, p. 109].

Другие пословицы выполняют функцию примета, например:

- 1) *«Clear moon, frost soon» – «Ясная луна – к морозу»;*
- 2) *«A year of snow, a year of plenty» – «Год снега, год изобилия»* [11, p. 56].

Пословицы и поговорки часто содержат совет о том, как следует вести себя в обществе, поощряют одни качества характера и

осуждают другие. В устойчивых выражениях о поведении и характере человека в полной мере отражается национальный характер народа, картина мира, система ценностей. Анализируя немецкую культуру через призму пословиц, можно сделать вывод, что для немцев крайне важна пунктуальность, они ценят своё и чужое время и не любят тратить его впустую, например:

- «*Frische Fische, gute Fische*» – «*Свежая рыба – хорошая рыба*» [9, p. 989].

Для немцев много значат понятия честности и чести, отсюда и любовь к прямолинейности, исполнительности, внимание к собственным словам и обещаниям. Интересно, что выражение «*Deutsch mit j-m sprechen*» – «*говорить с кем-то по-немецки*» означает *говорить честно, напрямик*. Таким образом, для немцев уже сам их язык ассоциируется с прямолинейностью и ясностью.

Для культуры Германии справедливо высказывание «*Мой дом – моя крепость*», немцы очень осторожно относятся к своему дому и редко приглашают туда гостей, поэтому нельзя сказать, что они являются гостеприимным народом, например:

- «*Der Gast ist wie der Fisch, er bleibt nicht lange frisch*» – «*Гость, как рыба, недолго остаётся свежим*» [10, p. 208].

В английских пословицах и поговорках внимание сосредотачивается, главным образом, на такой черте характера, как самообладание и хладнокровность. Англичане привыкли держать себя в руках в любой ситуации, так как самоконтроль является одним из обязательных качеств достойного человека, например:

- «*Anger and haste hinder good counsel*» – «*Гнев и спешка затемняют рассудок*» [4, с. 174].

Возможно, стереотип о скрытности британцев и их привычке недоговаривать возник именно по причине их сдержанности. Зачастую британец держит своё мнение при себе и чересчур открытому выражению собственных мыслей предпочитает молчание.

Следует отметить, что в британской культуре огромное значение имеют такие качества как вежливость и учтивость. Вежливость тесно переплетается с заботой о собственном имидже, например:

- «*A good name is sooner lost than won*» – «*Хорошую репутацию легче утратить, чем приобрести*» [7, р. 92].

При всей совокупности «контролирующих» черт британской культуры, требующей от человека сдержанности, самообладания и внимательности, важной чертой характера является чувство юмора. Специфика английского юмора заключается в его завуалированности и тонкости, также здесь ценится умение посмеяться, прежде всего, над собой, например,

- «*He is not laughed at that laughs at himself first*» – «*Не смеются над тем, кто первый над собой смеётся*» [8, р. 309].

Анализ немецкой и британской лингвокультур позволяет сделать вывод, что наиболее важными чертами характера для немцев являются честность, уважение к другим людям и пунктуальность; для британцев огромным значением обладают такие качества характера как самообладание, вежливость и чувство юмора.

К политической составляющей картины мира можно отнести оценку и отношение к другим культурам и иностранцам, отношение к собственной стране и традициям. Эта сфера играет важную роль в мировосприятии, во многом она влияет как на отдельного человека, так и на национальный характер и развитие государства в целом. Патриотизм, характерный для немецкой нации, демонстрируется и через устойчивые выражения, в них подчёркивается трепетное отношение немцев к своей Родине, например:

- «*Daheim ist der Himmel blauer und die Bäume grüner*» – «*Дома и небо более синее, и деревья зеленее*» [9, р. 764].

Британский консерватизм является одной из самых ярких черт картины мира жителей Объединённого королевства, и английская монархия является примером такой традиции. С течением времени титул монарха стал больше церемониальным, нежели управленческим, однако для английского народа королевская семья выступает как некий гарант политической и социальной стабильности, фундамент государства. Уважение к институту монархии отражается в устойчивых выражениях, например:

- «*The King's word is more than another man's oath*» – «*Слово короля больше, чем клятва простого человека*» [7, с. 65].

При этом пословицы отражают и двойственность отношения к монархии, характеризуя её не самым лучшим образом, например:

- *«King loves the treason but hates the traitor»* – *«Король любит предательство, но ненавидит предателей»* [8, p. 503].

Тем не менее, королевская власть – неотъемлемая часть сознания британцев, она является одним из символов страны, к которой жители крайне привязаны. И в этом отношении народная мысль уже не допускает двойственности, как в случае с монархией, например:

- *«To live is to serve the Motherland»* – *«Жить – значит родине служить»* [8, p. 609].

Результаты

Таким образом, в пословицах и поговорках немецкой и британской лингвокультур был обнаружен ряд сходных черт. В частности, в рассматриваемых культурах большинство пословиц и поговорок является продуктом народного творчества, их происхождение связано с фиксированием картины мира, ценностей, оценок действительности народа, крылатые выражения заимствуются из Библии как из универсального источника нравственности и морали.

Проанализировав немецкую и английскую картины мира, отражающиеся в пословицах и поговорках, были сформулированы определенные сходства и различия двух культур: порядок и организованность важны как британцев, так и для немцев; в лингвокультуре британцев любовь к порядку приняла форму бытового консерватизма, стремления к сохранению традиций, обычаев, привычного уклада; в немецкой лингвокультуре порядок предполагает четкое выполнение обязанностей, граничит с понятием дисциплины; трудолюбие и экономность занимают ключевое место в сфере быта как в немецкой, так и в английской лингвокультурах.

В немецкой и британской лингвокультурах прослеживается некоторая общность ценностей и ключевых понятий. Например, универсальными для двух культур можно назвать понятия патриотизма, трудолюбия, бережливости. Как для англичан, так и для немцев справедливо утверждение «Мой дом – моя крепость», считается,

что дом – личное пространство, куда можно приглашать только родных или близких друзей.

Что касается различий, то к ключевым относится ориентация коммуникации, её первоочередная задача: в немецкой лингвокультуре коммуникация играет роль инструмента для достижения практического результата, отсюда и немецкая прямолинейность, любовь к порядку, пунктуальность. Всё это призвано сэкономить время, усилия и другие ресурсы для достижения максимальной лаконичности в общении. В свою очередь, для британской лингвокультуры ориентиром в общении служит отношение к ним окружающих, имидж, вследствие чего на первый план выходят такие качества как самообладание, вежливость и учтивость. В этом случае результатом успешной коммуникации будет считаться создание благоприятного образа. Этим объясняется некоторая немногословность британцев и традиция «small talk», призванная сделать приятным разговор, не затрагивая спорных тем.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Мифы древних славян. Москва: РИПОЛ Классик, 2014. 290 с.
2. Архипкина Г.Д., Коляда Н.А. Страноведение. Германия: обычаи, традиции, праздники, этикет. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 279 с.
3. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. 366 с.
4. Моисеева И.Ю. Прагматические функции пословиц и поговорок // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. №11(36). С. 170-172.
5. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 199 с.
6. Юдина И.Ю. Пословичная картина мира в английском языке // Lingua mobilis. 2010. № 4(23). С. 95-100.
7. Easy German Phrase Book: Over 1500 Common Phrases For Everyday Use And Travel. Lingo Mastery, 2020, 186 p.
8. Mylonas K. Phrasal verbs & idioms you need to know. Cambridge: IDP education Ltd, 2017, 961 p.

9. Schemann H. German/English Dictionary of Idioms. Routledge, 2020, 1292 p.
10. Strutz H. 2001 German and English idioms = 2001 deutsche und englische Redewendungen. Hauppauge, N.Y. : Barrons Educational Series, 2010, 544 p.
11. Terban M. Scholastic Dictionary of Idioms. New York: Scholastic, 1996, 264 p.

References

1. Afanasyev A.N. *Mifi drevnih slavian* [Myths of the ancient Slavs], Moscow: RIPOL Classic Publ., 2014, 290 p.
2. Arkhipkina G.D., Kolyada N.A. Stranovedenie. *Germania: obitaii, traditsii, prazdniki, etoket* [Country studies. Germany: customs, traditions, holidays, etiquette]. Rostov-on-Don: Phoenix Publ., 2004, 279 p.
3. Leontovich O.A. *Vvedenie v meskulturnuiu komunikatsiie* [Introduction to intercultural communication]. Moscow: Gnosis Publ., 2007, 366 p.
4. Moiseeva I.Y. Pragmatiteskie funktsii poslovits i pogovorok [Pragmatic functions of proverbs and sayings]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2004, no. 11(36), pp. 170-172.
5. Chernysheva I.I. *Frazeologia sovremenngo nemetskogo iazika* [Phraseology of the modern German language]. Moscow: Vysshaja shkola, 1970, 199 p.
6. Yudina I.Yu. Poslovitnaia kartina mira v anglijskom jazike [Proverbial picture of the world in English]. *Lingua mobilis*, 2010, no. 4(23), pp. 95-100.
7. Easy German Phrase Book: Over 1500 Common Phrases For Everyday Use And Travel. Lingo Mastery, 2020, 186 p.
8. Mylonas K. Phrasal verbs & idioms you need to know. Cambridge: IDP education Ltd, 2017, 961 p.
9. Schemann H. German/English Dictionary of Idioms. Routledge, 2020, 1292 p.
10. Strutz H. 2001 German and English idioms = 2001 deutsche und englische Redewendungen. Hauppauge, N.Y. : Barrons Educational Series, 2010, 544 p.

11. Terban M. Scholastic Dictionary of Idioms. New York: Scholastic, 1996, 264 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Волошина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка, ИМКиМО

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет»

*ул. Победы, 85, 308000, г. Белгород, Российская Федерация
tatianavoloshina@rambler.ru*

Блажевич Юлия Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков факультета социально-гуманитарных технологий

Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый Казачий университет)

*ул. Земляной Вал, 73, 109004, г. Москва, Российская Федерация
sapo.sapin@yandex.ru*

Нерубенко Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка, ИМКиМО

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет»

*ул. Победы, 85, 308000, г. Белгород, Российская Федерация
nerubenko@bsu.edu.ru*

Герасина Анастасия Сергеевна, студент направления подготовки «Зарубежное регионоведение» ИМКиМО

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет»

*ул. Победы, 85, 308000, г. Белгород, Российская Федерация
gerasina@bsu.edu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana G. Voloshina, Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Second Foreign Language,
IMKiMO

National Research University “Belgorod State University”

85, Pobeda Str., 308000, Belgorod, Russian Federation

tatianavoloshina@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6839-9631>

Yulia S. Blazhevich, Doctor of Philology, Professor of the Department
of Foreign Languages, Faculty of Social and Humanitarian Dis-
ciplines

*K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and
Management (First Cossack University)*

73, Zemlyanoy Val Str., 109004, Moscow, Russian Federation

sapo.sapin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1382-6445>

Natalia V. Nerubenko, Senior lecturer of the Department of Second
foreign language, IMKiMO,

National Research University “Belgorod State University”

85, Pobeda Str., 308000, Belgorod, Russian Federation

nerubenko@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9383-6805>

Anastasia S. Gerasina, Student of the “European Studies”, IM-
KiMO

National Research University “Belgorod State University”

85, Pobeda Str., 308000, Belgorod, Russian Federation

gerasina@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8079-6381>

Поступила 19.06.2022
После рецензирования 29.06.2022
Принята 03.07.2022

Received 19.06.2022
Revised 29.06.2022
Accepted 03.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-172-182

УДК 81.23

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖА И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЕЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Т.В. Санух, А.В. Черникова

Статья посвящена изучению способов передачи особенностей речевой характеристики персонажа на русский язык. Авторы рассматривают речевую характеристику как подбор слов, выражений и оборотов речи, выступающих средством художественного изображения действующих лиц. В статье рассмотрены функции, которые выполняют речевые особенности персонажа в произведении. Авторы делают анализ способов передачи речевых особенностей героев произведения Д. Митчелла «Black Swan Green» на русский язык, сравнивая два существующих перевода Т. Боровиковой и А. Поляринова.

Цель. Выявить способы передачи речевых особенностей персонажей на примере переводов произведения Д. Митчелла «Black Swan Green», выполненных Т. Боровиковой и А. Поляриновым.

Материалы и методы. Материалом исследования является роман Дэвида Митчелла «Black Swan Green», а также его переводы на русский язык, выполненные Татьяной Боровиковой и Алексеем Поляриновым. Методами исследования послужили сравнительно-сопоставительный анализ, лингвистическое наблюдение, а также метод сплошной выборки.

Результаты. На основе анализа фрагментов из произведения было выявлено, что при передаче речевых особенностей персонажей переводчики применяли лексико-грамматические трансформации (функциональные замены, опущения, дословный перевод, повторение и удвоение согласного звука, конкретизации и добавления), стараясь сохранить как план выражения, так и план содержания.

Ключевые слова: перевод; речевая характеристика; особенности речи; способы передачи

SPEECH CHARACTERISTICS AND METHODS OF ITS TRANSLATION

T.V. Sapukh, A.V. Chernikova

Background. *The article is devoted to the study of ways to transfer the features of the character's speech characteristics into Russian. The authors consider speech characterization as a selection of words, expressions and turns of speech, acting as a means of artistic representation of actors. The functions that perform the speech features of the character are discussed in the work. The authors analyze the ways of translating the speech characteristics of the characters of D. Mitchell's work Black Swan Green into Russian, comparing two existing translations by T. Borovikova and A. Polyarinov.*

Purpose. *To identify ways of translating the speech characteristics of the characters by the example of translations of the work of D. Mitchell Black Swan Green, performed by T. Borovikova and A. Polyarinov.*

Materials and methods. *The material of the research is David Mitchell's novel Black Swan Green, as well as its translations into Russian, made by Tatiana Borovikova and Alexey Polyarinov. The research methods were the comparative analysis, linguistic observation, as well as the continuous sampling method.*

Results. *Based on the analysis of fragments from the work, it was revealed that when translating the speech characteristics of the characters, the translators used lexical and grammatical transformations (functional replacements, omissions, literal translation, repetition and doubling of the consonant sound, concretization and addition), trying to preserve both the plan of expression and the plan of content.*

Keywords: *translation; speech characteristic; features of speech; translation methods*

Введение

Цель. Рассмотреть понятие «речевая характеристика», выявить её особенности, а также на примере переводов произведения «Black Swan Green» сравнить способы передачи речевых особенностей героев произведения.

Актуальность

Речевая характеристика как составляющая общей характеристики персонажа включает в себя манеру говорить, излюбленные интонации и словечки, обороты речи, словарный запас, т.е. складывается непосредственно из речи героя и из описания ее особенностей автором [10].

Образ литературного персонажа складывается из многих аспектов, таких как характер и темперамент человека, внешность, образование, увлечения и склонности, окружение, статус, самооценка, отношение к окружающим. Всё это вносит свой вклад в психологический и социальный портрет персонажа, который раскрывается читателю не только через действия и поведение человека, но и через его манеру речи.

В лингвистических и литературоведческих исследованиях эта проблема давно была выделена как самостоятельная, к ней обращались такие известные ученые, как Б.А. Ларин, А.И. Ефимов, Г.О. Винокур. Большое значение анализу речевой характеристики героя придавал В.В. Виноградов: «Образ – это единство, которое связывает все реплики персонажа» [4, с. 57]

О.С. Ахманова под речевой характеристикой персонажа художественно произведения понимает подбор слов, выражений и оборотов речи, выступающих средством художественного изображения действующих лиц [1, с. 385].

Авторы художественных произведений наделяют персонажей речевыми характеристиками для того, чтобы указать на возраст и пол героя, образование, социальный статус и психологическое состояние, мировоззрение.

Исследователи выделяют следующие функции речевой характеристики персонажа художественного произведения. Первая функ-

ция – характеризующая. Она помогает показать уникальные черты, статус и происхождение персонажа.

Следующая функция является отличительной. Она показывает, чем персонаж отличается от других персонажей, подчеркивает контраст между ними, выделяет его среди остальных.

Характеристика речи также может выполнять сравнительную функцию. Она позволяет сравнивать реакции и поведение персонажей в одной и той же ситуации в рамках одного эпизода.

Последняя, но не менее важная функция, – психологическая. Она отражает внутренний мир, психологический тип героя произведения.

Для того чтобы читатель смог увидеть речевые особенности героев, автор передает характеристику речи может двумя способами – косвенно, то есть посредством авторского описания того, как говорят персонажи, и непосредственно, через особенности самой речи. Для большего эффекта автор добавляет к репликам и невербальные проявления, такие как выражение лица, жесты и движения, сопровождающие речь, а также интонацию и темп речи, которые являются значимыми компонентами. Максим Горький писал: «Не всегда важно, что говорят, но всегда важно, как говорят» [6, с. 87]. Именно то, «как» звучит речь героя, и создает его речевую характеристику.

Сложность передачи речевых особенностей для переводчика состоит в создании индивидуального стиля речи средствами другого языка. При переводе необходимо учитывать оба аспекта: невозможность нейтрализовать такие особенности, не повредив образу персонажа, а также риск переусердствовать, сделав образ гротескным. Помимо того, что идиолект персонажа является средством создания определенного образа, он иногда помогает читателю воспринять идеи, которые явно не выражены, а только подразумеваются автором [7]. Ещё не выявлены определенные стандарты при передаче особенностей речи на другой язык. Однако это подразумевает внесение изменений оригинала, поскольку любой идиолект – это уникальное использование человеком определенного языка. В подобном случае, мы можем говорить о создании функционально аналогичного идиолекта на другом языке.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования является роман Дэвида Митчелла «Black Swan Green», а также его переводы на русский язык, выполненные Татьяной Боровиковой и Алексеем Поляриновым. Методами послужили сравнительно-сопоставительный анализ, лингвистическое наблюдение, а также метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждение

В романе Д. Митчелла «Black Swan Green» главный герой имеет проблемы с речью, которые выражаются запинанием. Во время разговора у него возникают трудности с произношением перед определенными буквами или сочетаниями букв, а также воздействуют внешние факторы, стресс, давление со стороны учителей, одноклассников и семьи. Сравнивая оригинал с двумя официальными переводами, можно найти сходства и различия в передаче особенностей речи.

Рассмотрим некоторые фрагменты из романа для сравнения способов передачи речевых характеристик героев. В начале книги происходит диалог между главным героем – Джейсоном и его мамой:

- Um...just going out for a bit, Mum.

- Um...where?

А. Поляринов перевел это следующим образом:

- Эм...мам, я пойду погуляю чуть-чуть?

- Куда?

Таким образом переводчик в данном фрагменте опустил слово-паразит у мамы, оставив его только у Джейсона, применив к нему транскрипцию.

Этот же отрывок Т. Боровикова передала слегка иначе:

- Э...мам, выйду ненадолго.

- Э...куда?

Здесь мы видим, что переводчица оставляет в начале фразы звук у обоих героев, сохраняя при этом форму оригинала. При этом переводчица изменяет звучание.

Помимо главного героя в романе присутствуют еще персонажи со своими особенностями речи. Ирония состоит в том, что одним из таких представителей является логопед Джейсона. У нее забавный акцент:

«Her «yes» is a «yis» and her «get» is a «git».

В переводе Алексея Поляринова это звучит как:

«Её «да» звучит как «дя», а ее «взять» как «взять».

А перевод Татьяны Боровиковой выглядит иначе:

«Вместо «да» она говорит «до».

Помимо опущения второй части переводчица применила иное звучание слова, однако в первом случае удалось сохранить мягкость и произношение слов, поэтому его мы находим более удачным.

Однако встречаются случаи, когда переводчики похоже передают речевые особенности героя. Рассмотрим это на примере:

«Stammerers can't win arguments 'cause once you stammer, H-h-hey p-p-presto, you've l-l-lost, S-s-st-stutterboy!».

Поляринов перевел данный отрывок следующим образом:

«Заика не способен выиграть спор – потому что стоит тебе один раз заикнуться и – п-п-п-пиши п-п-п-ропало, т-т-ты п-п-проиграл, з-з-заика!»

Боровикова же так:

«Кто запинается, тому никогда не выиграть спор, потому что стоит только раз запнуться, и в-в-сё, з-з-з-з-заика, т-т-т-ты п-п-п-проиграл!».

В данном случае оба переводчика передали запинания героя повторением начальных согласных звуков с использованием дефиса, как это и написано в оригинале. Таким образом, удалось сохранить как план выражения, так и план содержания.

Заключение

Было определено, что речевая характеристика – это не что иное, как особенность героя, выраженная в речи и обладающая особыми функциями, которые позволяют создать персонажа понятным читателю. Огромное количество классификаций речевых особенно-

стей показывают важность и значимость их использования в речи. Речевая характеристика в произведении является важным элементом в создании образа персонажа, и перевод такого произведения необходимо создать, сохраняя и отражая тот смысл, который внёс автор оригинала.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Борисова Г.В. Речевая характеристика персонажа как средство создания образа (на материале романа Р. Пилчер «Сентябрь») // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы III международной научно-практической конференции. Самара: СГПУ, 2008. С. 44-47.
3. Борисова Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 43 с.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Института общ. средн. образования РАО, 2001. 224 с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
6. Горький М. В.И. Ленин (Первая редакция). М.: Изд-во политической литературы, 1972. 64 с.
7. Кораблева Н.Ю. Соблюдение особенностей идиолекта литературных персонажей в переводе: фонетический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4(772). С. 220-224.
8. Митчелл Д. Лужок Черного Лебедя / Пер. с англ. Алексея Поляринова. URL: <https://polyarinov.livejournal.com/18988.html>
9. Митчелл Д. Лужок Черного Лебедя / Пер. с англ. Татьяны П. Боровиковой. М.: Эксмо, 2014. 480 с.
10. Овечкина Е.А., Васильева С.С. Речевая характеристика персонажа как средство создания художественного образа // Вестник Волго-

- градского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2019. № 1. С. 18-22.
11. Русова Н.Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегии до ямба. М.: Флинта, Наука. 2004. 304 с.
 12. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: учебник для вузов. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 444 с.
 13. Теплов Л.И., Грищенко В.Д. Речевая характеристика персонажа литературного произведения и ее отражение в автопереводе // Язык. Культура. Коммуникация. 2019. № 22. С. 83-89.
 14. Фоменко Т.А. Социальная вариативность языковых средств при переводе художественных произведений (на материале романа Д. Митчелла «Луг Черного Лебедя») // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. С. 128-135.
 15. Mitchell D. *Black Swan Green*. London: Sceptre, 2014, 371 p.
 16. Rodionova M. Yu. Characterization through speech in fiction and literary translation // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11. № 5. С. 823-832.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. enciklopediya, 1966, 607 p.
2. Borisova G.V. Rechevaya harakteristika personazha kak sredstvo sozdaniya obraza (na materiale romana R. Pilcher «Sentyabr'») [Speech characteristics of a character as a means of creating an image (based on the novel *September* by R. Pilcher)]. *Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Higher Humanitarian Education of the 21st Century: Problems and Prospects: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference]. Samara: SGPU, 2008, pp. 44-47.
3. Borisova E.B. *Hudozhestvennyj obraz v anglijskoj literature XX veka: tipologiya lingvopoetika perevod* [Artistic image in English literature of the 20th century: typology – linguopoetics – translation]. Abstract of PhD dissertation. Samara, 43 p.

4. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to translation studies (general and lexical questions)]. Moscow: Izd-vo Instituta obshch. sredn. obrazovaniya RAO, 2001, 224 p.
5. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1980, 343 p.
6. Gor'kiy M. *VI. Lenin (Pervaya redaktsiya)* [V.I. Lenin (First edition)]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1972, 64 p.
7. Korableva N.Yu. Soblyudenie osobennostej idiolekta literaturnyh personazhej v perevode: foneticheskij aspekt [Compliance with idiolect features of literary characters in translation: phonetic aspect]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 2017, no. 4, pp. 220-224.
8. Mitchell D. *Luzhok Chernogo Lebedya* [Black Swan Green]. URL: <https://polyarinov.livejournal.com/18988.html>
9. Mitchell D. *Luzhok Chernogo Lebedya* [Black Swan Green]. Moscow: Eksmo Publ., 2014, 474 p.
10. Ovechkina E.A., Vasil'eva S.S. Rechevaya harakteristika personazha kak sredstvo sozdaniya hudozhestvennogo obraza [Speech characteristics of a character as a means of creating an artistic image]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 8: Literary studies. Journalism], 2019, no 1, pp. 18-22.
11. Rusova N.Yu. *Terminologicheskij slovar'-tezaurus politeraturovedeniya. Ot allegorii do yamba* [Terminological dictionary-thesaurus on literary studies. From allegory to iamb], Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2004, 304 p.
12. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. *Teoriya perevoda: uchebnik dlya vuzov* [Translation theory: textbook for universities]. Moscow: AST: Vostok-Zapad Publ., 2007, 444 p.
13. Teplova L.I., Grishchenko V.D. Rechevaya harakteristika personazha literaturnogo proizvedeniya I ee otrazhenie v avtoperevode [Speech characteristics of the character of a literary work and its reflection in

- self-translation]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya* [Language. Culture. Communication], 2019, no. 22, pp. 83-89.
14. Fomenko T.A. Social'naya variativnost' yazykovykh sredstv pri perevode hudozhestvennykh proizvedenij (na materiale romana D. Mitchella «Lug Chernogo Lebedya») [Social variability of linguistic means in the literary (on the material of the novel "Black Swan Green" by D. Mitchell)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN University Bulletin. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2016, pp. 128-135.
15. Mitchell D. *Black Swan Green*. London: Sceptre, 2014, 371 p.
16. Rodionova M.Yu. Characterization through speech in fiction and literary translation. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities], 2018, vol. 11, no. 5, pp. 823-832.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Сапух Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
Оренбургский государственный университет
проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
tatsap@mail.ru

Черникова Анастасия Владимировна, студент
Оренбургский государственный университет
проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
chernikova_a00@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Sapukh, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology and Methods of Teaching English

Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
tatsap@mail.ru
SPIN-code: 3631-6059
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-2312>
ResearcherID: X-2838-2019

Anastasia V, Chernikova, student

Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
chernikova_a00@mail.ru
SPIN-code: 8033-2056
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6395-4958>
ResearcherID: AHD-7960-2022

Поступила 10.05.2022

После рецензирования 20.06.2022

Принята 01.07.2022

Received 10.05.2022

Revised 20.06.2022

Accepted 01.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-183-196

УДК 81'23

**АМБИВАЛЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР
ОЦЕНИВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПЕРИОДА COVID-19 В ДИНАМИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ОПРОСА СТУДЕНТОВ)**

А.В. Тактарова, М.Н. Черкасова

Амбивалентный характер образовательного процесса в высшей школе рельефно проявился в период пандемии COVID–19. Такая организация обучения ведет к выстраиванию новой когнитивной образовательной модели, в чем и проявляется актуальность данного исследования.

***Цель работы** – выявить речевое амбивалентное поведение и отношение студентов к новому формату обучения по двум временным периодам в динамике: 2020-2021 и 2021-2022 гг. Научная новизна исследования заключается в установлении амбивалентного оценивания образовательного процесса студентами через призму феномена COVID–19, доказанного экспериментально в ходе опроса.*

***Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили письменно зафиксированные ответы студентов в ходе прагмалингвистического опроса в вузе. Были использованы методы анкетирования, лексико-семантический метод, прагмалингвистический эксперимент, а также количественный и интерпретативный методы.*

***Результаты.** Прагмалингвистический анализ опросных листов показал, что вектор оценивания трех референтных групп первого периода опроса поменялся по сравнению со вторым периодом. У всех 167 респондентов были выявлены амбивалентные реакции: первая группа демонстрирует позитивно-негативную амбивалентность, вторая – негативно-позитивную. Таким образом, зафиксировано неоднозначное, полярное отношение студентов к рассматриваемой образовательной реалии с точки зрения амбивалентного подхода к исследованию.*

Ключевые слова: амбивалентность; амбивалентное отношение и оценивание; COVID–19; университет

**DYNAMICS OF AMBIVALENT ASSESSMENT
OF THE HIGHER EDUCATIONAL PROCESS
DURING COVID–19 (THE CASE OF THE STUDENT
PRAGMALINGUISTIC SURVEY)**

A.V. Taktarova, M.N. Cherkasova

The ambivalent nature of the higher educational process was clearly manifested during the COVID–19 pandemic. Such an organization of teaching process generates new cognitive learning model, thus being the relevance of this study.

Purpose. *It is aimed at identification of students' verbal ambivalent behavior and function to the new learning format over two time periods in dynamics: 2020-2021 and 2021-2022. The scientific novelty of the study is to establish students' ambivalent assessment of the educational process in terms of COVID–19. This assessment was proved experimentally during the survey.*

Materials and methods. *Materials of research are written recorded responses received from students during pragmalinguistic survey at the university. The following research methods were used: survey, lexico-semantic, pragmalinguistic experiment, as well as quantitative and interpretive methods.*

Results. *The pragmalinguistic survey gives a detailed analysis of appraisal vector over the two reference groups: the survey of the first period has changed significantly compared to the second period. All 167 respondents showed ambivalent reactions, the first group demonstrates positive-negative ambivalence, while the second group shows negative-positive ambivalence. Thus, the ambiguous, diametrically-opposed attitude of students to the educational reality from the ambivalence research approach was established.*

Keywords: *ambivalence; ambivalent function and assessment; COVID–19; higher school*

Введение

Образовательный процесс в высшей школе эпохи COVID-19 (март 2020 г. и по настоящее время: апрель, 2022 г.) стал предметом обсуждения в глобальном масштабе [11; 12; 13], а сама неопределенность образовательной траектории актуализирует амбивалентное отношение к образовательному процессу, проявляющемуся в двойственной оценке как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов [5]. При этом в самой траектории обучения также сталкиваются противоположные явления образовательного процесса: синхронное (интерактивные онлайн-занятия на различных Интернет-платформах, включая собственные платформы университетов или университетские системы онлайн-обучения) и асинхронное обучение (выдача и проверка заданий в системе асинхронного обучения в образовательном портале университета). Студент и преподаватель находятся дома, но в то же время они в электронной образовательной среде университета, в системе онлайн-обучения на различных Интернет-платформах. В рамках новой образовательной модели происходит и выдвигание такой доминантной педагогической компетенции, как электронная педагогическая компетенция [8] или «электронная» педагогическая культура [2], когда решающей становится не профессиональная компетенция педагога, а его умение работать в электронной образовательной среде университета и с инструментами различных Интернет-платформ.

Становление такой когнитивной модели поведения сопровождается различными оценками глазами самих учащихся с одновременной актуализацией полярности мнений, например, как положительных, так и отрицательных качеств онлайн-обучения исследуемых периодов (мы выделили Этап 1 и Этап 2).

В формате данной работы поставлен исследовательский вопрос: в чем проявляется амбивалентный характер отношения к образовательному процессу эпохи COVID-19?

Объектом исследования является амбивалентное речевое поведение русскоязычных студентов технического вуза, характеризующих образовательный процесс двух предложенных периодов (Этап

1 и Этап 2) двойственно. В ходе исследования диагностировались различия речевого поведения групп студентов, принявших участие в 2-х анонимных опросах. *Предмет исследования* – выбор респондентами определенных речевых сигналов грамматических и текстуральных категорий. *Материалом исследования* послужили ответы русскоязычных студентов, данные в ходе письменного-электронного заполнения анкет.

Цель работы – зафиксировать и проанализировать амбивалентное отношение группы респондентов в ходе прагмалингвистического опроса.

Задачи исследования:

- 1) выявить двойственность мнений респондентов;
- 2) определить доминирующий план оценивания на 1 и 2 этапах исследуемого процесса в ходе прагмалингвистического эксперимента;
- 3) установить сдвиг в речевом поведении двух референтных групп в динамике с точки зрения анализируемых временных сегментов.

Новизна исследования заключается в рассмотрении образовательного процесса эпохи коронавируса в динамике в формате лингвопрагматической оценки с точки зрения амбивалентного подхода.

Гипотеза исследования. Если опыт образовательной деятельности студентов может отражать полярность их мнения (например от отрицательного к положительному), которое строится на эмпирических данных пережитых событий, то амбивалентный характер образовательного процесса в эпоху COVID–19 должен проявляться не только в одновременной реализации разных образовательных моделей (традиционной и дистанционной), но и может быть триггером для формирования амбивалентного отношения всех участников процесса и вести их к формированию амбивалентного отношения, которое следует установить в результате анализа и обработки полученных процентных данных материала исследования.

Материалы и методы исследования

В основе работы лежит концепция диахронного анализа языка Ф. де Соссюра: анализ практического материала исследования с позиции диахронного изучения, при котором в динамике рассматриваются ответы одних и тех же респондентов по двум разным временным периодам. При проведении исследования были использованы методы анкетирования, лексико-семантический метод (для трактовки реакций респондентов), прагмалингвистический эксперимент, а также количественный и интерпретативный методы.

Теоретическая база исследования

В качестве опорной теоретической базы исследования была использована категория «амбивалентности». Термин впервые был предложен швейцарским клиницистом Э. Блейлером как двойственность отношения к внешним факторам или «сложное противоречивое состояние личности, двойственность ее переживаний, обычно принимающие характер внутреннего конфликта» [3: 12]. Сущность такого проявления в том, что один и тот же предмет или предметы, явление, образ вызывают одновременно противоположные чувства: удовлетворение – неудовлетворение, согласие-несогласие, солидарность – антагонизм, «симпатию – антипатию, эталитаризм – иерархизм» [7: 232].

Явление «амбивалентности» характеризуется двойственным, противоречивым, биполярным отношением [Там же], которое с точки зрения прагматики могут отражаться в позитивно-одобрительном, или негативно-неодобрительном оценивании одновременно (также может присутствовать нейтрально-безразличный план, как фактуальный) с учетом анализа экспрессивных маркеров: позитивный/негативный, приятный/неприятный, любимый/нелюбимый как эмоционального отношения к объекту действительности.

В свете педагогического направления амбивалентность трактуется как неотъемлемая часть человеческой сущности и механизм интегрирования и гармонизации взаимоисключающих составляющих [1; 10]. Авторы подчеркивают важность реализации такого подхода в

педагогической среде, начиная от постановки целей, контента, управления, регулирования, организации. Обозначенный подход справедлив и по отношению к образовательному процессу в университете, в рамках которого был подготовлен представленный прагмалингвистический опрос и его прагмалингвистический анализ.

Эмпирический материал и методология исследования

На основе прагмалингвистического опроса (167 студентов 1 и 3 курсов), проведенного в Ростовском государственном университете путей сообщения в 2022 г., было выявлено и проанализировано речевое поведение студентов по критерию оценивания ими двух этапов образовательного процесса периода «коронавирусной эпохи» (март 2020 г.) по настоящее время (апрель 2022 г.). Условно этот период был нами разбит на временные этапы «Этап 1» и «Этап 2» (см Табл. 1):

Табл. 1.

Этапы образовательного процесса исследуемых временных периодов

Этап 1 (2020-2021 г.)	Этап 2 (2021-2022 г.)
экстремальный прыжок в онлайн-обучение, включая полный локдаун – март 2020 – июнь 2020	возврат к традиционному формату обучения – февраль 2021 – июль 2021; продолжение традиционного формата – сентябрь 2021 – конец октября 2021)
кратковременное возвращение к традиционному обучению – сентябрь 2020 – начало октября 2020)	возвращение к онлайн-обучению в связи с ухудшением эпидемиологической обстановки – конец октября – 6.12.2021
постэкстремальный период онлайн-обучения – начало октября 2020 – январь 2021)	возврат к традиционному формату обучения – январь 2022 по настоящее время (апрель 2022)

Результаты и обсуждение

Для получения обобщенных статистических результатов эксперимента в динамике была введена коммуникативная стратегия «Оценивание респондентом образовательного процесса» (см. Табл. 2), по аналогии с конативно-ориентированной стратегией «Оценивание автором речевого события», широко распространенной в работах по прагмалингвистике [4; 6; 9].

Табл. 2.

**Планы оценивания этапов образовательного процесса студентами
 разных курсов**

	Стратегия «Оценивание респондентом образовательного события»					
	Этап 1 (2020-2021 г.)			Этап 2 (2021-2022 г.)		
	Позитивно-одобрительный план	Нейтрально-безразличный план	Негативно-неодобрительный план	Позитивно-одобрительный план	Нейтрально-безразличный план	Негативно-неодобрительный план
Студенты 1 курса	43,1 %	20,6 %	36,3%	31,4 %	29 %	39,6 %
Студенты 3 курса	28,7 %	9,9 %	61,4 %	73 %	15,8 %	11,2 %

Для интерпретации полученных результатов эксперимента учитывались доминантные цифры по всем исследуемым планам стратегии «Оценивание...», чьи доминантные показатели планов для наглядности выделены жирным шрифтом. Данная стратегия реализуется в виде трех планов, которые характеризуют позитивно-одобрительное оценивание, негативно-неодобрительное или нейтрально-безразличное оценивание как фактуальное, которое не может указывать на релевантность ответа, а лишь показывает колебания и неоднозначность мнения респондента. На основании ответов студентов (отражающих актуализацию оценивающих отношений) при экспертном анализе были выделены речевые сигналы позитивных, нейтральных и негативных ассоциаций, представленные в Табл. 2 в процентном соотношении. В ходе анкетирования участники продемонстрировали различные поведенческие реакции: 1) категоричное «нет» выражает неодобрительное отношение; 2) категоричное «да» – одобрительное отношение; 3) реакция «затрудняюсь ответить» – безразличное отношение.

Если рассмотреть плоскость синхронии и проанализировать данные ответы с точки зрения статики, то более интересными будут ответы, которые относятся к нейтрально-безразличному оцениванию, чем ответы – в плоскости «да – нет». Если последние можно отнести к четко обозначенному, релевантному мнению студентов

об образовательном процессе, то первый вид ответов носит амбивалентный характер. Наличие и отображение нейтрально-безразличного плана в цифрах говорит о том, что есть колеблющиеся студенты, которые в силу определенных обстоятельств не смогли дать утвердительных ответов, при чем неоднозначности мнений больше было высказано по оценке Этапа 2 (29 % и 15,8 %), чем по Этапу 1 (20,6 % и 9,9 %).

Таким образом, анализ реакций в плоскости диахронии продемонстрировал изменения в речевом поведении, или амбивалентный сдвиг, при котором в течение одного года одни и те же группы студентов дают полярно разные ответы и высказывают диаметрально противоположные мнения на один и тот же образовательный феномен, свидетелями и участниками которого они стали.

Диagr. 1. Амбивалентное проявление речевого поведения студентов двух референтных групп в динамике 2021–2022 гг.

Установлено, что студенты 1 курса оценивают реальную обстановку по предложенному анкетированию Этапа 1 преимущественно позитивно (43,1 %), а вот спустя время отношение респондентов данной группы поменялось на негативное (39,6 %). Меняется отношение и в группе студентов 3 курса, которые по Этапу 1 продемонстрировали негативное отношение к образовательному процессу (61,4 %), а спустя время отозвались о нем одобрительно (73%).

Проанализированный материал позволил объединить полученные результаты согласно двум группам: референтная группа 1 и 2. Представленные ниже диаграммы наглядно отражают изменение

мнения, что может свидетельствовать об амбивалентном характере речевого поведения студентов, оценивающих оба этапа образовательного процесса исследуемого периода. Первая референтная группа демонстрирует позитивно-негативную амбивалентность, вторая – негативно-позитивную.

Заключение

Таким образом, мы можем ответить на исследовательский вопрос: однозначно ли отношение студентов к новому формату образования на основании анализа их ответов в динамике. Как показал прагмалингвистический опрос и его анализ, проведенный в техническом вузе с участием студентов двух курсов (1 и 3), вектор оценивания по прошествии времени поменялся у каждой референтной группы с учетом курса обучения. Зафиксировано неоднозначное, амбивалентное отношение студентов к исследуемой образовательной реалии.

Исследование характера образовательного процесса в высшей школе в «эпоху коронавируса» продемонстрировало также реализацию конфликта интерпретаций, действий, реакций в рамках одного и того же явления на примере разных периодов.

В перспективе представляется возможным и интересным изучение проявления амбивалентности массового сознания как феномена когнитивной модели на примере социально-психологических, прагмалингвистических и других исследований, предметом которых может стать данная категория.

Список литературы

1. Бим-Бад Б.М., Егорова Л.И. Категория амбивалентности в теории воспитания человека // Педагогика: Научно-теоретический журнал. 2008. № 7. С. 8-17.
2. Исаева Т.Е. Компетенции и «электронная» педагогическая культура преподавателя высшей школы в постпандемическом мире // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 6. С. 80-96. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96>

3. Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Питер. 2003. 415 с.
4. Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. Монография. М.: Изд-во «Флинта», 2013. 232 с.
5. Носкова А.В., Голоухова Д.В., Проскурина А.С., Нгуен Т.Х. Цифровизация образовательной среды: оценки студентами России и Вьетнама рисков дистанционного обучения // Высшее образование в России. 2021. №1. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-1-156-167>
6. Тактарова А.В. Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоязычных и немецкоязычных журналистов в синхронии и диахронии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2016. 18 с.
7. Черкасова М.Н. Амбивалентность как свойство речевой агрессии // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 18(113). С. 232-241.
8. Черкасова М.Н., Тактарова А.В. Академическое письмо как компонент имиджмейкинга при подготовке научно-педагогических кадров в аспирантуре (на примере русского и английского языков) / Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы IX Международной научно-практической конференции (26 октября 2021 г.). Ростов-н/Д. С. 196-201.
9. Чуриков М.П. Актуализация стратегии уверенного / неуверенного речевого поведения политического деятеля в интервью // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2003. № 12. С. 96-100.
10. Шерайзина Р.М. Амбивалентный подход к модернизации педагогического образования в современном университетском комплексе // ИТС. 2003. №3. С. 16-20.
11. Kirsch C., Engel de Abreu P.M., Neumann S., Wealer C. Practices and experiences of distant education during the COVID-19 pandemic: The perspectives of six- to sixteen-year-olds from three high-income countries // International Journal of Educational Research Open, Volumes 2–2, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2021.100049>

12. Mahyoob M. Challenges of e-Learning during the COVID-19 Pandemic Experienced by EFL Learners. *Arab World English Journal*, 2020, 11 (4), pp. 351-362. <https://dx.doi.org/10.24093/awej/vol11no4.23>
13. Yekefallah L., Namdar P., Panahi R., Dehghankar L. Factors related to students' satisfaction with holding e-learning during the Covid-19 pandemic based on the dimensions of e-learning. *Heliyon*, 2021, vol. 7, Issue 7. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07628>

References

1. Bim-Bad B.M., Yegorova L.I. Kategorija ambivalentnosti v teorii vospitanija cheloveka [Ambivalence category in the theory of human education]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2008, no. 7, pp. 8-17.
2. Isaeva T.E. Kompetencii i «jelektronnaja» pedagogicheskaja kul'tura prepodavatelja vysshej shkoly v postpandemicheskom mire [Higher school teacher's competences and "electronic" pedagogical culture in the post-pandemic world]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2021, vol. 30, no. 6, pp. 80-96. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96>
3. Kryś'ko V.G. *Slovar '-spravochnik po social'noj psihologii* [Dictionary-reference book of social psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003, 415 p.
4. Matveeva G.G., Lenecz A.V., Petrova E.I. *Osnovy` pragmalingvistiki* [The fundamentals of pragmalinguistics]. Monography. Moscow, «Flinta» Publ., 2013, 232 p.
5. Noskova A.V., Goloukhova D.V., Proskurina A.S., Nguyen T.H. Cifrovizaciya obrazovatel'noj sredy`: ocenki studentami Rossii i V`et-nama riskov distancionnogo obuchenija [Digitalization of the Educational Environment: Risk Assessment of Distance Education by Russian and Vietnamese Students]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2021, vol. 30, no. 1, pp. 156-167. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-1-156-167>
6. Taktarova A.V. *Pragmalingvisticheskij aspekt rechevogo povedeniya ruskoyazy`chny`x i nemeczkoyazy`chny`x zhurnalistov v sinxronii i diaxronii*. [Pragmalinguistic aspect of the speech behavior of Rus-

- sian-speaking and German-speaking journalists in synchrony and diachrony]. Abstract of PhD dissertation. Majkop, 2016, 18 p.
7. Cherkasova M.N. Ambivalentnost' kak svojstvo rechevoj agresii [Ambivalence as a property of speech aggression]. *Nauchny`e vedomosti BelGU* [Belgorod State University Scientific Bulletin]. Issue: gumanitarny`e nauki [Human Sciences], 2011, no. 18 (113), pp. 232-241.
 8. Cherkasova M.N., Taktarova A.V. Akademicheskoe pis'mo kak komponent imidzhmejkinga pri podgotovke nauchno-pedagogicheskix kadrov v aspiranture (na primere russkogo i an-glijskogo yazy`kov) [Academic writing as a component of image-making in postgraduate training (on the example of Russian and English)] *Reklama i svyazi s obshhestvennost`yu: tradicii i innovacii: materialy` IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations: proceedings of the IX international conference]. 26.10.2021. Rostov State Transport University, pp. 196-201.
 9. Churikov M. P. Aktualizaciya strategii uverenno / neuverennogo rechevogo povedeniya politicheskogo deyatelya v interv`yu [Actualization of strategy of confident or uncertain speech behavior in an interview with a politician] *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region* [University Bulletin. North Caucasian region. Series: Social Sciences], 2003, no. 12, pp. 96-100.
 10. Sheraizina R. M. Ambivalentny`j podxod k modernizacii pedagogicheskogo obrazovaniya v sovremennom universitetskom komplekse [Ambivalent approach to the modernization of pedagogical education in the modern university complex]. *ITS* [Integration of education], 2003, no. 3, pp. 16-20.
 11. Kirsch C., Engel de Abreu P.M., Neumann S., Wealer C. Practices and experiences of distant education during the COVID-19 pandemic: The perspectives of six- to sixteen-year-olds from three high-income countries, *International Journal of Educational Research Open*, Volumes 2–2, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2021.100049>
 12. Mahyoob M. Challenges of e-Learning during the COVID-19 Pandemic Experienced by EFL Learners. *Arab World English Journal*, 2020, vol. 11 (4), pp. 351-362. <https://dx.doi.org/10.24093/awej/vol11no4.23>

13. Yekefallah L., Namdar P., Panahi R., Dehghankar L. Factors related to students' satisfaction with holding e-learning during the Covid-19 pandemic based on the dimensions of e-learning. *Heliyon*, 2021, vol. 7, Issue 7. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07628>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Тактарова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Федеральное Государственное Бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский Государственный университет путей сообщения»
пл. им. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2. г. Ростов-на-Дону, 344038, Российская Федерация
annataktar@yandex.ru

Черкасова Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Федеральное Государственное Бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский Государственный университет путей сообщения»
пл. им. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2. г. Ростов-на-Дону, 344038, Российская Федерация
chercasovamn-rostov@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTORS

Anna V. Taktarova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign languages
Rostov State Transport University
2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Square, Rostov-on-Don, 344048, Russian Federation
annataktar@yandex.ru
SPIN-code: 2146-0775
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3451-2114>
Researcher-ID: AAL-1180-2021
Scopus Author ID: 57224937590

Marina N. Cherkasova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor,
Department of Foreign languages
Rostov State Transport University
2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya
Square, Rostov-on-Don, 344048, Russian Federation
chercasovamn-rostov@rambler.ru
SPIN-code: 5989-0758
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2971-6486>
Researcher-ID: AAJ-1535-2021
Scopus Author ID: 57195348298

Поступила 13.05.2022

После рецензирования 19.06.2022

Принята 03.07.2022

Received 13.05.2022

Revised 19.06.2022

Accepted 03.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-197-214

УДК 811.111

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.А. Кауфова, И.Б. Кауфова

***Цель.** Авторы ставят целью выявление потенциальных неологизмов в английском языке за период с июня 2021 по июнь 2022 года, установление их отнесенности к определенной части речи, определение их тематической направленности и описание наиболее продуктивных способов создания потенциальных неологизмов в современном английском языке.*

***Метод и методология исследования.** Основными методами исследования данной работы являются метод сплошной выборки из лексикографического источника; семантический и словообразовательный анализ словарных дефиниций; метод статистического анализа данных.*

***Результаты.** Лексика, как самая подвижная составляющая языка, постоянно реагирует на процессы и явления окружающей действительности путем создания новых лексических единиц, призванных заменить традиционные речевые шаблоны, концептуализировать новые явления действительности. Подавляющее большинство потенциальных лексем являются существительными или словосочетаниями, в которых главная роль принадлежит именно этой части речи, что доказывает, что основная функция новых словообразований – номинативная. Проведенный анализ позволил определить 17 тематических групп, к которым можно отнести потенциальные неологизмы: «климат, окружающая среда», «общество», «медицина и болезни», «технологии», «работа», «хобби, отдых, развлечения», «спорт и здоровый образ жизни», «бизнес», «еда и напитки», «жилье, строительство и архитектура», «транспорт», «литература, музыка, искусство», «одежда, украшения, мода», «преступления»,*

«животные», «образование», «космос». Исследование также показало, что наиболее продуктивными способами образования новых лексических единиц за указанный период являются словосложение, слияние и аффиксация, немного менее употребительным оказалось сокращение и наименее продуктивными зарекомендовали себя конверсия, заимствование и звукоподражание.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в области лексикологии и лексикографии, стилистике и практике перевода, а также в практике обучения английскому языку.

Ключевые слова: неологизмы; словообразование; современный английский язык; семантический анализ; словообразовательный анализ

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF POTENTIAL NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH

L.A. Kaufova, I.B. Kaufova

Purpose. *The article deals with analyzing potential neologisms in the English language for the period of 2021–2022, aiming to establish their relevance to a certain part of speech, determine their thematic focus and describe the most productive ways of creating potential neologisms in modern English.*

Methodology. *The basic research methods of this work are the method of continuous sampling from a lexicographic source; semantic and word-formation analysis of dictionary definitions; the method of statistical data analysis.*

Results. *Vocabulary, being the most mobile component of the language, constantly reacts to the processes and phenomena of the surrounding reality by creating new lexical units designed to replace traditional speech patterns, to conceptualize new phenomena of reality. The vast majority of potential lexemes are nouns or phrases in which the main role belongs to this particular part of speech, proving that the main function of new word formations is nominative. The analysis made it possible to identify 17*

thematic groups, which include potential neologisms: “climate, the environment”, “society”, “medicine and diseases”, “technologies”, “work”, “hobbies, recreation, entertainment”, “sports and healthy lifestyle”, “business”, “food and drinks”, “housing, building and architecture”, “transport”, “literature, music, art”, “clothing, jewellery, fashion”, “crime”, “animals”, “education”, “space”. The study also showed that the most productive ways of forming new lexical units are compounding, merging and affixing, while reduction turned out to be a little less common, and conversion, borrowing and onomatopoeia proved to be the least productive.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of lexicology and lexicography, stylistics and translation practice, as well as in the practice of language teaching.*

Keywords: *neologisms; word formation; modern English; semantic analysis; word formation analysis*

Начало третьего десятилетия двадцать первого века ознаменовано глобальными процессами, затрагивающими многие стороны жизнедеятельности человека. Язык, будучи средством коммуникации, не может не отражать динамичные изменения в социальной, бытовой, культурной, экономической, политической и других сферах окружающей человека действительности, реагируя на постоянные изменения путем создания современных слов, иначе неологизмов. По мнению И.В. Арнольд, неологизм – это любое слово или устойчивое выражение, созданное в соответствии с продуктивными языковыми моделями данного языка или заимствованное из другого языка и воспринимаемое носителями данного языка как нечто новое [1, с. 323].

Целью данной статьи является выявление потенциальных неологизмов в английском языке за период с 7 июня 2021 по 6 июня 2022 года, а также основных лексических способов их словообразования. Цель данного исследования предусматривает решение следующих задач: 1) выявить отнесенность потенциальных неологизмов в современном английском языке к определенной части речи; 2) определить их тематическую направленность; 3) описать наиболее продуктивные способы создания потенциальных неологизмов в современном английском языке.

Актуальность данного анализа заключается том, что работы, направленные на выявление новой лексики как показателя ценностных ориентиров современного общества, а также закономерностей и способов образования потенциально новых слов и словосочетаний являются необычайно востребованными на данном этапе развития лингвистики [3; 4; 7]. Кроме того, анализу подвергся новейший материал – словообразования, зафиксированные за последний год.

Материалом для проведения исследования послужили 154 лексические единицы, зафиксированные в электронном словаре Cambridge Dictionary в категории New Words (новые слова) [10]. Пользователи данного электронного словаря имеют возможность не только ознакомиться с новыми словами, их дефинициями и примерами употребления, но и проголосовать за включение новых словообразований в словарь.

В качестве методов для анализа были выбраны следующие: метод сплошной выборки из лексикографического источника; семантический и словообразовательный анализ словарных дефиниций; метод статистического анализа данных.

В современной лингвистике существует несколько терминов, обозначающих новые словообразования: окказионализм, потенциальное слово и неологизм. Различие между ними состоит в том, что окказионализм создается в речи индивида по продуктивным или непродуктивным словообразовательным моделям или заимствуется из других языков и обладает абсолютной новизной формы. Потенциальное слово пока не существует в языке, но имеет потенциал развития и пополнения словарного состава языка. Неологизм, создающийся по тем же законам словообразования, уже вошел в состав лексики и зафиксирован словарем [7, с. 121].

В ходе анализа 154 новейших лексических единиц была выявлена их отнесенность к следующим частям речи: 145 из них являются существительными (сами слова или ключевое слово в словосочетании), 8 относятся к прилагательным, 1 является глаголом, хотя данная единица может также быть существительным.

В результате исследования было определено 17 тематических групп, к которым можно отнести потенциальные неологизмы (Та-

блица 1). Некоторые из них находятся на стыке двух групп, однако были отнесены к одной группе по степени максимальной принадлежности.

Таблица 1.

№	Тематическая группа	Примеры	Количество неологизмов	%
1	Климат, окружающая среда	eco-city; fire cloud; foodprint	20	13
2	Общество	queenager; the Elastic Generation; TikTot	20	13
3	Медицина и болезни	headline stress disorder; HOGO; holistorexia	17	11
4	Технологии	addictive AI; black mass; vampire device	14	9
5	Работа	hortpreneur; polywork; silvfluencer	12	7,8
6	Хобби, отдых, развлечения	cardening; docuality; volunteercation	9	5,8
7	Спорт и здоровый образ жизни	tang ping; Earthing; drone soccer	8	5,2
8	Бизнес	emoticonomy; finfluencer; flippening	8	5,2
9	Еда и напитки	nolo; proffee; swicy	8	5,2
10	Жилье, строительство и архитектура	lazy lawn; pivot space; probiotic architecture	8	5,2
11	Транспорт	robotaxi; Vaxi Taxi; vertiport	6	3,9
12	Литература, музыка, искусство	spatial audio; Dad Thriller; dial artist	6	3,9
13	Одежда, украшения, мода	bounceback; circular fashion; demi-fine	5	3,2
14	Преступления	petfishing; porch piracy; quantum apocalypse	5	3,2
15	Животные	digi-dog; flockdown; shellfish hotel	3	2
16	Образование	cradle-to-career; nanolearning; panic master's	3	2
17	Космос	Hycean; space anaemia	2	1,4
Итого:			154	100

Семантический анализ потенциальных неологизмов выявил, что группы, наиболее подверженные процессу неологизации, включают: «климат», «окружающая среда», «общество», «медицина и болезни», «технологии» и «работа». Меньше всего новообразований было зафиксировано в тематических группах «животные», «образование» и «космос». В качестве иллюстрации потенциальных неологизмов можно привести следующие лексические единицы:

1) «климат, окружающая среда»:

eco-city – a city that has been designed to minimize the impact it has on climate change and the environment/ город, спроектированный таким образом, чтобы свести к минимуму его воздействие на изменение климата и окружающую среду (здесь и далее перевод автора статьи – Л. К.);

fire cloud – a type of cloud that develops in very hot, dry conditions from a large amount of smoke that rises into the air from a fire on the ground/тип облака, который образуется в очень жарких и сухих условиях из-за большого количества дыма, поднимающегося в воздух от пожара на земле;

foodprint – a measurement of the impact on the environment of all the processes needed to bring food to consumers/ измерение воздействия на окружающую среду всех процессов, необходимых для доставки продуктов питания потребителям.

2) «общество»:

queenager – a woman of middle age or older who leads a busy life, dresses stylishly and enjoys having fun/ женщина среднего возраста и старше, которая ведет активный образ жизни, стильно одевается и любит веселиться;

the Elastic Generation – the group of women aged between 50 and 70 who are well off and have a broad range of interests, seen by the advertising industry as consumers who are likely to spend a lot of money on products, travel etc. / группа состоятельных женщин в возрасте от 50 до 70 лет с широким кругом интересов, рассматриваемых рекламной индустрией как потребители, которые, вероятно, тратят много денег на продукты, путешествия и т. д.

TikTot – a young child who uses the social media platform TikTok/
маленький ребенок, который использует платформу социальных сетей TikTok.

3) «медицина и болезни»:

headline stress disorder – a feeling of stress and anxiety caused by reading or watching a lot of negative or worrying news/ чувство стресса и беспокойства, вызванное чтением или просмотром большого количества негативных или тревожных новостей;

HOGO – abbreviation for “hassle of going out”: a feeling that leaving the house in order to socialise is too difficult or not worth the trouble/ аббревиатура от «хлопоты, связанные с выходом на улицу»: ощущение, что выйти из дома, чтобы пообщаться, слишком сложно или не стоит затраченных усилий;

holistorexia – a mental illness where someone has an extreme obsession with their health and wellness/ психическое заболевание, при котором человек крайне одержим своим здоровьем и благополучием;

4) «технологии»:

affective AI – a type of artificial intelligence (technology that allows computers to share some of the qualities of the human mind, such as the ability to understand language and solve problems) that can measure and interpret human emotions/ тип искусственного интеллекта (технология, которая позволяет компьютерам проявлять некоторые качества человеческого разума, такие как способность понимать язык и решать проблемы), который может измерять и интерпретировать человеческие эмоции;

black mass – the substance that is left over after a battery has been recycled and that contains metals that can be used to make new batteries or other products/ вещество, остающееся после переработки батареи и содержащее металлы, которые можно использовать для изготовления новых батарей или других продуктов;

vampire device – an electrical appliance that continues to use electricity when it is switched on but not being used/ электроприбор, который продолжает потреблять электричество, когда он включен, но не используется;

5) «работа»:

hortpreneur – a professional gardener who earns money through activities such as advertising a company’s products, appearing on TV, attending events etc./ профессиональный садовник, который зарабатывает деньги посредством такой деятельности, как реклама продукции компании, появление на телевидении, посещение мероприятий и т. д.

polywork – the activity of having several different jobs at the same time/ трудовая деятельность, связанная с одновременной работой на нескольких разных должностях;

silyfluencer – a middle-aged or elderly person who encourages people to buy items such as clothing and make-up by recommending them on social media, and is paid by companies to do so/ человек среднего или пожилого возраста, который побуждает людей покупать такие предметы, как одежда и косметика, рекомендуя их в социальных сетях, и получает за это деньги от компаний.

6) «хобби, отдых, развлечения»:

cardening – the activity of growing and looking after plants inside your car/ деятельность по выращиванию и уходу за растениями в вашем автомобиле;

volunteercation – a holiday spent doing volunteer work/ отпуск, проведенный за волонтерской работой;

docuality – television programmes that are part documentary, part reality show, featuring people who are filmed in real situations rather than actors playing a part, and giving facts about a particular subject/ телевизионные программы, которые являются частично документальными, частично реалити-шоу, в которых участвуют люди, снятые в реальных ситуациях, а не актеры, играющие роль, и рассказывающие факты о конкретном предмете.

7) «спорт и здоровый образ жизни»:

tang ping – a Chinese term meaning “lie flat” that describes a trend where people reject the pressure to work long hours in a stressful job, and instead adopt a more relaxed lifestyle/ китайский термин, означающий «лежать ровно», который описывает тенденцию, когда люди

отказываются от долгих часов работы на напряженной работе и вместо этого ведут более расслабленный образ жизни;

Earthing – a sport that combines running and swimming, in which the competitor dives off the end of the running track into the swimming pool/ вид спорта, сочетающий бег и плавание, при котором участник ныряет с конца беговой дорожки в бассейн;

drone soccer – a team game played between two teams of up to five people, in which each team tries to win by flying a drone into the other team's goal/ командная игра между двумя командами до пяти человек, в которой каждая команда пытается победить, запустив дрон в ворота другой команды.

8) «бизнес»:

emoticonomy – an economic system that is based on the activities people and businesses engage in to make the world a better and happier place/ экономическая система, основанная на деятельности людей и предприятий, направленной на то, чтобы сделать мир лучше и счастливее;

finfluencer – someone who attracts followers on social media through giving financial advice/ кто-то, кто привлекает подписчиков в социальных сетях, давая финансовые советы;

flippening – an event, expected to take place in the near future, when ethereum will overtake bitcoin as the most valuable cryptocurrency/ это событие, которое, как ожидается, произойдет в ближайшем будущем, когда эфириум обгонит биткойн как самую ценную криптовалюту.

9) «еда и напитки»:

nolo – (of a drink) containing no alcohol or a very low amount of alcohol/ (о напитке), не содержащем алкоголя или с очень низким содержанием алкоголя;

proffee – a drink made by mixing cold coffee with protein powder or with a ready-made drink that contains protein/ напиток, приготовленный путем смешивания холодного кофе с протеиновым порошком или с готовым напитком, содержащим белок;

swicy – having a taste that is both sweet and spicy/ вкус одновременно сладкий и острый.

10) «жилье, строительство и архитектура»:

lazy lawn – an area of grass, especially in a garden, that is not cut regularly or treated with chemicals to keep it healthy and free of weeds/ участок травы, особенно в саду, который не стригут регулярно и не обрабатывают химическими веществами, чтобы сохранить его здоровым и свободным от сорняков;

pivot space – an area of an office that can be used for different purposes/ площадь офиса, которую можно использовать для разных целей;

probiotic architecture – the practice of designing and making buildings that can host certain types of bacteria that help keep people healthy/ практика проектирования и строительства зданий, в которых могут обитать определенные типы бактерий, которые помогают поддерживать здоровье людей.

11) «транспорт»:

robotaxi – a taxi that is driven without being controlled directly by humans/ такси, которое управляется без непосредственного участия людей;

Vaxi Taxi – a taxi that picks people up from their home and takes them to a clinic for their/ такси, которое забирает людей из дома и отвозит в клинику для лечения;

vertiport – a place where an aircraft such as a drone or a helicopter can take off and land vertically/ место, где летательный аппарат, такой как дрон или вертолет, может взлететь и приземлиться вертикально.

12) «литература, музыка, искусство»:

hyperpop – a type of popular music, usually distributed online, that experiments with and exaggerates the traditional elements of pop music/ тип популярной музыки, обычно распространяемый в Интернете, который экспериментирует с традиционными элементами поп-музыки и преувеличивает их;

spatial audio – a way of streaming music that makes the sound seem to be coming from many different places/ способ потоковой передачи музыки, при котором кажется, что звук исходит из разных мест;

Dad Thriller – a genre of Hollywood film made in the 1990s that has an intelligent, exciting plot and is designed to appeal mostly to men in

their 30s and 40s/ жанр голливудского фильма, снятого в 1990-х годах, с интеллектуальным, захватывающим сюжетом и предназначенный в основном для мужчин в возрасте от 30 до 40 лет;

dial artist – кто-то, кому платят за переделку часов путем их покраски, гравировки и т.д. с уникальным дизайном.

13) «одежда, украшения, мода»:

bounceback wardrobe – all the clothes that someone owns, or wants to buy, for the period of time after lockdown, when they are back at work and going out socially again/ вся одежда, которой кто-то владеет или хочет купить в течение периода времени после локдауна, когда они вернутся на работу и снова будут выходить в свет;

circular fashion – clothes that are designed and made in such a way that they will last for a long time, can eventually be repaired or redesigned instead of being thrown away, and cause little or no damage to the environment/ одежда, которая спроектирована и изготовлена таким образом, чтобы прослужить долгое время, в конечном итоге может быть отремонтирована или изменена, а не выброшена, и наносит незначительный ущерб окружающей среде или не наносит никакого ущерба окружающей среде;

demi-fine – Demi-fine jewellery is made from precious metals like gold and silver but is not as expensive as fine jewellery/ Полудрагоценные украшения изготавливаются из драгоценных металлов, таких как золото и серебро, но они не такие дорогие, как драгоценные украшения.

14) «преступления»:

petfishing – a crime that involves attempting to sell someone a pet, usually a puppy or kitten, that has been bred and kept in bad conditions and is often unhealthy or ill/ преступление, связанное с попыткой продать кому-либо домашнее животное, обычно щенка или котенка, которое было выращено и содержалось в плохих условиях и часто нездорово или больно;

porch piracy – the act of stealing a package that has been delivered and left outside someone's house/ акт кражи пакета, который был доставлен и оставлен вне чьего-либо дома;

quantum apocalypse – the situation where extremely powerful computers can access all encrypted data very quickly and easily, making all hidden information public/ ситуация, когда чрезвычайно мощные компьютеры могут очень быстро и легко получить доступ ко всем зашифрованным данным, делая всю скрытую информацию общедоступной.

15) «животные»:

digidog – a dog trained by the police to use its sense of smell to find digital devices that have been used by criminals/ собака, обученная полицией, чтобы использовать свое обоняние, чтобы найти цифровые устройства, которые использовались преступниками;

flockdown – a period of time in which captive birds, especially chickens, must be kept indoors to stop avian flu from spreading/ период времени, в течение которого содержащиеся в неволе птицы, особенно куры, должны содержаться в помещении, чтобы предотвратить распространение птичьего гриппа;

shellfish hotel – a place where shellfish that will be sold for food are kept in conditions that are as close as possible to the natural environment where they usually live/ место, где моллюски, которые будут продаваться в пищу, содержатся в условиях, максимально приближенных к естественной среде, в которой они обычно обитают.

16) «образование»:

cradle-to-career – A cradle-to-career school or education is one that supports the pupil from when they are born through to young adulthood and offers different activities at different stages of the pupil's life/ Школа или образование от колыбели до карьеры – это школа, которая поддерживает ученика с момента его рождения до юношеского возраста и предлагает различные виды деятельности на разных этапах жизни ученика;

nanolearning – a way of learning that involves reading or watching very small pieces of information or other content, usually on the internet/ способ обучения, который включает в себя чтение или просмотр очень небольших фрагментов информации или другого контента, обычно в Интернете;

panic master's – a postgraduate degree that someone studies for because they cannot find a job after completing their first degree, rather than because they want to continue their studies/ степень последиplomного образования, на которую кто-то учится, потому что они не могут найти работу после получения первой степени, а не потому, что они хотят продолжить учебу.

17) «космос»:

Huycan – A Huycan planet has hydrogen in its atmosphere and water on its surface, meaning that it could potentially support a form of life that is found on Earth/ Планета гикан имеет водород в своей атмосфере и воду на своей поверхности, а это означает, что она потенциально может поддерживать форму жизни, которая встречается на Земле;

space anaemia – a medical condition experienced by some astronauts when they land on another planet in which their body does not make enough red blood cells/ состояние здоровья некоторых астронавтов, когда они приземляются на другую планету, в которой их тело не производит достаточное количество эритроцитов.

В современном английском языке к традиционным способам образования новых слов относят словосложение, конверсию, сокращение, адъективизацию, лексико-семантический способ, чередование звуков и перенос ударения в слове (фонологический способ), заимствования из других языков, обратную деривацию и другие [2; 5; 6; 8; 9].

После анализа потенциально новых слов за период с июня 2021 по июнь 2022 года мы пришли к выводу, что основными лексическими способами словообразования стали следующие:

- 1) словосложение (например, wallball, wish-cycling, fire cloud и т.д.);
- 2) слияние (например, swicy (sweet+spicy), flurona (flu + COVID-19) docuality (documentary+ reality show и т.д.);
- 3) аффиксация (например, planetarian, proffee, hypergorp, Zoomer и т.д.);
- 4) сокращение (аббревиация) (например, eVTOL (electric vertical take-off and landing), WFC (working from cafés); FONO (fear of normal) и т.д.);

5) конверсия, т.е. переход из одной части речи в другую (например, glitch – существительное, которое стало употребляться в качестве глагола)

6) заимствование (например, tang ping, китайский термин, означающий “lie flat”, лежать плашмя)

7) звукоподражание (например, TikTot маленький ребенок, который использует платформу социальных сетей TikTok (см. Табл. 2)

Таблица 2.

№	Лексический способ образования потенциальных неологизмов	Количество	%
1	словосложение	74	48,1
2	слияние	35	22,8
3	аффиксация	31	20,1
4	сокращение	11	7,2
5	конверсия	1	0,6
6	заимствование	1	0,6
7	звукоподражание	1	0,6
Итого:		154	100

Как показывает проведенный анализ способов образования новых слов, большая часть потенциальных новых слов образуется путем словосложения, на втором месте находятся слияние и аффиксация с отрывом в приблизительно два процента. Наименьшую частотность использования имеют конверсия, заимствование и звукоподражание.

Итак, проведенное исследование показало, что лексика, как самая подвижная составляющая языка, постоянно реагирует на процессы и явления окружающей действительности путем создания новых лексических единиц, призванных заменить традиционные речевые шаблоны, концептуализировать новые явления действительности. Новые слова относятся преимущественно к неофициальному стилю, в силу чего речь становится более современной, образной, богатой и естественной. Проведенный анализ новых слов, представленных в Cambridge Dictionary за последний год, выявил, что подавляющее большинство потенциальных лексем являются существительными или словосочетаниями, в которых главная роль принадлежит имен-

но этой части речи (145 из 154 единиц), оставив небольшой процент прилагательным (8 единиц) и глаголу (1 единица), доказав, что основная функция новых словообразований – номинативная. Проведенный анализ позволил определить 17 тематических групп, к которым можно отнести потенциальные неологизмы: «климат, окружающая среда» (13%), «общество» (13%), «медицина и болезни» (11%), «технологии» (9%), «работа» (7,8%), «хобби, отдых, развлечения» (5,8%), «спорт и здоровый образ жизни» (5,2%), «бизнес» (5,2%), «еда и напитки» (5,2%), «жилье, строительство и архитектура» (5,2%), «транспорт» (3,9%), «литература, музыка, искусство» (3,9%), «одежда, украшения, мода» (3,2%), «преступления» (3,2%), «животные» (2%), «образование» (2%), «космос» (1,4%). Необходимо отметить, что некоторые из них находятся на стыке двух тематических областей, однако были отнесены к одной группе по степени максимальной принадлежности. Проведенное исследование также показало, что наиболее продуктивными способами образования новых лексических единиц стали словосложение (48,1%), слияние (22,8%) и аффиксация (20,1%), немного менее употребительным оказалось сокращение (7,2%) и наименее продуктивными зарекомендовали себя конверсия (0,6%), заимствование (0,6%) и звукоподражание (0,6%).

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.
2. Ерастова Д.А. Неологизмы и способы их образования в английском языке // Лингвокультурология. 2019. №13. С. 80-86.
3. Моргун Н.Л., Подольная Е.А. Словосложение как основной способ образования неологизмов в современном английском языке // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27). Ч. 1. С. 100-102.
4. Зеремская Ю.А., Солодовникова О. В., Сахарова О. В. Основные лексические способы словообразования потенциально новых слов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №12. С. 246-250. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.48>

5. Зенина И.Н., Ищенко И.Г. Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 3. С. 23-27. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.5>
6. Елисеева В.В. Английские неологизмы XXI в.: некоторые тенденции словообразования и функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 1. С. 75-82.
7. Кравченко О.Н. Способы образования неологизмов в современном английском языке // Научная мысль Кавказа. 2008. №1 (53). URL: <http://nmkav.ru/ru/archive/2008/1/sposoby-obrazovaniya-neologizmov-v-sovremennom-anglijskom-yazyke> (дата обращения: 18.06.2022).
8. Несветайло Ю.Н. Основные способы образования неологизмов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1). Ч. 2. С. 73-75.
9. Мкртчян Т.Ю. К вопросу о способах образования новейших неологизмов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №9-1 (75). С. 140-142. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_9-1_39.pdf (дата обращения: 18.06.2022).
10. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/category/new-words/yazyke> (дата обращения: 18.06.2022).

References

1. Arnol'd I.V. *Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka* [Lexicology of Modern English]. Moscow: FLINTA: Nauka Publ., 2012, 376 p.
2. Erastova D.A. Neologizmy i sposoby ih obrazovaniya v anglijskom yazyke [Neologisms and ways of their formation in English]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], 2019, no. 13, pp. 80-86.
3. Morgun N.L., Podol'naya E.A. Slovoslozhenie kak osnovnoj sposob obrazovaniya neologizmov v sovremennom anglijskom yazyke [Compounding as the main way of forming neologisms in modern English]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2009, no. 8(27). Part 1, pp. 100-102.
4. Zeremskaya Yu.A., Solodovnikova O.V., Saharova O.V. Osnovnye leksicheskie sposoby slovoobrazovaniya potencial'no novyh slov v sovremen-

- nom anglijskom yazyke [The main lexical ways of word formation of potentially new words in modern English]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2019, no. 12, pp. 246-250. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.48>
5. Zenina I.N., Ishchenko I. G. Kognitivnye i pragmaticheskie faktory obrazovaniya novyh slov v anglijskom yazyke [Cognitive and pragmatic factors in the formation of new words in the English language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2019, no. 3, pp. 23-27. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.5>
 6. Eliseeva V.V. Anglijskie neologizmy HKHI v.: nekotorye tendencii slovoobrazovaniya i funkcionirovaniya [English neologisms of the 21st century: some trends in word formation and functioning]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism], 2015, no. 1, pp. 75-82.
 7. Kravchenko O.N. Sposoby obrazovaniya neologizmov v sovremennom anglijskom yazyke. [Methods of formation of neologisms in modern English]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2008, no.1(53). URL: <http://nmkav.ru/ru/archive/2008/1/sposoby-obrazovaniya-neologizmov-v-sovremennom-anglijskom-yazyke> (accessed June 18, 2022).
 8. Nesvetajlo Yu.N. Osnovnye sposoby obrazovaniya neologizmov v sovremennom anglijskom yazyke [The main ways of forming neologisms in modern English]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2008, no. 1(1). Part 2, pp. 73-75.
 9. Mkrtychyan T.Yu. K voprosu o sposobah obrazovaniya novejsih neologizmov v anglijskom yazyke [On the question of the methods of formation of the newest neologisms in the English language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2017, no. 9-1(75), pp. 140-142. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_9-1_39.pdf (accessed June 18, 2022).
 10. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/category/new-words/> yazyke (accessed June 18, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кауфова Лола Аслановна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук
*Пятигорский государственный университет
Проспект Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация
lkaufova@yandex.ru*

Кауфова Инесса Беталовна, редактор, переводчик, бюро переводов «Ангир», кандидат филологических наук, доцент
*ул. Крайнего, 56, офис 510, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация
ikaufova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lola A. Kaufova, Associate Professor, Chair of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph.D. in Philology
*Pyatigorsk State University
9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
lkaufova@yandex.ru
SPIN-code: 9901–7238
ORCID: <https://orcid.org/0000–0002–0967–6408>
ResearcherID: N–6914–2018*

Inessa B. Kaufova, editor, translator, translation agency “Angira”, Ph.D. in Philology, Associate Professor
*56, office 510, Krainaya Str., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
ikaufova@yandex.ru
SPIN-code: 4124–4408
ORCID: <https://orcid.org/0000–0001–7079–5185>*

Поступила 19.06.2022

После рецензирования 29.06.2022

Принята 02.07.2022

Received 19.06.2022

Revised 29.06.2022

Accepted 02.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-215-234

УДК 811.111-26

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВАЛЛИЙСКОСТИ В АНГЛО-ВАЛЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.И. Абрамова

Цель работы – дать комплексный лингвистический анализ проявления валлийскости в англоязычной литературе пограничья, поэтому предметом исследования являются языковые средства выражения валлийскости.

Методом сплошной выборки из романа *The Whithered Root* (автор – *Rhys Davies*) были выделены примеры, конструирующие валлийскую идентичность персонажей и места действия, которые затем были проанализированы с помощью стилистического и лингвокультурологического методов, а также методов контент-анализа, и социолингвистической интерпретации.

Результаты исследования. Были описаны три способа создания валлийскости в литературном произведении:

1) придание языковых особенностей идиома англо-валлийского пограничья речи персонажей на уровне синтаксиса, обусловленного валлийским влиянием, и через культурно-нагруженную лексику;

2) метаязыковое описание валлийскости речевой деятельности персонажа, используемое как идеологический инструмент идентичности и как средства воздействия на читателя;

3) использование стилистических средств, основанных на сравнении и противопоставлении, для создания ключевых элементов положительного образа Уэльса и его ценностей: его красоты, творческого таланта народа, религиозности и страсти валлийцев.

Область применения результатов исследования – как в преподавании социолингвистики, диалектологии, литературоведения,

лингвокультурологии, так и при проведении исследований в данных направлениях.

Выводы: валлийскость как идентичность в литературном произведении представлена через использование локально-этнических особенностей речи персонажа, через метаязыковые рассуждения автора или персонажа об этом идиоме и через стилистику описания основных ценностей идентичности. Указанные способы представляют собой идеологический инструмент продвижения идентичности и создания ее положительного и уникального образа.

Ключевые слова: валлийскость; идентичность; англо-валлийская литература; литература пограничья; валлийский; Рис Дэвис, метаязык

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING WELSHNESS IN ANGLO-WELSH LITERATURE

E.I. Abramova

The aim of the research is to provide a comprehensive linguistic analysis of how Welshness is manifested in Anglo-Welsh borderland literature, therefore the scope of the research is linguistic means of Welshness manifestation.

*The material for the research into linguistic manifestation of Welshness was collected from the novel *The Whithered Root* (by Rhys Davies) through continuous selection methodology, and then analysed by the stylistic method, lingvocultural method, the content analysis method, as well as the method of sociolinguistic interpretation.*

As a result, there have been identified and described three methods of manifesting Welshness in fiction:

1) introducing Anglo-Welsh dialect features in the speech of the characters on the level of syntax influenced by Welsh and through Welsh cultural lexis;

2) metalinguistic description of the characters' speech through the prism of Welshness, which functions as an ideological tool of identity and a means of influencing the reader;

3) *using stylistic devices, based on similarity or juxtaposing contrasting idea, to create the key elements of the positive image of Wales and its values: its beauty, creative talent of the Welsh, their religiousness and passionate nature.*

The scope of application encompasses teaching and research in the spheres of sociolinguistics, dialectology, literature study and cultural linguistics.

Findings: Welshness as identity is manifested in fiction through local and ethnical elements in the characters' speech, through the author's or the characters' metalinguistic speculations about the Welshness of the language and through stylistic devices used to describe the key values of the identity. The discussed means function as an ideological tool of promoting identity and creating its positive and unique image.

Keywords: Welshness; identity; Anglo-Welsh literature; borderland literature; Welsh; Rhys Davies; metalanguage

Введение

Существование и функционирование двух языков и, соответственно, двух литератур в Уэльсе обуславливает проблему обозначения их этничности или идентичности. В английском языке принято два термина – *Anglo-Welsh literature* (англо-валлийская литература) и *Welsh writing in English* (валлийская литература на английском языке) для валлийских писателей, пишущих на английском языке произведения, действия которых происходят в Уэльсе, а персонажи имеют валлийскую отнесенность [15]. В настоящее время используется термин *Anglophone writing from Wales*. Необходимость уточнения термина связана с попыткой более точно обозначить данное направление британской литературы, показав ее отличие от остальной англоязычной литературы по тематике, проблематике и локализации, и, с другой стороны, подчеркнуть идентичность автора, сюжета, персонажей, времени и места действия. Началом данного направления считаются 20 гг. XX в. Действие произведений происходит в Южном Уэльсе как наиболее индустриализованной части Уэльса [14] и, соответственно, двуязычной.

Появление такой литературы является результатом социально-экономических отношений предыдущих лет, когда индустриализация, благодаря которой валлийцы могли получить работу на шахте и поднять свой уровень жизни, вместе с тем заставила их переходить на английский язык [12].

Данное направление литературы, и не только на британской почве, соотносится с так называемой литературой пограничья, для которой характерно место действия как территория языкового и культурного взаимодействия. Также тема взаимодействия и идентичности активно является одной из ведущих и поэтому активно обсуждается персонажами произведений, в уста которых автор вкладывает свое мнение. По мере развития основной и второстепенных сюжетных линий взаимоотношение культур эволюционирует, в связи с этим в данных произведениях одной из главных тем и литературных техник является определение и описание идентичности, а именно валлийскости.

Анализируя средства выражения валлийскости в литературном произведении, мы должны выявить содержание понятия валлийскости в диахронии, соотнеся со временем написания романа и с отнесенностью со временем действия в романе, сравнить подходы в наполнении содержания понятия. Рассмотрим исследования валлийскости в гуманитарных науках.

Более ранние представления о валлийскости базируются на важности валлийского языка, ценности общинного образа жизни, музыкальности, противостояния с англичанами и символики [6]. Это период так называемого валлийского литературного ренессанса, связанного с поиском исторических корней с середины XVIII до начала XX в. [7]. Анализируемое нами произведение *The Withered Roots* автора *Rhys Davies* относится к концу этого периода, поэтому автор наполняет роман культурно-смысловыми ценностями того периода. Позднее в XX в. валлийскость получила такие трактовки, как 1) вымышленное явление, не имеющее реального воплощения; 2) националистический инструмент; 3) элемент повседневной жизни валлийцев [5].

В лингвокультурном плане валлийскость как феномен идентичности основан на языковом, ментальном и культурном единстве его членов и представляет собой систему ценностно-смысловых доминант, получивших отражение в языке [4].

Подчеркнем, что широкое понятие «валлийскость» предполагает отнесенность к Уэльсу, его народу, языку и культуре [18]. Это понятие наряду с культурными, политическими и социальными аспектами включает знание языка. Исследуемое понятие представляет собой комплекс более узких субпонятий, географически и экономически обусловленных и включающих «валлийскость долин» (для бывших шахтерских и металлургических графств долин юга Уэльса), британскую «валлийскость» (для пограничных с Англией графств и для южных прибрежных графств Уэльса), северную и западную «валлийскости» (для севера и запада Уэльса) [11], что отражает также деление Уэльса на территории по соотношению носителей валлийского и английского языка и соответствуют большей или меньшей валлийскости. Данные субпонятия соотносятся и с географическим разделением диалектов валлийского языка на южные и северные [8]. Таким образом, проявление валлийскости у жителей Уэльса неоднородно и сопряжено с уровнем владения кельтским языком и уэльским вариантом английского языка (Welsh English). Так, отмечается, что проявление валлийскости в современной Великобритании связано со знанием валлийской культуры и языка и идентификацией себя как части европейской культуры [2]. Д.Н. Караваева утверждает, что валлийцы сегодня без усилий отказываются от британской идентичности в пользу этнического национализма [3]. Можно констатировать, что валлийскость в речи проявляется как демонстрация принадлежности к коллективу (языковому, этническому, культурному, семейному).

Обобщая подходы к исследованию идентичности и содержание понятия валлийскости как идентичности, выделим основные: литературоведческий подход к произведениям литературы пограничья, в частности англо-валлийского, исторический подход ис-

следования валлийскости в диахронии и эволюции, политологический подход через призму регионализма. Актуальность данной статьи объясняется необходимостью лингвистического подхода к описанию проявления идентичности в литературе пограничья. Таким образом, целью данного исследования является проведение комплексного лингвистического анализа проявления валлийскости в англоязычной литературе пограничья. Следовательно, ключевыми задачами работы являются выявление и описание 1) языковых особенностей речи персонажей на разных уровнях языка как знаков валлийскости; 2) основных принципов и функций метаязыкового описания валлийскости; 3) стилистических подходов к описанию валлийскости. Также важной задачей является выделение основных тем валлийскости, представленных в произведении как одном из ключевых определенного периода развития литературы направления *Anglo-Welsh literature / Anglophone writing from Wales*. Данные задачи лежат в плоскости том числе лингвистической лимологии, которая исследует отражение политических границ в лингвистике и проблемы коммуникативного суверенитета личности [1].

Материалы и методы

Среди представителей литературы этого направления – Рис Дэвис (Rhys Davies) с его первым романом *The Whithered Root*, который считается квинтэссенцией валлийскости 20-х гг. XX в. [16]. Методом сплошной выборки из романа были выделены техники создания валлийской идентичности в романе 1) через языковые особенности речи персонажей, живущих в англо-валлийском пограничье; 2) посредством метаязыковых рассуждений персонажей об идиоме пограничья, речи и коммуникации жителей региона; 3) с помощью стилистических средств описания валлийской культуры и своего отношения к ней. Данные примеры затем были проанализированы с помощью стилистического метода, лингвокультурологического метода, контент-анализа, метода социолингвистической интерпретации.

Результаты и обсуждение.

1. Валлийскость в речи персонажей

В литературе пограничья речь персонажей является средством их характеристики. Также она участвует в создании фона, места и времени действия. Автор представляет типичную речь на англо-валлийском идиоме, который характерен для жителей южного промышленного Уэльса, однако эта речь характеризует в основном менее образованных людей. Валлийский английский в речи персонажей является маркером их этнической и территориальной принадлежности и «валлийскости» места и времени действия.

При описании данного подхода необходимо выделить аспекты языка, в которых проявляется валлийская интерференция. Отметим, что в тексте романа не наблюдается каких-либо средств описания и указания на фонетическую составляющую валлийского английского.

Остановимся на грамматическом аспекте, который в первую очередь проявляется на уровне синтаксиса в смещении семантического центра предложения к его началу по аналогии с валлийским языком. Рассмотрим примеры:

- Интерференция в структуре повествовательного предложения, когда в начальной позиции находится второстепенный член предложения, однако, в отличие от эмфатического предложения с обратным порядком слов в английском языке, здесь порядок главных членов предложения прямой: подлежащее на втором месте, глагол на третьем: *A suitable way you have got for such pieces. / Whisky and gin ladies always drink. / A little chat I want to have with you. / A victory you have had.* (дополнение в начале предложения): *Cosy, this is./ Dear me, empty my life has been before. / A change it will be for me, to get up so early. / Nice it is to sit by the fire like this. / Miserable it is without a bit of light. / Lazy you are getting. / Lazy you'd be in the evening then. / Asleep I want to be. / Taller you seem to have got* (предикатив в начале предложения). С глаголом *to be* порядок слов может быть обратным, однако это нельзя в полной мере назвать эмфатическим предложением. При этом на первом

месте может быть прилагательное или *Participle I* как компонент формы *Continuous*: *Vulgar is beer. / Cheap enough is oil. / Working on the night-shift was father. / Dragging me down to your old fleshpots you are. / Hoping I was that you would settle down with her.* При смещении семантического центра смысловая часть модального предиката также перемещается в начало предложения и отщепляется от модальной части: *Coax him you should.* Переносится в начало предложения и смысловая часть простого сказуемого, при этом его место в предложении занимает формальный глагол: *Sit in the dark they do. / Wept she did after Mrs Morris number ten came in.*

- Интерференция в структуре вопросительного предложения характеризуется отсутствием формального глагола *do/did/does*: *Liked you the sermon tonight? / How much a pound you paid for it? / How liked you it?* Если в первом примере наблюдается обратный порядок слов, как в стандартном английском вопросе, то во втором прямой.
- Интерференция в структуре императива заключается в использовании подлежащего 2 лица после глагола. Однако и здесь наблюдается систематические отклонения, когда с простым глаголом *you* следует сразу за ним, а с фразовым или фразеологическим расщепляет его структуру: *Speak you for us both. / Come you up to bed now. / Take you care.*
- Интерференция в структуре восклицательного предложения представляет собой использование *there* вместо *how* в восклицаниях: *There is nice and fat, that bacon is! / There's extravagance!*

Наибольший интерес представляет использование валлийских слов в речи персонажей. Поскольку язык является одним из показателей идентичности, он служит средством характеристики персонажей, элементом сюжета и места действия. В романе, написанном для англоязычного читателя, нет случаев перехода кода, автор использует только иноязычные валлийские вкрапления и уже заимствованные в английский язык реалии. Отсутствие перехода кода

показывает, что язык, которым пользовались жители южных шахтерских регионов, был валлийский английский, а не валлийский. В данном варианте присутствуют элементы субстратного языка.

- Среди иноязычных вкраплений присутствуют ласкательные термины и термины родства, используемые в функции обращений. Наиболее употребляемым обращением является *cariad* безотносительно к возрасту и полу: *Philip, do you want anything, cariad?* Также употребляются гендерно различные формы обращения. Отметим 32 случая употребления ласкательного слова *bach* (валл. маленький мальчик, малыш) как элемента обращения в постпозиции к имени или слова *boy*: *Put away your Bible, Hugh bach. / Liked you the sermon tonight, Reuben bach? / Well. Reuben bach, how liked you it? / Tut, tut, boy bach, not understand these things do you.* При обращении к группе лиц используется валлийская форма множественного числа *bachgen* как самостоятельное обращение *Costly that would be bachgen*. Данная лексема зафиксирована в словаре валлийского английского [13, p. 118]. По отношению к лицам женского пола используется *fach* в такой же функции: *'Mrs Hopkins fach', Morgans pronounced gravely. / Mam fach, say you that you will do this for me now. / I love you too, Eirwen fach. / Mam fach, say that you will do this for me now.* Обращение к матери и ее обозначение также представляет валлийское слово: *What did mam say? / Mam, Mam, let you Mr. Daniels in.* Интересным является то, что валлийское обращение *tad* не встречается в тексте романа, поскольку отец главного героя не говорит на валлийском английском, следовательно по отношению к нему не используется валлийское обращение.
- Другой группой являются восклицания, например *'Duw, Duw'* [Боже. Бог.], *she would exclaim, sinkng into the chair.* Восклицание *ach-y-fi* и его краткая форма *ach* передает отвращение: *Ach-y-fi, ashamed I've been to listen sometimes. / Ach, how many more want to push their noses in here? / Ach-y-fi, there's foolishness. / Ach, the man was so disgusting. / Ach, my man, a*

whip across your back you ought to have. / Ach, the heart in your breast has got strange blood in it. / Ach, Reuben, don't you ask unnecessary questions. Восклицание *Jesus Mawr*, передающее удивление, представляет собой комбинацию английского и валлийского слова (*Jesus* – англ. *Mawr* – «великий» валл.): *Jesus Mawr, 'she cried shrilly, 'there's a pair of wooden donkeys you are. / Jesus Mawr, why don't you do something else, boy! A maniac you will get, reading that always.*

- Национально-этнические концепты, например, *hwyl*: *Too cold he is for me. Not often does he get the hwyl.* Помимо общего значения «удовольствие», слово *hwyl* обладает валлийскостью, поскольку описывает «страстное, пылкое красноречие, характерное для эмоционального состояния валлийцев во время собраний», а также «страсть, особенно религиозную» [17, p. 139].
- Национально-культурные реалии, релевантные для сюжета, например *eisteddfod* как форма музыкально-поэтического фестиваля, массового в условиях Уэльса: *Only in Heaven could be realised the complete bliss they sometimes dreamed of, a Heaven that was to be an everlasting eisteddfod – all singing and recitals and organ-playing. / 'Ah, there's nothing like an eisteddfod for making the soul swell,' he said. 'The reciting, the choirs, the pennillion singing – what glory, what enjoyment, what bellowing, blasting noise! Still, as I said, it makes the soul big. I wanted to go and learn singing, but too poor we are, so I have to stay here and sing in the little eisteddfod of this and that chapel.*

Описанная лексика используется многими авторами, поэтому узнаваемая для англоязычного читателя и понимаемая им. Лексика имеет очевидную культурно-этническую референтность и является культурным маркером.

Таким образом, валлийскость в речи персонажей проявляется на уровне синтаксиса, обусловленного валлийским влиянием, и через культурно-нагруженную лексику. Валлийскость, репрезентируемая через речь персонажа, которая имеет диалектный характер, является не только художественным средством для характеристики описы-

ваемого в романе, но и функциональным конструктом для передачи послания. В данном случае, диалект представлен не полностью, выделены только основные черты диалекта, которые составляют его валлийскую аутентичность.

2. Валлийскость в метаязыке произведения

При метаязыковом анализе мы рассматриваем рассуждения авторов или персонажей о идиоме, которым пользуются герои произведения: объяснение диалектных лексем, размышления и высказывания о стиле речи, комментарии по манере речи и языку персонажей и т.д. J. Hodson выделяет 4 вида металингвистических проявлений в тексте литературного произведения, которые могут быть применимы к представлению диалекта или варианта английского языка в литературе англо-кельтского пограничья: 1) языковая терминология в тексте литературного произведения (паратекстуально); 2) описание автором от 3 лица манеры речи персонажа (нарративно); 3) описание автором от 1 лица манеры речи персонажа с субъективным комментарием (нарративно); 4) комментарии и размышления персонажей о речи других персонажей и их идиоме (от лица персонажей) [9].

Хотя металингвистические рассуждения могут встречаться и в речи персонажей, в данном произведении они характерны только в авторской речи. Исключением являются отрывки из ораторской речи персонажей о языке, которые идеологически наполнены: *Their language is a rich music*.

Так, языковая терминология в тексте о жизни простых людей используется в речи автора, когда он поясняет использование определенных элементов языка в речи персонажей, например, ласкательного обращения: *The Welsh endearment fell with strange tenderness from her mouth*. Данный пример включает лингвистический термин и манеру произнесения, что имплицитно показывает отношение к языку. В следующих примерах описана манера говорения, когда речь идет о формальных вопросах: *“Yes, indeed,” Reuben answered in the grave melancholy tone that the Welsh people adopt when they discuss ministers. / Committee meetings followed one after the other in the chapel, and, in the usual Welsh style, matters were discussed.*

Автор подчеркивает разницу в манере общения англичан и валлийцев в следующем предложении: *In his fervour he talked in the old way, the Welsh way that conversation with Philip had changed in him.*

Также неоднократно описывается изменение эмоциональной составляющей высказывания при переключении с одного идиома на другой: *There Reuben spoke in Welsh. The language came easily to his tongue and it seemed that his Welsh orations struck still deep into the soul. For the music of religious words blows in a piercing and majestic wind through the Welsh. / She asked with respect, being Welsh. "No Lent to me by Mr Hughes-Williams of Pisgah was the book.*

Необходимо описать и металингвистику песенного дискурса в валлийской культуре, что редко используется в другой литературе пограничья. Валлийцы имеют долгую историю пения и коммуникации через пение. По мнению J. Johnstone, хоровое пение является частью валлийской идентичности [12]. Автор романа подчеркивает следующие черты этнического песенного дискурса.

- Тон валлийских народных песен – тоска, безнадежность, меланхолия, заунывность, мистика: *Finally she sang old Welsh folk-songs – melodies full of Celtic longing and hopelessness, love-songs that seemed to swoon within their melancholy music. She had a rich contralto voice and it lingered over the sentimental songs with a plangent emotion. Morgans and Reuben joined in the singing – old Welsh tunes that never fail to fill their singers with mystic joy.*
- Любовь к религиозной музыке, глубина и четкость исполнения, гармония жизни валлийца и песенного творчества: *Her repertoire consisted of those arias and hymns from the sacred cantatas that the Welsh people so love. Faith burned in him as clearly and simply as love in a child and even when drunk he was always aware of God and could sing all the verses of a Welsh hymn without a mistake and with deep emotion (He was often asked in the pub to give this performance). And father and son remained silent in their meditations, both feeling the music harmony of the religion that is the glory of the Welsh.*

- Исполнение песен с полной отдачей и жаром: *They sang with all the emotional abandonment of the Welsh. When at last they had finished, the air was charged with excited fervour.*
- Пение как древняя национальная черта и занятие: *She was of the old pure Welsh blood, , and he of her descent would in other days have sung poems and carried his harp from village to village, a bard bred of the rough hills and wild people.*

Отмечается, что внимание автора к песенному дискурсу связано с его представлением о валлийцах как глубоко поэтической, духовной и обладающей творческим воображением этничности, что противопоставлено индустриализму общества, в котором они вынуждены существовать [19].

Несомненно, метаязык выполняет две функции в литературе пограничья – как средство описания локального идиома, что не всегда доступно сделать через языковые особенности речи персонажей, и как идеологический инструмент идентичности [10] и, в данном случае, валлийскости. Через метаязык автор описывает речевую деятельность персонажей как уникальную, эмоционально насыщенную, идентично отнесенную, тем самым оказывая воздействие на читателя. В романе Р. Дэвиса вторая функция наиболее очевидна, что обусловлено временем создания романа и его проблематикой. Метаязык песенного дискурса органично включен в сюжет повествования.

3. Валлийскость и образность

Рассмотрим, какие языковые средства использует автор для описания валлийских культурных, социальных и языковых ценностей.

Для описания красоты и уникальности Уэльса и его народа, автор использует религиозные ассоциации – рай (*Paradise*), Бог (*God*), дети бога – и эпитеты *richest, sacred, possession, faithful*. Автор подчеркивает божественную связь народа. Религиозные аллюзии обусловлены сюжетом и тематикой романа, в котором идет речь о религиозном ренессансе в Уэльсе как возвращении к истокам: *With a voice that became the chant of a bard? He spoke to them of the heritage that was their richest possession. Always the country of Wales had been*

the country that was nearest Paradise. They were sacred people – in them God had found his most faithful children.

Коренной исконный народ Уэльса описывается в поэтическом ключе через перечисление древних духовных занятий и связанных с ними талантов: *... the old fearful soul of the Welsh recognized him: even through the ages there had been men such as he – poets, bards, seers, prophets born to the simple worshipping people, reared among them and at the suitable period arising to open the scroll of their sacred talent.*

Автор описывает валлийское возрождение как противопоставление английскому на религиозной почве и сравнивает навязанную англичанами религию с древней валлийской религиозной традицией, дающей свободу и естественность валлийцам. Именно древняя религия гармонирует с валлийским языком, который превращает звучание религиозных слов в проникновенное (*piercing*) и величественное (*majestic*) звучание духовых инструментов. Как указывалось выше, валлийцы имеют богатую музыкальную и песенную культуру, которая является частью их идентичности: *There Reuben spoke in Welsh. The language came easily to his tongue and it seemed that his Welsh orations struck still deeper into the soul. For the music of religious words blows in a piercing and majestic wind through the Welsh language.*

Автор противопоставляет жизнь при навязанной англичанами религии, чуждой духу валлийца (антитеза): *brilliant, flowering souls, young* против *darkness, futility, hopeless, stagnation, miserable, blight, old*: *Then he said: “You Welsh! A race of mystical poets who have gone awry in some way. Alien and aloof in your consciousness of ancient austerity and closing your eyes to the new sensual world. To me there seems to be a darkness over your land and futility in your struggles to assert your ancient nationality. Your brilliant children leave you because of the hopeless stagnation of your miserable Nonconformist towns: the religion of your chapels is a blight on the flowering souls of your young. When I think of Wales I see an old woman become.*

Возрождение древней религии очищает душу и наполняет новой страстью, дает духовную радость: *Soon all Wales was filled with the*

desire to purify itself again. In every county the meetings and services in the chapels began to burn with a new ardour, and everywhere people spoke of their hunger for fresh spiritual joys.

Итак, основные образы валлийскости в романе – красота Уэльса, творческий талант, религиозность и страсть валлийцев – выражаются через стилистические средства, основанные на сравнении и противопоставлении. Автор сравнивает валлийские ценности с вечным, прекрасным и божественным и противопоставляет английскости и связанной с нею ценностями и элементами.

Заключение

1. Диалект в литературном произведении пограничья представлен лексическими и грамматическими особенностями. Валлийскость диалекта равнин обусловлена и представлена в художественном произведении кельтским влиянием в грамматике, использованием культурно-нагруженных реалий и языковым выражением концептов валлийской культуры: обращений как укоренившуюся форму передачи отношения, междометной лексики как формой естественного выражения отношения, названий праздников как элементов духовной культуры, и концептов менталитета народа.

2. Несомненно, метаязык выполняет две функции в литературе пограничья – как средство описания локального идиома, что не всегда доступно сделать через языковые особенности речи персонажей, и как идеологический инструмент идентичности, в данном случае, валлийскости. Через метаязык автор описывает речевую деятельность персонажей как уникальную, эмоционально насыщенную, идентично отнесенную, тем самым оказывая воздействие на читателя. В романе Р. Дэвиса вторая функция наиболее очевидна, что обусловлено временем создания романа и идеями, господствующими в то время в обществе относительно валлийскости, и его проблематикой.

3. Основные образы валлийскости – образ страны, религии, языка и духовности – представлены посредством метафорического описания и системы эпитетов. Автор использует антитезу для противопоставления английскости и валлийскости, прошлого и

настоящего валлийцев. В литературе пограничья противопоставления неминуемы, однако авторы выбирают противопоставление как непреодолимый барьер, который замыкает идентичность в рамках этой границы или как отправную точку для эволюции взаимоотношения идентичностей в сторону их взаимодействия.

Указанные языковые средства представляют собой идеологический инструмент продвижения идентичности и создания ее положительного и уникального образа.

Список литературы

1. Боронин А.А. Лингвистическая лимология: миникомпендиум // Лингвистическая лимология: Сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Москва, 27 октября 2018 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 29-35.
2. Еремина Н.В. Корни Брекзита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 1. С. 87-105.
3. Караваева Д.Н. Британская империя и современная концепция британскости (на материалах британской историографии) // Миф в истории, политике, культуре. 2019. № 3. С. 29-33.
4. Матузкова Е.П. Об английскости // Вісник ОНУ. Сер.: Філологія. 2013. Т. 18. № 2(6). С. 94-101.
5. Нечаева А.А. Валлийская идентичность в XX в.: проблемы переосмысления // Проблемы всеобщей истории. 2016. № 18. С. 252-259.
6. Нечаева А.А. Национальная партия Уэльса и трансформация валлийскости: механизм сохранения национальной идентичности в XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 109-116.
7. Шестакова Н.Ф. Кельтское возрождение в Великобритании (середина XVIII – начало XX века): идентичность и память // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Т. 29. Вып. 4. С. 583-592.
8. Ball M.J. The Use of Welsh: a Contribution to Sociolinguistics. Bristol: Multilingual Matters, 1988, 341 p.

9. Hodson J. *Dialect in Film and Literature*, London: Palgrave Macmillan, 2014, 272 p.
10. Jaworski A., Coulpand N., Galasinski D. *Metalanguage: Social and Ideological Perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004, 324 p.
11. Jenkins R. *Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations*. London: Sage, 1997, 194 p.
12. Johnstone J. *Welshness and Choral Singing: Cognitive and Sociohistorical Aspects of Cultural Identity in North Wales* // *Music Cultures*, 2015, no 42(1), pp. 89-120.
13. Jones B.A. *A History of the Welsh English Dialect in Fiction*. Swansea: Swansea University, 2018, 339 p. URL: <http://cronfa.swan.ac.uk/Record/cronfa44723> (дата обращения: 24.06.2022). DOI: 10.23889/Suthesis.44723
14. Kono Sh. *Lewis Jones and the Making of Welsh “Identity”* // *British Literature in transition, 1920-1940: Futility and Anarchy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, pp. 259-274.
15. Lloyd W. *Welsh Writing in English* // *World Literature Today*. Board of Regents of the University of Oklahoma, 1992, vol. 66, no. 3, pp. 435-438. DOI: 10.2307/40148361
16. Moore D. *The Withered Root by Rhys Davies | The Greatest Welsh Novel* // *Wales Arts Review*. 2017. URL: <https://www.walesartsreview.org/greatest-welsh-novel-17-the-withered-root-by-rhys-davies/> (дата обращения: 24.06.2022).
17. Paulasto H., Penhallurick R., Jones B. *Welsh English*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2020, 287 p.
18. *The Free Dictionary*. URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 24.06.2022).
19. Williams D.G. *Wales Unchained: Literature, Politics and Identity in the American Century*. University of Wales Press. 2015, 272 p.

References

1. Boronin A.A. *Lingvisticheskaya limologiya: minikompendium [Linguistic Limology: minikompendium]*. *Lingvisticheskaya limologiya: Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*

- (g. Moskva, 27 oktyabrya 2018 g.) [Linguistic limology: collection of materials of the International Conference (Moscow, October, 27, 2018)]. Moscow: IIU MGOU, 2019, pp. 29-35.
2. Eremina N.V. Kornj Brekzita: konflikt identichnostej v Soedinennom Korolevstve [Roots of Brexit: a conflict of identities in the United Kingdom]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo* [Contours of global transformation: politics, economics, law], 2017, vol. 10, no. 1, pp. 87-105.
 3. Karavaeva D.N. Britanskaya imperiya i sovremennaya koncepciya britanskosti (na materialah britanskoj istoriografii) [British Empire and modern concepts of Britishness (on the material of British historiography)]. *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myths in history, politics and culture], 2019, no. 3, pp. 29-33.
 4. Matuzkova E.P. Ob anglijskosti [On Englishness]. *Visnik ONU. Ser.: Filologiya* [Bulletin of OSU. Philology], 2013, vol. 18, no. 2(6), pp. 94-101.
 5. Nechaeva A.A. Vallijskaya identichnost' v XX v.: problemy pereosmysleniya [Welsh Identity in the XX century: problems of reinterpretation]. *Problemy vseobshchej istorii* [Problems of General History], 2016, no. 18, pp. 252-259.
 6. Nechaeva A.A. Nacional'naya partiya Uel'sa i transformaciya vallijskosti: mekhanizm sohraneniya nacional'noj identichnosti v XX v. [Welsh National Party and transformation of Welshness: mechanism of preserving national identities in the XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2020, no. 455, pp. 109-116.
 7. Shestakova N.F. Kel'tskoe vozrozhdenie v Velikobritanii (seredina XVIII – nachalo XX veka): identichnost' i pamyat' [Celtic Revival in Great Britain (mid-XVIII-early XX century): identity and memory]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt State University. History and Philology], 2019, vol. 29, no. 4, pp. 583-592.
 8. Ball M.J. *The Use of Welsh: a Contribution to Sociolinguistics*. Bristol: Multilingual Matters, 1988, 341 p.
 9. Hodson J. *Dialect in Film and Literature*, London: Palgrave Macmillan, 2014, 272 p.

10. Jaworski A., Coulpand N., Galasinski D. *Metalanguage: Social and Ideological Perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004, 324 p.
11. Jenkins R. *Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations*. London: Sage, 1997, 194 p.
12. Johnstone J. Welshness and Choral Singing: Cognitive and Sociohistorical Aspects of Cultural Identity in North Wales. *Music Cultures*, 2015, no. 42(1), pp. 89-120.
13. Jones B.A. *A History of the Welsh English Dialect in Fiction*. Swansea: Swansea University, 2018, 339 p. URL: <http://cronfa.swan.ac.uk/Record/cronfa44723> (assessed June 24, 2022). DOI: 10.23889/Suthe-sis.44723
14. Kono Sh. Lewis Jones and the Making of Welsh «Identity». *British Literature in transition, 1920-1940: Futility and Anarchy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, pp. 259-274.
15. Lloyd W. Welsh Writing in English. *World Literature Today. Board of Regents of the University of Oklahoma*, 1992, vol. 66, no. 3, pp. 435-438. DOI: 10.2307/40148361.
16. Moore D. The Withered Root by Rhys Davies | The Greatest Welsh Novel. *Wales Arts Review*, 2017. URL: <https://www.walesartsreview.org/greatest-welsh-novel-17-the-withered-root-by-rhys-davies/> (assessed June 24, 2022)
17. Paulasto H., Penhallurick R., Jones B. *Welsh English*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2020, 287 p.
18. The Free Dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (assessed June 24, 2022)
19. Williams D.G. *Wales Unchained: Literature, Politics and Identity in the American Century*. University of Wales Press, 2015, 272 p.

ДАнные об авторе

Абрамова Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет»

*ул. Веры Волошиной, 24, г. Мытищи, Московская область,
141014, Российская Федерация
abramel@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Abramova, PhD (Philology), Associate Professor, Department
of English Philology
*Moscow Region State University
42, Very Voloshinoi Str., Korolev, Moscow Region, 141014,
Russian Federation
abramel@mail.ru
SPIN-code: 3794-672
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7044-8199>
ResearcherID: GLZ-2338-2022*

Поступила 14.07.2022

После рецензирования 07.08.2022

Принята 19.08.2022

Received 14.07.2022

Revised 07.08.2022

Accepted 19.08.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-235-253

УДК 81'347.78.034

ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛНОЦЕННОГО ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ

Ю.В. Артемьева, Ю.В. Явари

Обоснование. *Задачей исследователей является своевременно устанавливать основные тенденции, ведущие к изменениям в языках, их структурах, чтобы иметь возможность повлиять на негативные явления, обратив их в положительную динамику.*

Цель. *Целью исследования является установление основных методов и приемов перевода реалий в художественном тексте, а также выделение особенностей передачи советизмов с русского языка на английский и немецкий языки и выявление разницы передачи одной и той же лексемы с одного языка на другой в вербальной и вербально-невербальной среде.*

Материалы и методы. *Анализируя и сравнивая переводы на английский и немецкий языки повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и одноименного кинофильма В.В. Бортко, можно утверждать, что переводчики, используя многие из средств и способов передачи реалий в переводе, иногда сходясь во мнениях, иногда выбирая разные пути, отдавая предпочтение средствам, наиболее соответствующим специфике восприятия произведений, чаще всего используют такие способы передачи советизмов, как калькирование, транскрипция, в большинстве случаев в виде «словарной» транскрипции. Это дает возможность говорить об использовании эквивалентов ПЯ (переводящего языка), а также функционального аналога и замены.*

Результаты. *Данные, приведенные в статье, показывают разницу в переводе реалий в повести и ее экранизации. Полученные результаты согласуются с предыдущими наблюдениями и доказывают необходимость продолжать их изучение.*

Область применения результатов. *Отраженные в статье результаты могут быть использованы в исследовательской деятельности, обучении и других сферах образования.*

Ключевые слова: *ментальный подход; ментальный запрос; сравнительный анализ; кинематография; креолизованный текст; дискурс; реалия; адекватность в переводе; художественный перевод; советизм; лозунг; идеологема*

PROBLEM OF ACHIEVING A FULL-FLEDGED REALIA TRANSLATION

J.V. Artemyeva, J.V. Yavary

Background. *The researchers' task is to determine in due time the main trends leading to changes in languages, their structures in order to be able to influence negative phenomena, turning them into positive dynamics.*

Purpose. *The purpose of the study reflected in this article is to establish the main methods and techniques for translating realia in a fiction text as well as to highlight the features of the transfer of Sovietisms from Russian into English and German and identify the difference in the transfer of the same lexeme from one language to another in a verbal and verbal-non-verbal environment.*

Materials and methods. *Analyzing and comparing the translations from Russian into English and into German of the novel Heart of a Dog by M.A. Bulgakov and the film directed by V.V. Bortko of the same name Heart of a Dog, we can assert that translators, using many of the means and methods of conveying the realia in translation, sometimes agreeing in opinions, sometimes choosing different ways, giving preference to the means most appropriate to the specific perception of the works, most often choose such ways of conveying Sovietism as calcification, transcription, in most cases in the form of «vocabulary» transcription, which makes it possible to talk about the use of equivalents, functional analogue and replacement.*

Results. *The data in the article demonstrate the difference of realia translation of the novel and its film adaptation. The results agree well with previous observations and prove the need for further study.*

Practical implications. *The results reflected in the article can be used in research activity, in teaching and other spheres of education.*

Keywords: *mental approach; mental inquiry; comparative analysis; cinematography; creolized text; discourse; realia; translation adequacy; fiction translation; Sovietism; slogan; ideologeme*

Введение

Появление нового дискурса перевода, ставшего результатом цифровой обработки авторского текста, внесло свои коррективы и в сам процесс передачи устной или письменной речи средствами другой вербальной системы и, как следствие, постепенно изменило само мировосприятие людей. Можно наблюдать сильное расслоение *ментальных запросов* разных индивидуумов. С понятием *ментального запроса* связан, прежде всего, так называемый механизм изучения индивидуумом интересующего его вопроса или просто поиск любой проблемы для ее последующего изучения. И если в «*доцифровую эпоху*» процесс *умственного анализа* любого предмета исследования каждым человеком в основном зависел от объема и состава его личностных возможностей и характеристик, в своей совокупности приводящих к определенному результату, то в настоящий момент почти все зависит от степени владения операционными системами, ориентации в программах и умении программирования, а также степени выраженности адаптивной возможности и способности индивидуума. Процесс цифровизации затронул почти все области человеческой деятельности. Не стал исключением и процесс перевода.

Актуальность

Для того, чтобы не потерять преемственность, качество, самобытность и другие характеристики переводческого процесса, необходимо постоянно сравнивать и анализировать результаты переводов разными авторами, разными средствами.

Цель

Целью данной статьи является выявление основных методов и приемов полноценного художественного перевода устной и письменной речи. Авторы сосредоточили свое внимание на способах передачи одних и тех же лексем на другой язык в письменном тексте и устном (экранизированном) дискурсе. В частности, были описаны результаты сравнительного анализа художественного перевода советизмов (и советских реалий) на английский и немецкий языки повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и одноименного кинофильма В.В. Бортко.

Были рассмотрены методы и приемы перевода, используемые разными переводчиками при передаче смысла оригинального устного и письменного текста. Для этого был взят лексический материал, отражающий культурно-исторический срез первой четверти двадцатого столетия, поскольку именно лексико-семантическое содержание языковой структуры демонстрирует яркое отражение эпохи становления нового общественного (советского) уклада. Прежде всего рассматривается появление новых слов, образованных морфологическим путем, в частности, сложных, состоящих из двух и более корневых лексем (сложение основ, корней, смешение этих способов). В лучших образцах художественных произведений запечатлена неповторимая эволюция смысла лексических единиц.

Все особенности жизни различных народов, самобытность их культуры, социальной, духовной и общественно-политической жизни находят отражение в их языках и, прежде всего, в лексических составах этих языков.

Материалы и методы

На коренные изменения в жизни нашей страны после Октябрьской революции 1917 г. и особенности жизни в стране на протяжении всего времени советской власти языки народов, проживавших сначала в Советской России, а потом и в СССР, отреагировали появлением новых лексических единиц (слов и выражений, фраз, аббревиатур, лозунгов и идеологем, терминов какой-либо идеологии,

элементы идеологической системы [13], обозначающих новые объекты, явления и понятия, возникшие из различных сфер жизни страны. Данные лексические единицы называются советизмами [16].

Болгарские исследователи, теоретики и практики перевода С.И. Влахов и С.П. Флорин выделяют три группы советизмов: собственно советизмы; региональные советизмы и интернациональные советизмы [5, с. 129]. К первой группе они относят лексические единицы, обозначающие реалии, характерные для Советского Союза (колхоз, стахановец, дружинник), во вторую группу объединяют советизмы, обозначающие объекты, понятия и явления, встречающиеся, хоть и с незначительными отличиями, во всех социалистических странах, советизмы, входящие в третью группу, достаточно хорошо известны по всему миру (спутник, Совет) [Там же, с. 130].

Л.Н. Соболев, называя советизмы «советскими неологизмами», писал о них как о «советских реалиях» [7, с. 287]. С.И. Влахов и С.П. Флорин, давая определение советизмам, прибегают к дефиниции Г.В. Чернова, включавшего советизмы в состав безэквивалентной лексики и определявшего их как «слова и словосочетания, возникшие за годы советской власти, или старые слова и словосочетания, у которых в этот период возникли новые значения» [5, с. 127].

С одной стороны, советизмы казалось бы можно причислить к реалиям, представляющим собой как названия предметов быта, явлений и понятий и т. п., так и само явление или материальный объект, сопряженный с образным представлением, складывающимся вследствие знакомства с референтом через органы чувств каждого индивидуума, характерные для одного народа или определенного периода времени и совершенно не знакомые для других, поскольку советизмы так же характерны для определенной страны и определенного периода времени.

С другой стороны, не все советизмы обладают основными чертами реалий (ярко выраженный национальный колоритом и отсутствие эквивалентов в других языках). По мнению С.И. Влахова и С.П. Флорина, советизмы имеют специфический, присущий только советскому строю, социальный колорит [Там же, с. 128]. Кроме

того, некоторые советизмы имеют словарные соответствия в некоторых других языках. В языках стран социалистического строя такие эквиваленты появились вслед за новыми объектами, понятиями и явлениями, привнесенными из советской действительности, в языках других стран такие лексические единицы возникли для обозначения особенностей советской жизни, известных жителям этих стран из художественных произведений того времени или СМИ.

Сталкиваясь в своей работе с реалиями, переводчик должен преодолеть определенные трудности, связанные с отсутствием в ПЯ однословных эквивалентов из-за того, что в жизни носителей языка перевода нет объектов, понятий и явлений, т.е. референтов, обозначаемых данными реалиями, а также и необходимостью воспроизвести в переводе национальный колорит оригинала, а не только передать значение реалий. Тот факт, что многие советизмы, в первую очередь советизмы, относящиеся к первой группе, не имеют однословных эквивалентов в некоторых языках, в некоторой степени роднит советизмы с реалиями и создает при переводе сложности, схожие со сложностями, с которыми сталкиваются переводчики при работе с реалиями.

«Региональные советизмы», входящие во вторую группу [Там же, с. 129], довольно часто имеют эквиваленты в других языках, особенно в языках стран социалистического строя, поэтому перевод советизмов данной группы не представляет большого труда для переводчика, поскольку в его распоряжении во многих случаях находятся лексические единицы ПЯ, эквивалентные лексическим единицам ИЯ (исходного языка).

Лексические единицы, относящиеся к третьей группе «интернациональных советизмов» [Там же], настолько хорошо известны по всему миру, что не требуют пояснений, а некоторые из них в своё время были заимствованы и освоены другими языками: «*Совет*» – англ. ‘*Soviet*’ и немецк. ‘*Sowjet*’ или «*большевик*» – англ. ‘*bolshevik*’, немецк. ‘*Bolschewik*’ и франц. ‘*bolchevik*’, ‘*bolchevique*’, ‘*bolcheviste*’; «*спутник*» (советский искусственный спутник) – англ. ‘*sputnik*’, немецк. ‘*Sputnik*’ и франц. ‘*spoutnik*’ [23].

Однако в задачах переводчика при работе с реалиями и советизмами, помимо сходств, существуют и различия. С.И. Влахов и С.П. Флорин основным из таких различий считают необходимость при переводе советизмов учитывать язык, на который осуществляется перевод, точнее, получателей перевода, носителей ПЯ [Там же, с. 128]. Действительно, жители стран так называемого социалистического лагеря были лучше знакомы с особенностями советского образа жизни из-за появления в этих странах вместе с социалистическим строем предметов, понятий и явлений, характерных для СССР, а также вследствие более тесных, чем у других стран, социально-культурных связей с Советским Союзом. Жители капиталистических стран об образе жизни в СССР имели довольно смутные, а в некоторых случаях и превратные понятия, которые черпались в основном из средств массовой информации и пропаганды, нередко носящих антисоветский характер. Именно поэтому жители стран капиталистического строя нуждались в пояснении советских реалий в значительно большей степени, чем представители стран социалистического строя.

Выбор средств для передачи советизмов в переводе зависит от характера самих этих лексических единиц. Так, например, поскольку многие советизмы, «собственно советизмы» [Там же, с. 129], не имеют однословных эквивалентов в некоторых языках, на которые может осуществляться перевод, что и роднит их в некоторой степени с реалиями. Практически все способы передачи реалий на ПЯ [4, с. 118-120] пригодны для перевода советизмов данной группы. что и можно наблюдать при анализе переводов различных произведений на английский и немецкий языки:

Транскрипция: «большевизм» [3, с. 143] – англ. ‘bolshevism’ [9]; «милиционер» – немецк. ‘*Milizionär*’ [20], однако в данных случаях уместнее говорить не о транскрипции, а о «словарной транскрипции», т.е. о лексических единицах, освоенных ПЯ, некогда транскрибированных при заимствовании из ИЯ, которые заняли свое место в лексическом составе ПЯ и отражены в словарях [8, с. 222].

Калькирование: «Совет нормального питания» [3, с. 121] – ‘The National Economic Council’ [9]; «домком» [3, с. 140] – ‘house

committee’ [9]; «заведующий культотделом дома» [Там же, с. 141] – ‘manager of the cultural department of this house’ [9]; (исполнительный комитет) [6, с. 10] – немецк. *‘Exekutivkomitee’* [11, с. 12].

Функциональный аналог: «завхоз» [3, с. 122] – ‘manager’ [9]; «милиционер» [Там же, с. 127] – ‘policeman’ [9].

Описательный перевод: «уплотнение» [3, с. 138] – ‘increasing the occupancy’ (of this house) [9]; «чуждый элемент» [6, с. 44] – англ. ‘undesirable element’ (нежелательный элемент) [10]; «лимитчики» [18] (общее название (зачастую пренебрежительное) людей, которые заключили контракт с предприятием по «лимиту пропуски», форме привлечения неквалифицированной рабочей силы (в том числе оргнабор) на промышленные предприятия в крупных городах в СССР в 1950-80-х гг.) [14]) – ‘They are in Moscow on a quote’ [19].

Гиперонимический перевод: «жилтоварищ» (член жилтоварищества [12]) [3, с. 126] – ‘tenant’ (жилец, съёмщик) [9]; «Абрау-дюрсо» [3, с. 122] – ‘champagne’ [9].

Выбор средств для передачи советизмов в переводе зависит в первую очередь от характера самих лексических единиц. Так, например, поскольку «собственно советизмы» [5, с. 129] наиболее близки реалиям, при их передаче на ПЯ часто используются калькирование или транскрипция, при которых необходимо пояснение. Возможны также и другие способы передачи реалий.

Кинематограф является креолизированным текстом, т.е. текстом, фактуру которого составляют две разнородные части: вербальная (языковая/речевая) и невербальная (принадлежащая к другим знаковым системам, нежели естественный язык). В основе большинства кинофильмов лежат произведения художественной литературы. Соответственно, текст кинопроизведения может считаться объектом художественного перевода.

В различные годы на определенных этапах развития кинематографа произведения имели различные соотношения вербальной и невербальной составляющих в своей структуре. В эпоху немого кино вербальный компонент был предельно краток и выносился в отдельный кадр, и поэтому работа переводчика того времени была относительно

несложной и заключалась в выполнении зрительно-письменного перевода в рамках определенного объема. Из-за отсутствия звукового ряда актерам приходилось передавать на экране развитие сюжета и образы персонажей за счет активной жестикуляции и мимики. Многие из происходящего на экране не нуждались в переводе на другой язык, поскольку было понятно и без слов. С появлением звукового кино пропорция вербального и невербального компонентов значительно сместилась в сторону увеличения вербальной составляющей. Первоначально переводы кинокартин сопровождались титрами, однако позже стали производить дубляж, переводя на другие языки, и сложностей в работе переводчика стало значительно больше.

Работающие с кинотекстом переводчики сталкиваются с проблемой пояснять реалии и другие лексические единицы гораздо реже своих коллег, выполняющих перевод литературных художественных произведений, которые при такой необходимости имеют возможность приводить пояснения реалий и других фактов и понятий, нуждающихся в объяснении, непосредственно в тексте перевода и/или в комментариях в конце книги, которые С.И. Влахов и С.П. Флорин считают неудачным вариантом [5, с. 82], или, что предпочтительнее, в сносках внизу страницы. При переводе произведений кинематографа необходимость пояснения некоторых объектов, явлений и понятий снижается вследствие демонстрации их на экране. В первую очередь это предметы быта, одежда, еда, напитки и некоторые действия (традиции и обряды). В этих случаях зрители получают визуальное представление и не нуждаются в пояснениях. Однако представления, получаемые в результате демонстрации фильма, не всегда могут быть полными, т.к., зрители, опираясь лишь на визуальный образ, могут составить представление об одном лишь внешнем виде предмета, а его название остается для них неизвестным. Кроме того, о его назначении и других свойствах остается только догадываться.

Результаты и обсуждение

При сравнении и анализе различных переводов реалий и других лексических единиц в кинематографических произведениях, нуж-

дающихся в пояснении для получателей перевода, можно сделать вывод, что необходимыми средствами художественного перевода остаются различные виды трансформаций, как лексических, так и грамматических, а также транскрипция, транслитерация и некоторые другие способы, которые использовались много лет назад при переводе немого кино, когда на экране преобладала невербальная составляющая, а задача переводчика заключалась в зрительно-письменном переводе вынесенной в отдельный кадр вербальной составляющей. Однако некоторые способы передачи реалий в произведениях художественной литературы, часто применяемые переводчиками, например, описательный перевод (толкование) из-за специфики жанра встречаются довольно редко [2, с. 106].

В произведениях кинематографа количество реалий и другой безэквивалентной лексики, подлежащей передаче на другой язык, как правило, намного меньше, чем в произведениях художественной литературы, поскольку переводу подвергается лишь вербальная составляющая кинематографического произведения, обычно содержащаяся в репликах персонажей, или, что встречается гораздо реже, в закадровом тексте, представляющем собой внутренний монолог героев или текст автора.

Фильм В.В. Бортко «Собачье сердце» содержит значительное количество советизмов и реалий, передача которых требуется при переводе фильма на английский язык. Данные лексические единицы встречаются не только в репликах персонажей, но и в закадровом тексте, представляющем внутренний монолог главного героя (пса Шарика). При этом, в отличие от повести, данный монолог содержит только мысли и чувства Шарика и не описывает происходящие с ним, что передаётся при помощи видеоряда, поэтому количество советизмов, подлежащих переводу в кинофильме, меньше, чем в повести.

При переводе на английский язык повести «Собачье сердце» и одноименного фильма переводчики выбирают средства для передачи советизмов, руководствуясь особенностями переводимых произведений, так, например, некоторые организации имеют длинные названия, которые плохо воспринимаются на слух, поэтому пере-

водчик повести передает название «*Моссельпром*» [3, с. 125] (Московское губернское объединение предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственной промышленности – существовавшая в 1922-1937 гг. хозрасчетная торгово-промышленная организация, объединявшая крупные государственные фабрики и заводы пищевой промышленности [15]) описательно, предварительно разбив сложносокращенное слово на составляющие части: «Московская, сельскохозяйственная промышленность» – ‘*Moscow State groceries*’ (Московский государственный продовольственный магазин) [9], в то время как переводчик кинофильма во избежание восстановления в переводе громоздкой формы названия торговой организации, способной вызвать затруднения у зрителей при восприятии ее на слух, использует транскрипцию – ‘*Mosselprom*’ [21] без каких-либо пояснений, поскольку формат кинопроизведения практически, за исключением редких случаев [1], не дает возможности пояснения реалий и других, нуждающихся в этом лексических единиц (как описательный перевод, сноски в письменном тексте). В данном случае зрители дублированного фильма, хотя и знакомятся с реалией из жизни Советской России, могут лишь догадываться, что речь идет о торговой организации. Кроме того, название данной организации не имеет значения для развития сюжета, и в данном конкретном случае мог бы иметь место нулевой перевод. Однако названия трех других организаций: «Центральный совет народного хозяйства» [3, с. 120], «Совет Нормального питания» [Там же, с. 121] и «Москвошвея» [Там же, с. 165] обоими переводчиками на английский язык передаются при помощи калькирования: ‘*The National Economic Council*’ [9], ‘*Central Council of National [movie]*’, ‘*Food Rationing Board*’ [Там же], ‘*Normative Nourishment u Moscow State Clothing Stores*’ [9; 21] соответственно.

Такое явление советской действительности, как «уплотнение» [3, с. 138] (изъятие в Советской России в 1918-1920 гг. излишков жилплощади, проведенное в крупнейших промышленных центрах в отношении квартир, арендуемых населением у крупных владельцев жилых площадей в доходных домах и других крупных частных

домовладениях) [17], переводчик повести передал описательно – ‘increasing the occupancy (of this house...)’ (увеличение числа людей в помещении, населенности), а переводчик фильма, возможно из-за сложности восприятия на слух довольно длинной конструкции, использует пояснение явления одним словом – ‘*partition*’ (разделение), в результате чего зрители фильма получают представление о проблеме жителей дома не сразу, а из последующих реплик: “*There’re new residents just been put into Flat Three*”. Такой советизм, как «жилтоварищ» [3, с. 126] (член жилтоварищества [12]), оба переводчика передают на английский язык при помощи гиперонима со значением «жилец», выбирая различные английские варианты: ‘tenant’ [9] и ‘resident’ [21] соответственно.

Сложносокращенные названия организаций в большинстве случаев передаются при помощи калькирования элементов, составляющих сложносокращенное слово: «домком» (домовой комитет) – ‘*House Management Committee*’, «культотдел» [3, с. 141] – ‘*Cultural department of this house*’. Калькирование используется обоими переводчиками и для передачи названий некоторых характерных для советской действительности должностей: «заведующий культотделом дома» [3, с. 141] – ‘*Chairman of the cultural department of this house*’ [21]. В обоих переводах встречаются и транскрипции, но в большинстве случаев это не переводческие транскрипции, а словарные эквиваленты из ПЯ [8, с. 222], например, «*balalaika*». Переводчики используют также такой способ передачи реалий, как замена реалии ИЯ реалией ПЯ, например, при передаче русской меры «осьмушка» (мяса) [3, с. 121] переводчик повести производит замену реалии «осьмушка» на более понятную англоязычному реципиенту перевод – ‘*inch*’ (дюйм) (of meat), а русскую реалию «трактир» [Там же, с. 167] переводчик фильма заменяет на английскую ‘pub’ [21], а переводчик повести использует функциональный аналог ‘bar’ [9]. Такие варианты передачи реалий приводят к формированию у получателей перевода достаточного понятия о называемых объектах, явлениях и понятиях, однако придают переводу не исходный, а иностранный колорит. В некоторых случаях замены реалий на более

известные не ведут к утрате исходного колорита, но лишь в случаях замены менее известной реалии ИЯ более известной реалией, но не из арсенала ПЯ, а из ИЯ: «четыре с половиной червонца» [Там же, с. 121] в обоих переводах заменяются рублями, однако переводчик повести, вероятно, имеющий недостаточное понятие о данной денежной единице, приравнивает четыре с половиной червонца к шестидесяти рублям [9], а переводчик фильма устанавливает верное соотношение: ‘45 roubles’ [21].

Для передачи на английский язык таких лексических единиц, как «милиционер» и «милиция» [3, с. 176], оба переводчика прибегают к способу функциональной замены – ‘police’, давая получателю перевода довольно полное представление о структуре и ее представителе, обозначаемых данными лексическими единицами, однако теряя при данном способе передачи национальный и социальный колорит, приравнивая советскую милицию к западной полиции. На примере перевода данной лексической единицы можно отчетливо наблюдать различия в задачах переводчиков при переводе советизмов на другие языки. Так, для передачи данной лексической единицы на немецкий язык в романе И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Золотой теленок» и фильме В.В. Меньшова «Москва слезам не верит» переводчики используют эквивалент из арсенала немецкого языка – *Milizionär* [11, с. 58; 19], заимствованный при помощи транскрипции из русского языка, освоенный немецким языком и вошедший в словарь немецкого языка [23; 22, с. 2508], в данном случае оба переводчика делают правильный выбор, несмотря на наличие в немецком языке синонима *Polizist* [23; 22, с. 2828], который, в отличие от *Milizionär*, также как и английское *police* и *policeman*, не передает национальный и социальный колорит данного советизма.

Заключение

Анализируя и сравнивая переводы на английский язык повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и одноименного кинофильма В.В. Бортко, можно утверждать, что переводчики, используя многие из средств и способов передачи реалий в переводе, иногда сходясь во

мнениях, иногда выбирая разные пути, отдавая предпочтение средствам, наиболее соответствующим специфике восприятия произведений, наиболее часто выбирают такие способы передачи советизмов, как калькирование, транскрипция, в большинстве случаев в виде «словарной» транскрипции [8, с. 222], что дает возможность говорить об использовании эквивалентов ПЯ, функционального аналога и замены.

Перевод советизмов представляет для переводчиков непростую, но интересную задачу, поскольку каждому из них, независимо от наличия эквивалента в ПЯ, нужно донести до сознания иностранных получателей перевода, имеющих довольно часто скудное, если не превратное, представление об описываемых событиях. Поэтому задача переводчика состоит в создании такого перевода, чтобы в результате у читателя и/или зрителя сложилась адекватная картина действительности, изображаемая автором произведения.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Список литературы

1. Артемьева Ю.В., Явари Ю.В. Средства осмысления реалий в кинематографе // Языки. Культуры. Перевод: Российское кино: вчера, сегодня, завтра: V Международный научный форум; 02-09 июля, 2017 г., Афины, Греция: Материалы форума. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 5-9.
2. Артемьева Ю.В., Явари Ю.В. Перевод реалий в произведениях кинематографа // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С.101-109.
3. Булгаков М.А. Собачье сердце // Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Мастер и Маргарита: Повести и роман / Сост. и ред. И.В. Тулинов. Архангельск: Сев.-Зап. изд-во, 1989. С. 119-212.

4. Виноградов В.С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 5-е изд. М.: КДУУ, 2009. 238 с.
5. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. изд. 4-е, М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
6. Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. Роман. М.: Мартин, 2015. 320 с.
7. Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Лит. на иностр. яз., 1952. 402 с.
8. Явари Ю.В. Транскрипция как один из способов передачи реалий в переводе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 2. С. 219-224.
9. Bulgakov M. Heart of a Dog. URL: <https://www.studyenglishwords.com/book/Собачьё-сердце/336?page=1> (дата обращения: 18.07.2018).
10. Ilf I., Petrov E. The Golden Calf. URL: <https://www.studyenglishwords.com/book/Золотой-теленок/428?page=1> (дата обращения: 18.07.2018).
11. Ilf I., Petrow J. Das goldene Kalb oder die Jagt nach der Million. Roman. [aus dem Russischen von Thomas Reschke]. 1. Auflage. Verlag Volk und Welt, Berlin, 1979, 428 S.
12. Словарь Академик. URL: <https://sovdep.academic.ru/1061/%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%89> (дата обращения: 18.10.2019).
13. Словарь Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1377839> (дата обращения: 02.09.2022).
14. Наука. Club. URL: <https://nauka.club/istoriya/limita-v-sssr-kak-zhili-i-rabotali-krepostnye.html> (дата обращения: 02.09.2022)
15. Словарь Академик. URL: <https://sokrasheniya.academic.ru/33777/Моссельпром> (дата обращения: 02.09.2022)
16. Лингвострановедческий словарь «Россия». URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Советизм/C1-C2> (дата обращения: 02.09.2022)
17. Карта знаний. URL: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Уплотнение+%28жильё%29> (дата обращения: 02.09.2022)

18. Москва слезам не верит [фильм] / Реж. В. Меньшов. Мосфильм, 1979. URL: <https://www.lordfilms.tv/28157-moskva-slezam-ne-verit> (дата обращения: 05.05.2019).
19. Moscow does not believe in tears [фильм]. URL: <https://sovietmoviesonline.com/moscow-does-not-believe-in-tears-dubbing.html> (дата обращения: 18.10.2019)
20. Moskau glaubt in Tränen nicht [фильм]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tTkF7s1fDtE> (дата обращения: 13.08.2017).
21. Heart of a Dog [фильм]. URL: <https://sovietmoviesonline.com/ru/comedy/87-sobache-serdce.html> (дата обращения: 19.10.2019).
22. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin: Akademie Verlag, 1968, 4580 S.
23. АБВУД Lingvo x5 Professional 20 Languages [программное обеспечение]. <https://www.abbyy.com/>

References

1. Artemyeva J.V., Yavary J.V. Sredstva osmysleniya realij v kinematografe [Means of realia comprehension in cinematography]. *Jazyki. Kul'tury. Perevod: Rossiiskoe kino: vchera, segodnya, zavtra: materialy V Mezhdunarodnogo foruma* [Languages. Cultures. Translation: Russian Cinematography: Yesterday, Today, Tomorrow. Materials of the 5th International Forum], 2017, Athens, Greece. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 5-9.
2. Artemyeva J.V., Yavary J.V. Perevod realij v proizvedeniyah kinematografa [Translation of realia in cinematography]. *MGOU Buletin* [Bulletin of Moscow Region State University]. Series: Linguistics, 2018, no 1, pp.101-109.
3. Bulgakov M. Sobach'ye serdtse [The heart of a Dog]. *D'javoljada; Rokovye yaitsa; Sobach'ye serdtse; Master i Margarita. Povesti i roman* [D'javoljada; Fatal eggs; Heart of a Dog; The Master and Margarita. Stories and a novel]. Archangelsk: Sev.-Zap. Izd. Publ., 1989, pp. 119-212.
4. Vinogradov V.S. *Perevod. Romanskije yazyki: obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation. Romance languages: general and lexical issues]. Moscow: KDUU Publ., 2009, 238 p.

5. Vlahov S.I., Florin S.P. *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in translation]. 4th ed. Moscow: R. Valent, 2009, 360 p.
6. Ilf I., Petrov Y.P. *Zolotoy telyonok. Roman* [The Gold Calf. Novel] Moscow: Martin Publ., 2015, 320 p.
7. Sobolev L.N. *Posobiye po perevodu s russkogo yazyka na frantsuzskij* [Guide to translation from Russian into French]. Moscow: Lit. na inostr. yaz. Publ., 1952, 402 p.
8. Yavari Yu.V. Transkripcia kak odin iz sposobov peredachi realij v perevode. [Transcription as one of the modes of expressing realia in translation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2017, no. 2, pp. 219-224.
9. Bulgakov M. Heart of a Dog. URL: <https://www.studyenglishwords.com/book/Соба́чье-сердце/336?page=1> (accessed July 18, 2018)
10. Ilf I., Petrov E. The Golden Calf. URL: <https://www.studyenglishwords.com/book/Золотой-теленок/428?page=1> (accessed July 18, 2018)
11. Ilf I., Petrov J. Das goldene Kalb oder die Jagt nach der Million. Roman. [aus dem Russischen von Thomas Reschke]. 1. Auflage. Verlag Volk und Welt, Berlin, 1979, 428 S.
12. Academic Dictionary. URL: <https://sovdep.academic.ru/1061/%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%89> (accessed October 18, 2019).
13. Academic Dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1377839> (accessed September 02, 2022).
14. *Nauka. Club* [Science. Club]. URL: <https://nauka.club/istoriya/limitativ-sssr-kak-zhili-i-rabotali-krepostnye.html> (accessed September 02, 2022).
15. Academic Dictionary. URL: <https://sokrasheniya.academic.ru/33777/Моссельпром.html> (accessed September 02, 2022).
16. *Lingvostranovedcheskiy slovar Rossia* [Linguistic Cultural Dictionary *Russia*]. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Советизм/C1-C2> (accessed September 02, 2022).
17. *Karta znaniy* [Knowledge Card]. URL: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Уплотнение+%28жильё%29> (accessed September 02, 2022).

18. *Moskva slezam ne verit* [Moscow does not believe in tears (movie)]. Mosfilm, 1979. URL: <https://www.lordfilms.tv/28157-moskva-slezam-ne-verit> (accessed May 05, 2019).
19. *Moskva slezam ne verit (film na angliiskom yazyke)* [Moscow does not believe in tears] (In English). URL: <https://sovietmoviesonline.com/moscow-does-not-believe-in-tears-dubbing.html> (accessed October 18, 2019).
20. *Moskau glaubt in Tränen nicht*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tTkF7s1fDtE>. (accessed August 13, 2017).
21. *Heart of a Dog* [Sobach'ye serdtse] (In English). URL: <https://sovietmoviesonline.com/ru/comedy/87-sobache-serdce.html> (accessed October 19, 2019).
22. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin: Akademie Verlag, 1968, 4580 S.
23. АБВУУ Lingvo x5 Professional 20 Languages [программное обеспечение]. <https://www.abbyy.com/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Артемьева Юлия Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков
ФГБВОУ Академия гражданской защиты МЧС России
ул. Соколовская, 1, Новогорск, г. Химки, Московская обл.,
141435, Российская Федерация
artjul67@mail.ru

Явари Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Тверской государственный технический университет
наб. А. Никитина, 22, Тверь, 170026, Российская Федерация
juliavy@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Julia V. Artemyeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages

The Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters

1, Sokolovskaya Str., Novogorsk, Khimki, Moscow Region, 141435, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7919-1000>

artjul67@mail.ru

Julia V. Yavari, senior lecturer of the foreign languages subdepartment

Tver State technical University

22, Naberezhnaya A. Nikitina, Tver, 170026, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3673-4770>

juliavy@yandex.ru

Поступила 11.08.2022

После рецензирования 24.08.2022

Принята 22.09.2022

Received 11.08.2022

Revised 24.08.2022

Accepted 22.09.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-254-269

УДК 81-26

**АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА КУЛИНАРНЫХ
ШОУ ДЖЕЙМИ ОЛИВЕРА С АНГЛИЙСКОГО
НА РУССКИЙ ЯЗЫК)**

Е.В. Жучкова, А.А. Шагеева, С.А. Иванова

Обоснование. В данной статье рассматривается специфика гастрономического дискурса в переводческом аспекте применительно к одной из наиболее востребованных в современных условиях его реализаций – аудиовизуальному переводу. В работе представлен обзор базовых теоретических проблем, связанных с разграничением дискурсов и уточнением терминологического инструментария для их наименования в рамках темы «пища». Многообразие научных подходов к определению и классификации основных понятий такого рода изысканий (П.П. Буркова, И.Е. Зайцева, Н.Н. Кацунова, Ф.Л. Косицкая, А.В. Олянич и др.) подтверждает дискуссионность заявленной проблематики и, следовательно, её актуальность, в том числе для нашего исследования.

Цель. Выявить переводческие стратегии передачи гастрономического дискурса с английского языка на русский язык.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили британские кулинарные телепрограммы Джейми Оливера с 2005 по 2017 гг. и их перевод для русскоязычной аудитории, выполненный телевизионными каналами Foxlife, Телекафе, Кухня ТВ. Изучение языковых явлений осуществлялось с применением сравнительно-сопоставительного и критического анализов.

Результаты. В статье описаны продуктивные стратегии перевода гастрономического дискурса с английского языка на русский язык, систематизированы наиболее часто допускаемые при этом переводческие ошибки и обозначены возможности их преодоления.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в переводческой практике при передаче англоязычного контента на русский язык для последующего дубляжа кулинарных телешоу; для исследования гастрономического дискурса на другом материале; в вузовских курсах по стилистике, теории и практике перевода; в методике обучения иностранным языкам.*

Ключевые слова: *аудиовизуальный перевод; гастрономический дискурс; дубляж; кулинарное шоу; переводческие трансформации*

**AUDIOVISUAL TRANSLATION
OF GASTRONOMIC DISCOURSE (ILLUSTRATED
BY JAMIE OLIVER'S COOKING SHOWS TRANSLATIONS
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN)**

E.V. Zhuchkova, A.A. Shageeva, S.A. Ivanova

The paper considers characteristics of gastronomic discourse through the lens of the audiovisual translation being one of the most popular and demanded types of translation today. The paper is a review of the main theoretical treatments of discourses and terminological aspects related to the topic "food". A great variety of approaches to defining and classifying the main concepts of such studies (P.P. Burkova, I.E. Zaïceva, N.N.Kacunova, F.L. Kosickaya, A.V. Olyanich) indicates that the issue is open to discussion and serves as a motivation for our research.

Purpose. *The study aims to find translation strategies in rendering gastronomic discourse from English into Russian.*

Material and methods. *Jamie Oliver's TV cooking shows from 2005 to 2017 and their translations into Russian made by Foxlife, Telecafe, Kuchnya TV channels. Contrastive method and critical analysis are used as the main methods of the study.*

Results. *The paper describes effective translation strategies of gastronomic discourse from English into Russian, systematizes common translation mistakes and offers their possible solutions.*

***Practical implications.** The results can be used in translation and interpreting when rendering the English content into Russian for further dubbing of TV cooking shows; in further studies of gastronomic discourse; in university courses of stylistics, theory and practice of translation; in teaching language training methods.*

***Keywords:** audiovisual translation; gastronomic discourse; dubbing; cooking show; translation transformation*

В настоящий момент нет одного установившегося названия для обозначения дискурса, включающего в себя продукты питания, способы и методы приготовления блюд, оценку качества блюд, а также способы их подачи. Это можно объяснить тем, что дискурс не имеет четких границ и находится в состоянии постоянного развития. Анализ литературы по вопросу исследования показал, что было предпринято несколько попыток объединить все аспекты, связанные с темой «пища». Так, в работах современных исследователей встречаются понятия «кулинарный», «глуттонический» и «гастрономический» дискурс. Н.Н. Кацунова отмечает, что выделенная М. Хэллидеем «тема» дискурсов традиционно считается основой для классификации, однако размытость понятий и выбор одних и тех же критериев может в итоге приводить к излишней терминологии. Таким образом, происходит «синонимизация» дискурсов, которые на самом деле дублируют друг друга [1, с. 197].

Среди вышеупомянутых вариантов термин «гастрономический дискурс» встречается чаще всего. Н.Н. Кацунова высказывается о специализированности данного дискурса и утверждает, что под гастрономическим дискурсом должен пониматься дискурс экспертного общества, в котором участниками становятся либо профессионалы, обладающие высокими навыками приготовления пищи, либо люди с глубокими познаниями в области гастрономии [1, с. 199]. Такое понимание гастрономического дискурса складывается из характеристик самой гастрономии. Например, Ф.Л. Косицкая и И.Е. Зайцева указывают на такие компоненты, как «изошренный вкус в еде и понимание тонкостей кулинарного искусства», «наука,

изучающая связь между культурой и пищей». Авторы делают вывод, что гастрономический дискурс – тип коммуникации, который участвует в процессе приобретения, приготовления и потребления пищи. Кроме того, важной частью гастрономического дискурса является оценка качества блюда и его подачи [2, с. 26]. Гастрономический дискурс, согласно авторам, многомерен и неоднороден, так как представляет собой взаимодействие между ресторанным, академическим (учебным) кулинарным дискурсом, гастрономическим медиадискурсом и т.д.

Понятие «кулинария» также широко употребляется в значении «искусство приготовления пищи». Неотъемлемой частью кулинарии является наличие специального оборудования и определенных правил (рецептов). Н. Н. Кацунова предлагает включать понятие «гастрономия» в понятие «кулинария» для описания особого вида деятельности с более узким набором характеристик, так как кулинария в отличие от гастрономии не ограничивается какими-либо техниками приготовления, набором продуктов и навыками готовящего. Ф.Л. Косицкая и И.Е. Зайцева, наоборот, рассматривают кулинарию как часть гастрономии, так как под кулинарией понимается приготовление пищи с помощью специального оборудования [3, с. 153]. Неоднозначность разграничения этих двух понятий также затрагивает и участников данных дискурсов. Согласно Н.Н. Кацуновой, для гастрономического дискурса характерно взаимодействие между двумя профессионалами, в то время как для кулинарного дискурса типичны отношения профессионал/непрофессионал. Таким образом, в рамках кулинарного дискурса происходит передача знаний о приготовлении пищи от одного субъекта к другому [1, с. 199].

П.П. Буркова описывала участников гастрономического дискурса таким образом: «“автор” – человек, обладающий большим опытом, навыками, умениями, знаниями в области кулинарии, и “клиент”, собирающийся что-либо приготовить» [3, с. 151], при этом она рассматривает участников не кулинарного, а гастрономического дискурса. Однако в последующих работах П.П. Буркова уже использует термин «кулинарный» дискурс [Там же, с. 152].

Глюттонический дискурс – термин, появившийся в работах нескольких российских ученых. А.В. Олянич рассматривает глюттоническую коммуникацию как отражение потребности в пище, а также культурных составляющих (ритуалов) приготовления и ее потребления. При этом А.В. Олянич использует термин «глюттотония» и для описания всего процесса добычи, приготовления и потребления пищи, что позже находит отклик в работах других авторов. Стоит отметить, что ученый относится к понятиям «глюттонический» и «гастрономический дискурс» как к взаимозаменяемым [4]. Позже автор поясняет, что под глюттоническим дискурсом понимается «коммуникация, связанная с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [Там же, с. 426]. Н.Н. Кацунова сомневается в целесообразности выбора понятия «глюттотония» ввиду того, что само это слово не зафиксировано в словарях русского языка и до сих пор является неологизмом. Автор отмечает, что термин «gluttire» был взят из латинского языка, однако значение глюттотонии ограничивается лишь потреблением пищи (зачастую обозначает чрезмерное употребление пищи) [1, с. 200].

Как видно из приведенного краткого обзора ключевых понятий нашего исследования, на сегодняшний день не наблюдается единого мнения относительно терминов «гастрономический», «кулинарный» и «глюттонический» дискурс, что приводит к своеобразному терминологическому сбою: одни ученые рассматривают эти термины как синонимичные и взаимозаменяемые, другие считают, что за данными терминами стоят разные понятия, следовательно, они не являются синонимичными. В нашей работе в качестве основного будем использовать термин «гастрономический дискурс», обозначающий дискурс, который включает в себя продукты питания, способы и методы приготовления блюд, оценку качества блюд, а также способы их подачи. Будем считать также, что данное понятие включает в себя понятия «кулинарный» и «глюттонический» дискурс, т.е. выступает по отношению к ним как общее.

В качестве **материала для изучения** особенностей перевода гастрономического дискурса с английского языка на русский в данной

работе выбраны кулинарные шоу Джейми Оливера, выходявшие в период с 2005 по 2017 гг. Были проанализированы программы Jamie's Great Italian Escape (2005), Jamie at Home (2007), Jamie's 30-Minute Meals (2010), «Jamie's Food Escapes» Marrakesh (2010), Jamie Cooks Summer (2011), Jamie's 15-Minute Meals (2012), Jamie's Comfort Food (2014), Jamie's Quick & Easy Food (2017) и их перевод для русскоязычной аудитории, предоставленный телевизионными каналами Foxlife, Телекафе, Кухня ТВ.

Перевод кулинарных шоу относится к аудиовизуальному переводу (АВП) – одному из самых популярных на сегодняшний день объектов переводоведения. Однако перевод гастрономического дискурса менее изучен по сравнению с переводом фильмов, сериалов, ситкомов и мультипликационных фильмов. Вместе с тем, растущее количество поступающих на российский рынок кулинарных шоу доказывает **целесообразность изучения гастрономического дискурса и особенностей его перевода.**

Во всех исследованных нами случаях для перевода кулинарных шоу использовался дубляж – процесс замены голосовой дорожки языка оригинала на язык перевода. Будучи видом аудиовизуального перевода, дубляж полисемантичен: «...аудиовизуальные тексты изначально полисемантически. Реципиенты аудиовизуальных материалов одновременно являются и зрителями, и слушателями, и читателями. Они обрабатывают информацию сразу на нескольких уровнях декодирования» [5, с. 7]. Поэтому «АВП – это создание нового полисемантического единства на языке-реципиенте на основе единства, существовавшего на исходном языке» [Там же, с. 13]. Данные положения, сформулированные А.В. Козуляевым (руководителем Школы аудиовизуального перевода, одним из ведущих переводчиков видеоконтента в России), являются **методологической базой** проведенного нами **анализа** особенностей перевода кулинарных шоу с английского языка на русский.

А.В. Козуляев также отмечает, что при переводе под полный дубляж переводчик сталкивается с множеством трудностей. Текст дубляжа должен создавать иллюзию, что это живая речь героев, по-

этому он занимает промежуточное положение между письменным и устным текстом. Так, переводчику необходимо на основании параллельных смысловых потоков синтезировать текст, а затем осуществить пересоздание целостного семантического целого текста на языке перевода. Это может быть достигнуто с помощью соблюдения временных рамок реплик оригинала и подбора визуально похожих произносимых актерами звуков. Спонтанная речь содержит паузы и запинки, а также там встречается повтор одной и той же мысли, что отсутствует в заранее написанном сценарии, однако должно присутствовать в переводе [Там же, с. 13].

В результате проведенного нами **анализа передачи англоязычного гастрономического дискурса на русский язык** на примере перевода кулинарных шоу Джейми Оливера были **выявлены следующие особенности**.

Самой употребляемой трансформацией при переводе является **генерализация**. Так, если время приготовления блюда или количество продуктов указано приблизительно, то при переводе на русский язык время округляется, а предполагаемое количество ингредиентов не указывается, например: *cook for 30-35 minutes – готовьте около получаса; add some olive oil, a good knob of butter – нагрейте оливковое или сливочное масло; two semi-heaped teaspoons – пара ложек; with lots of lime – с добавлением лайма; halve the lemon – возьмем дольки лимона*. Встречаются также случаи, когда генерализации подвергаются наименования блюд и продуктов, а также их характеристики: *you can use cabbage... like the old coleslaw – можно использовать капусту... более традиционно*. В данном примере англоязычное наименование блюда – coleslaw, означающее популярный традиционный овощной салат, основным ингредиентом которого является капуста, заменено при передаче на русский язык фразой «более традиционно». Русскоязычная аудитория может быть не знакома с данным блюдом, и переводчик решил избежать необходимости объяснять, что это такое. При этом идея о том, что данный салат – популярное блюдо, представляющее традиционный способ приготовления капусты, передана. В следующих примерах

генерализации подвергаются характеристики используемых ингредиентов: *extra-virgin olive oil* – *хорошее оливковое масло*; *straight on top with some boiling water* – *зальем горячей водой*; *self-raising flour* – *мука*; *stoned olives* – *оливки*; *plum tomatoes* – *помидоры*. Помимо этого, наблюдаются случаи, когда гипонимы, обозначающие продукты питания, блюда, кухонную утварь и т.д., заменяются соответствующими им гиперонимами. Так как упомянутые предметы появляются в кадре, то зритель с легкостью может понять, о чем говорит ведущий: *olive oil* – *масло*; *lime, lemon and pink grapefruit* – *различные цитрусы*, *like a croissant, like a puff pastry* – *будто кондитерское изделие*; *ale barley lamb shanks* – *мясо с перловкой и элем*.

Популярность генерализации может быть обусловлена несколькими факторами. Во-первых, аудиовизуальный перевод накладывает временные ограничения: переводчик должен осуществить перевод таким образом, чтобы вся необходимая для полного понимания информация была передана в четко отведенное на это время. Округление времени приготовления блюда и указание непосредственно продукта вместо его приблизительного количества предоставляет переводчику возможность сфокусироваться на главной мысли предложения и уместить реплику в отведенные на это временные рамки. Помимо этого, перечисление продуктов, зачастую не используемых в приготовлении конкретного блюда (предоставляется в качестве альтернативы находящимся на экране ингредиентам), также не является целесообразным. Обобщая перечень однородных членов до целого класса предметов, переводчик сообщает зрителю о существовании вариантов замены и одновременно с этим не превосходит временной лимит предложения. Кроме того, использование наименования класса предмета вместо названия самого предмета может помочь избежать потенциальной ошибки при переводе незнакомого термина.

В противоположность генерализации, **конкретизация** встречается крайне редко. Тем не менее, приведем несколько примеров данного типа трансформации: *to understand Moroccan food* – *узнать из каких ингредиентов готовятся прекрасные марокканские блюда*; *turn off the heat* – *выключайте газ*. В последнем примере, однако,

конкретизация была неуместной, поскольку она не соответствовала ни аудиальному, ни визуальному рядам: использование слова «газ» при приготовлении блюда на открытом огне приводит к искажению смысла и представляет собой переводческую ошибку.

Наравне с генерализацией наиболее часто используемой стратегией перевода является **опущение**, при котором часть предложения не находит отражения в тексте перевода. Так, мы можем отметить случаи, когда переводчик выпускал одно слово, словосочетание или все предложение целиком. При подробном рассмотрении примеров можно заметить, что все выпущенные слова или фразы либо сопровождают иллюстрируемое ведущим действие, либо не влияют на процесс приготовления блюда: *I'm serving it with baked sweet potatoes, **peppery watercress**, lemon* – я подаю его со сладким картофелем, лимоном; *apply the **old values: care, love, attention*** – готовьте это с любовью. Данный тип трансформации часто касается прилагательных, характеризующих продукты или блюда и имеющих оценочный компонент, а иногда наделенных эмоциональной окраской: *lovely oranges* – апельсины; *a **mouth-watering fish dish*** – это блюдо; *sweet and sour caramelized onions* – карамелизованный лук; *for a **subtle-flavoured fish like grouper (a bit like bream)*** – для такой рыбы как морской окунь; *a **mind-blowing fast and fresh dish*** – блюдо.

Мы также обнаружили несколько случаев опущения целых фраз: *... and then I put them together with clotted cream and jam; they will cook from scratch; It's OK as soon as it comes roughly together*. Хотя данные фразы остались непереуведенными, это не затруднило восприятие информации и не исказило рецептуру.

Однако в некоторых случаях использования опущения можно заметить, что отсутствие того или иного ингредиента влияет на полное понимание текста. Несмотря на то, что текст перевода кажется завершенным, все проговариваемые в оригинале элементы транслируются с помощью визуального ряда, поэтому их отсутствие в тексте перевода может запутать зрителя: *2 carrots, **2 sticks of celery**, 2 cloves of garlic and **2 onions*** – морковочка, чеснок; *zest and juice of a lemon* – добавьте лимонной цедры.

Благодаря тому факту, что аудиовизуальный текст представляет собой объединение нескольких коммуникационных каналов, дублирование информации несколькими каналами в некоторых случаях может показаться избыточным. Так, вместо подробной инструкции о необходимых действиях переводчик может предложить аудитории обратить внимание на визуальный ряд для того, чтобы понять, что стоит делать дальше: *run your knife down the corn – срежьте зерна с початка вот таким образом; put your knife in around it – и вытаскиваем вот так; cut them in halves – режем вдоль* (на экране видно, что режет пополам).

Еще одной выявленной нами особенностью кулинарных шоу является **редупликация**, т.е. повторное использование слова или фразы. Чаще всего это происходит из-за желания автора привлечь внимание зрителя к определенной информации. Однако, мы допускаем, что в некоторых случаях редупликация имеет место потому, что речь Джейми Оливера спонтанна, и в процессе описания своих действий он может просто механически повторять какие-то слова или фразы, не пытаясь при этом сделать акцент на них. Переводчики редко сохраняют редупликацию при переводе, ограничиваясь одиночным употреблением слова или фразы: *we need all of that, we need all of that – нам понадобится всё; so exciting, so exciting – как это было здорово; it will go golden-golden-golden – жидкость станет золотистой; mega sandwich, mega-mega sandwich – это будет мега сэндвич*.

В ряде случаев важность или эмоциональность, вербализованная редупликацией, передается переводчиком отличным от редупликации способом: *they use a lot and lot and lot of olive oil – очень много оливкового масла* (повторение в англоязычном варианте слова *lot*, подчеркивающее большое количество оливкового масла, в русскоязычном варианте трансформируется в усилительное наречие «очень»); *take it, take it, take it – обязательно попробуйте* (трехкратное повторение подчеркивает рекомендации автора аудитории попробовать и приготовить определенное блюдо, в русскоязычной версии данный настоятельный совет передан наречием «обязатель-

но»); *great-great cheese toastie* – **вкуснейший великолепный сэндвич** (качество сэндвича передано на английском языке повтором слова *great*, а на русском – прилагательным в превосходной степени «вкуснейший» и прилагательным «великолепный»).

Однако существуют случаи, когда редупликация в полной мере сохранена в тексте перевода. Данный факт можно объяснить тем, что, несмотря на временные ограничения, у переводчика была возможность сохранить удвоение, тем самым передать закладываемый эмоциональный оттенок без потери других элементов текста: *perfect... perfect for ravioli* – *идеально... просто идеально для равиоли*; *just a little bit of water; just a little bit of water* – *просто добавим немного воды, просто добавим немного воды*; *really-really good* – *очень-очень неплохо*.

Проанализировав приемы передачи элементов гастрономического дискурса, мы также выявили те из них, которые представляют особую **сложность для переводчика**. К таким элементам относятся термины, означающие кухонную утварь, блюда, ингредиенты, а также описание методов приготовления.

В первую очередь стоит отметить, что большое количество ошибок при переводе возникает при передаче наименований блюд. Так, несмотря на существование общепринятого перевода, в некоторых случаях переводчики пытались не только дать название блюду, но и описать его специфику. Очевидно, что для избегания такого рода ошибок переводчик должен обладать определенными фоновыми знаниями в области кулинарии и гастрономии. Также можно предположить, что ошибки возникали, вероятно, из-за отсутствия печатной версии материала и трудностей при прослушивании конкретных реплик. Рассмотрим несколько примеров: *sticky toffee pudding* было переведено как *липкий ирисовый пудинг*, тогда как общепринятый перевод – *финиковый пудинг с карамелью*; для названия блюда *spaghetti Bolognese* был предложен перевод *спагетти с болоньезе*, однако в действительности блюдо называется *спагетти болоньезе*; *nice frosting – creamy topping* перевели как *морозный сливочный крем*, вместе с тем это *глазурь*; *Turkish delight vibe* – *турецкий привкус*, хотя общепринятый перевод – *рахат-лукум*.

При передаче методов приготовления также встречаются неточности и ошибки. Следующий пример иллюстрирует искажение смысла, вызванного тем, что переводчик предлагает использовать один из двух ингредиентов, в то время как в оригинале требуется их одновременное использование: *add some olive oil, a good knob of butter* – *нагрейте оливковое или сливочное масло*.

Еще в одном примере мы видим несоответствие оригиналу, которое, вероятно, связано с низким уровнем знаний об особенностях кулинарных процессов: *put at full whack and immediately turn it down to 180 °C* – *и сразу включу на 180 градусов по Цельсию*, тогда как сначала рекомендуется задать максимальную температуру, а уже затем снизить её до 180 градусов.

Интересные случаи, на наш взгляд, представлены примерами искажения смысла, когда исходный смысл менялся при передаче на русский язык на противоположный. Заметим, что в данных примерах не содержится антонимический перевод, сохраняющий смысл оригинала и не искажающий информацию. Рассмотрим несколько случаев. *Can I smell fish? Absolutely not! Even outside you can't smell fish. It's fresh* – *Как я отношусь к запаху свежей рыбы? Ужасно! Даже на улице не терплю запаха свежей рыбы* (Однако, на самом деле речь идет о том, что рыба настолько свежа, что совсем не имеет запаха: Рыба пахнет? Совсем нет! Запаха вовсе нет. Рыба свежайшая). *If I'm unlucky I can come across one of mine* – *не повезло, ведь свой так и не встретил* (Если не повезет, встречу свой); *...and then that's all* – *...и ещё* (вот и всё).

Изучив особенности передачи элементов англоязычного гастрономического дискурса на русский язык на материале кулинарных шоу Джейми Оливера, **мы пришли к выводу**, что этот тип текстов может вызвать определенные переводческие трудности ввиду наличия кулинарных терминов, специальной лексики, обозначающей продукты питания, блюда, ингредиенты, способы приготовления пищи, требующих определенного набора знаний о данных явлениях и процессах от переводчика.

Кроме того, трудности могут быть вызваны самим форматом перевода – дубляжом, в основе которого лежит аудиовизуаль-

ный текст, объединяющий несколько коммуникационных каналов. Самыми популярными приемами являются генерализация и частичное или полное опущение информации из текста перевода. Данная тенденция может обуславливаться тем фактом, что во избежание ошибки из-за ограниченного количества времени на осуществление перевода и неглубоких познаний в области кулинарии, переводчики отбирали более широкие по значению лексические единицы. В таком случае оба приема могут помочь переводчику и одновременно с этим не препятствовать полному пониманию текста, так как благодаря визуальному ряду зритель может ознакомиться с особенностями обсуждаемого предмета или процесса.

В заключение следует отметить, что проделанная **работа является одним из этапов более масштабного исследования** особенностей передачи гастрономического дискурса при переводе. Следующими этапами планируется рассмотрение в заявленном аспекте культурно-специфической лексики, а также эмоционально окрашенной речи, характерной для данного вида дискурса.

Список литературы

1. Кацунова Н.Н. К вопросу о «Синонимизации» дискурсов // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2. С. 196-201.
2. Косицкая Ф.Л., Зайцева И.Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра // Вестник ТГПУ. 2016. № 2. С. 25-30.
3. Лукьянова С.В. К вопросу о типологии дискурса // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 150-154.
4. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 602 с.
5. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках Школы аудиовизуального перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3(13). С. 3-24.

References

1. Kacunova N.N. K voprosu o «Sinonimizacii» diskursov [On the problem of discourse doubling]. *Vestnik IGLU* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin], 2012, no. 2, pp. 196-201.
2. Kosickaya F.L., Zaïceva I.E. Francuzskii gastronomicheskiï diskurs i ego zhanrovaya palitra [French gastronomy discourse and its speech genre palette]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016. no. 2, pp. 25-30.
3. Luk'yanova S.V. K voprosu o tipologii diskursa [The problem of discourse topology]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* [Pskov State University Bulletin. Social sciences and Humanities], 2016, no. 3, pp. 150-154.
4. Olyanich A.V. *Prezentacionnaya teoriya diskursa* [Presentational theory of discourse]. PhD dissertation. Volgograd, 2004, 602 p.
5. Kozulyaev A.V. Obuchenie dinamicheski ekvivalentnomu perevodu audiovizual'nykh proizvedenii: opyt razrabotki i osvoeniya innovatsionnykh metodik v ramkakh SHkoly audiovizual'nogo perevoda [Teaching the dynamically equivalent translation of audiovisual discourses: innovative approaches of the school of audiovisual translation]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* [Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Linguistics and Pedagogy], 2015. no. 3 (13), pp. 3-24.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Жучкова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация e.v.zhuchkova@urfu.ru

Шагеева Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация a.a.shageeva@urfu.ru

Иванова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация s.a.ivanova@urfu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Zhuchkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Languages
*Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
19, Mira Str., Ekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620002, Russian Federation
e.v.zhuchkova@urfu.ru
SPIN-code: 1806-4667
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8505-4694>*

Anna A. Shageeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Languages
*Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
19, Mira Str., Ekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620002, Russian Federation
a.a.shageeva@urfu.ru
SPIN-code: 5812-9412
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8615-8508>*

Svetlana A. Ivanova, Candidate of Philology, Associate Professor,
Chair of Foreign Languages

*Ural Federal University Named after the First President of Russia
B.N. Yeltsin*

*19, Mira Str., Ekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620002, Russian
Federation*

s.a.ivanova@urfu.ru

SPIN-code: 8528-0332

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5020-5758>

Researcher ID: T-6874-2018

Поступила 24.05.2022

После рецензирования 20.06.2022

Принята 03.07.2022

Received 24.05.2022

Revised 20.06.2022

Accepted 03.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-270-286

УДК 811.161.1

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ
ЛЕКСЕМЫ «СОСТОЯНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Л.Н. ТОЛСТОГО)**

С.А. Кабанова

*В последние десятилетия наблюдается пристальное внимание лингвистов к антропоцентрическому подходу в языкознании. Конструкции со значением субъектного состояния являются **предметом исследования** в рамках данного подхода. Семантика состояния выражается двусоставными и односоставными конструкциями. **Предметом** рассмотрения являются аналитические субстантивные конструкции со значением субъектного состояния. Из произведений Л.Н. Толстого выбран иллюстративный материал и проанализирован с помощью метода **сплошной выборки, описательного метода и метода синтаксических трансформаций**.*

***Результаты исследования.** Анализируются предложно-падежные формы лексемы «состояние», употребляемые в составе родственных сочетаний разного типа, выполняющих предикативные и непредикативные функции. Рассмотрены правые и левые распространители данной субстантивной формы в зависимости от каждого конкретного значения. Анализируемые формы представляют собой реализацию семантики состояния субъекта, проявляющуюся прежде всего в сопоставлении сферы личного-безличного; состояние субъекта характеризуется как положительное или отрицательное в зависимости от того, идёт ли речь о физическом, психическом или функциональном состоянии человека. В последнем случае как грамматический компонент составного глагольного сказуемого сочетания со словом **состояние** обозначают способность субъекта к выполнению действий или её отсутствие, обусловленные наличием соответствующих умений и навыков или эмоциональным состоянием.*

Ключевые слова: синтаксически несвободное сочетание; предложно-падежная форма; составное именное сказуемое; атрибут; придаточная атрибутивная

SEMANTIC AND SYNTACTIC FEATURES OF PREPOSITIONAL CASE FORMS OF THE LEXEME “STATE” IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON LEO TOLSTOY’S PROSE)

S.A. Kabanova

The close attention of linguists to the anthropocentric approach in linguistics has been observed in recent decades. Constructions with the meaning of the subject state are the subject of research within the framework of this approach. The semantics of the state is expressed by two-part and one-part constructions. The subject of consideration are analytical substantive constructions with the meaning of the subjective state. Illustrative material is from the works of Leo Tolstoy selected and using the continuous sampling method, the descriptive method and the method of syntactic transformations analyzed.

Research results. *The prepositional-case forms of “state” lexeme used as part of related combinations of different types that perform predicative and non-predicative functions are analyzed. The right and left distributors of this substantive form depending on each specific meaning are considered. The analyzed forms represent the realization of the semantics of the subject’s state, manifested primarily in the comparison of the sphere of personality-impersonality; the state of a subject is characterized as positive or negative, depending on whether we are talking about the physical, mental or functional state of the person. As a grammatical component of a compound verbal predicate, combinations with the word state indicate the subject’s ability to perform actions or its absence, due to the presence of appropriate skills or emotional state.*

Keywords: *syntactically bound combination; prepositional-case form; compound nominal predicate; attribute; subordinate attributive part*

Предметом нашего рассмотрения являются субстантивные конструкции со значением субъектного состояния – одной из центральных проблем антропоцентрического языкознания является проблема отражения в языке различных субъектных состояний. В лингвистике сложилось «узкое» и «широкое» понимание состояния. «Широкое» понимание категории состояния связано с философией, где данная категория определяется как категория научного познания, характеризующаяся способностью «движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями» [16, с. 627-628]. С лингвистической точки зрения, состояние рассматривается как универсальная языковая категория, лежащая в основе языковой картины мира и обладающая «денотативно-понятийным содержанием» [17, с. 5], с другой стороны, состояние относится к «неопределяемым понятиям фундаментальной классификации предикатов» [1, с. 541]. Мы считаем состояние ситуационной характеристикой предмета, возникающей, длящейся и сменяющейся во времени качественно новой или первоначальной характеристикой; таким образом, состоянию свойственна ограниченная временная протяжённость, с одной стороны, и возможность его повторения, с другой, что выражается специфическим показателем – лексемой **бывает**, называемую Г.А. Золотовой экспликантом «узуальности» [7, с. 183]. Пофазное изменение состояния не связано с приложением сил – это происходит само по себе, целенаправленно при этом отсутствует, однако состояние является каузируемой категорией, то есть каждому состоянию предшествует некое изменение так называемого «нормального» состояния в позитивную или негативную сторону, вызываемое внешними условиями, а применительно к организму – и наличием органической патологии. Будучи «универсальной семантической категорией» [18, с. 233] или особой функцией языка [14, с. 248-255], категория состояния выражается разнородными глагольными и неглагольными формами преимущественно в качестве базового сказуемого при субъекте-носителе состояния – дополнительным предикатом она выступает в полупредикативных конструкциях. Носителями со-

стояния в широком смысле слова могут быть все живые и неживые предметы материального мира и сам он в целом. Семантика состояния выражается конструкциями односоставного и двусоставного предложения:

а) безличными конструкциями с безлично-предикативными словами (в сочетании со связкой или без неё) в комплексе с субъектным компонентом именного или местоименного типа (при отсутствии подобной лексики широкий контекст даёт указание на субъект состояния): *Всё так прекрасно вокруг **меня**, а на душе так **легко и спокойно**...* [12];

б) конструкциями с безличными глагольными лексемами или личными в безличном употреблении, называющими состояние лица, в сочетании с субъектным компонентом именного или местоименного типа, а также обозначением органа или части тела-локализатором позитивного или негативного состояния (так называемый «расщеплённый субъект») [5, с. 48]: ***У меня** немного **защемило в сердце**, когда я увидел это движение [12].* Конструкции этих двух типов построены по специализированным структурным схемам – маркерам конститутивных признаков состояния [8, с. 58].

в) конструкциями с личными глагольными формами в сочетании с субъектным компонентом именного или местоименного типа: ***Наконец** воображение **устало**, оно **перестало обманывать** меня; **сознание действительности тоже исчезло**, и **я совершенно забылся** [12];*

г) конструкциями с предложно-падежными именными формами в составе устойчивых сочетаний, синтаксически несвободных сочетаний в комплексе со связочным глаголом и субъектным компонентом именного или местоименного типа: ***Входя в залу, я находился в несколько раздражённом и неестественном, но чрезвычайно весёлом состоянии духа** [Там же]. – ср.: **Я был в сильном горе** в эту минуту, но невольно замечал все мелочи [Там же].* Конструкции последних двух типов построены по неспециализированным структурным схемам, частично маркирующим семантику состояния.

Предметом нашего рассмотрения являются семантические и грамматические особенности употребления лексемы **состояние** в

предикативной функции, поскольку в последние два десятилетия разного рода аналитические образования – разноструктурные фразеологизмы и синтаксически несвободные сочетания, включающие, в частности, предложно-падежную форму слова с обязательным распространителем, очень активно используются для выражения семантики субъектного состояния и подробно исследуются лингвистами, см. например, [6, с. 167-169; 9; 3], при этом отмечается, что активизация предикативного употребления предложно-падежных форм связана с воздействием социально-экономических и культурных изменений, приводящих к изменению в сознании людей [4]. Потому представляется актуальным выяснить структурно-семантические особенности форм данного типа, их функциональные возможности в структуре предложения, а также возможности наличия грамматических синонимов. Материалом для исследования послужил цикл произведений Л.Н. Толстого – «Севастопольские рассказы», а также трилогия «Детство. Отрочество. Юность». В данном автобиографическом произведении повествование идёт от лица ребёнка, проходящего стадии взросления, переживающего смерть матери, первую влюблённость, сложности в отношениях с учителем и товарищами, – следовательно, большую роль в восприятии происходящего играют эмоции и возникающие в процессе их переживания состояния, которые можно описать, используя разнородные синтаксические конструкции, в том числе, предложно-именные. Иллюстративный материал был извлечён методом сплошной выборки и рассматривался с точки зрения семантики, синтаксического употребления и наличия возможных грамматических синонимов.

В словарях русского языка приводятся следующие значения слова **состояние**: ‘положение, в котором кто-, что-л. находится’ [10, т. 4, с. 209; 15, с. 541], а оттенком данного значения является ‘физическое самочувствие или настроение, расположение духа человека’ (в учебном словаре сочетаемости данное значение даётся отдельно, см. 15, с. 541); ‘общественное или семейное положение’; ‘имущественное положение, а также имущество, капитал, собственность’; ‘пребывание, нахождение (на какой-л. службе, в составе чего-л. и

т. п.)' [10, т. 4, с. 209; 15, с. 541]. В учебном словаре сочетаемости слов русского языка приведены примеры сочетаемости лексемы **состояние** в каждом из значений: в значении 'положение, в котором находится что-л.' левым распространителем данной лексемы являются качественные имена прилагательные, выступающие в оппозиции «хороший – плохой». Правым распространителем являются субстантивные генитивные формы со значением неодушевлённого объекта состояния или субстантивно-атрибутивные формы (состояние *мира, кризиса* и под.). В роли зависимого компонента лексема **состояние** выступает в случаях сочетаемости с глаголами *привести / приводить / прийти* в сочетании с облигаторным распространителем (+Вин. пад.), *быть / находиться* – в аналогичном комплексе (+Предл. пад.), *довести до* – в аналогичном комплексе (+Род. пад.). Во всех случаях объектом состояния является неодушевлённый предмет: *Дела его оказались в плачевном состоянии* [15, с. 541].

В значении 'физическое самочувствие, а также расположение духа, настроение' левым распространителем слова **состояние** являются в основном качественные прилагательные, правым – субстантивные генитивные формы со значением субъекта состояния и атрибутивным значением (состояние *воодушевления, раздражения* и под.). **Состояние** как относительно стабильную характеристику можно *изменить / улучшить / ухудшить*. Таким образом, данная характеристика организма может быть изменена посредством как физических, так и иного рода воздействий, что и отражается в языке в соответствующей сочетаемости данного имени и глаголов качественной характеристики; **состояние** можно *испытывать*, а также в нём можно *находиться* или *пребывать*, однако эти глаголы далеко не всегда выступают в формах настоящего времени, сочетаясь с лексемой состояние, ср. *я в состоянии*, то есть я могу что-то (с)делать физически, эмоционально или ментально, причём конкретный глагольный инфинитив-облигаторный распространитель может быть ясен из предыдущего контекста, ср., например, примеры из разговорной речи: – *Тебе встать не помочь?* – *Спасибо, я в состоянии*. С другой стороны, отрицание перед предложно-падежной формой

в состоянии указывает на невозможность выполнения указанных выше действий по причине, например, физической усталости, финансового неблагополучия, эмоционального неприятия или дискомфорта, ср.: – *Ты к нам сегодня не зайдёшь?* – *Я не в состоянии, очень устала на даче.* – *Мы не в состоянии постоянно выплачивать твои долги (родители – сыну).* При этом, если речь идёт о негативно воспринимаемом состоянии, то, как правило, всегда есть глагольная форма-семантический инфинитив, номинирующий отрицаемое действие (как в последнем случае); инфинитивная форма может располагаться и в предшествующем контексте.

В роли зависимого компонента с облигаторным распространителем слово **состояние** выступает в комплексе с глаголами *впасть, прийти, привести* (+ вин. пад); *делать что-л., находиться, оставаться, быть* (+Предл. пад.), *довести, дойти* (+Род. Пад.): *После этого неприятного разговора он долго **находился в каком-то угнетённом состоянии.** Больной **в тяжёлом состоянии*** [Там же].

В значении ‘имущество, капитал, собственность частного лица’ предложно-падежные формы с **состоянием** – **без состояния** характеризуют финансовое положение лица и сочетаются с глаголами *быть и остаться*: *Не знаю, к какому сословию принадлежал Зухин, но знаю, что он **был** из С. гимназии, **без всякого состояния** и, кажется, не дворянин* [12].

Как показывают наблюдения, предложно-падежные формы существительного **состояние** с обязательным распространителем выступают в предикативной и полупредикативной роли, так как обособленный член предложения представляет собой свёрнутую предикативную единицу, описывающую соответствующую ситуацию – отрезок внеязыковой действительности, отображающий то или иное событие [2, с. 7]. Данные аналитические образования обычно функционируют в комплексе с глагольными связками *находиться, быть, пребывать* или же знаменательными глагольными формами со значением перемещения или положения в пространстве, выражающими все грамматические признаки составного именного сказуемого, предопределяющими форму зависимого ком-

понента и частично сохраняющими собственное лексическое значение: с одной стороны, налицо акцентирование внимание на временном пребывании субъекта (или неодушевлённого объекта) в данном состоянии, а с другой – на наличии признака по положению в пространстве или перемещению: *Закрыв ставни в сакле и затопив сучья в камине, Садо в особенно весёлом и возбуждённом состоянии вышел из кунацкой...* [13, с. 254]. – ср.: *Когда Садо вышел из кунацкой, он был в особенно весёлом и возбуждённом состоянии / особенно весел и возбуждён.* Рассматриваемые формы представляют собой реализацию семантики состояния субъекта, проявляемого прежде всего в сопоставлении сферы личности – безличности, при этом о приписывании состояния конкретному субъекту мы можем говорить только в случае употребления в подобной конструкции местоимения первого лица **Я / мы**: «при констатации внутреннего состояния только 1-е лицо является подлинной констатацией, высказывания относительно всех других лиц – лишь утверждения о внешнем сходстве с описываемым субъективным состоянием» [11, с. 221]. Таким образом, в прочих случаях мы приходим к заключению о нахождении субъекта в некоем состоянии на основе «языка тела» (мимики, жестов, изменения цвета кожных покровов, выражения глаз и лица в целом) или действий, связанных с определёнными ситуациями и характерными для них: *Меня так это обидело, что я разревелся от злости* [12] – мальчика, сына отставного поручика гвардии, испачкавшего скатерть, *прислуга* (выделено нами. – С.К.) Наталья Савишна трёт мокрой скатертью по лицу, выговаривая при этом за испорченное, – ребёнка оскорбляет подобное поведение прислуги, он испытывает сильное негативное эмоциональное состояние, а слёзы являются закономерной физиологической эмоциональной реакцией.

Приписываемое субъекту состояние оценивается прежде всего как **позитивное** или **негативное**, при этом первый признак связан с характеристикой состояния физического и / или психоэмоционального здоровья, а также функциональных способностей, то есть способностей самостоятельно, без чьей-либо помощи осуществлять некие дей-

ствия в соответствии с возможностями организма или наличием умений и навыков осуществления действий. Негативная характеристика применительно к состоянию указывает прежде всего на физическое или психическое нездоровье, что, в свою очередь, влечёт характеристику по признаку функционального нездоровья – невозможности осуществлять деятельность, связанную с наличием заболевания или отсутствием необходимых умений и навыков её осуществления. Так, в рассматриваемом материале представляется возможным выделить следующие семантические типы конструкций со словом **состояние**:

1. а) нормальное физическое состояние=здоровье: *Наконец, ежели вы не умерли, любящая жена ваша <...> в то время как вы **находитесь в нормальном состоянии**, выражает свою любовь самоотвержения только кроткой скукой...* [Там же];

б) позитивное эмоциональное состояние:

– спокойное, «нормальное» эмоциональное состояние: *<...> единственно возможная цель этого высказывания, состоящая в том, чтоб он признался в недостатках, которые я обличал в нём, не могла быть достигнута в настоящую минуту, когда он был разгорячён. **В спокойном же состоянии**, когда он мог сознаться, я никогда не говорил ему этого* [Там же]. В данном случае налицо свёрнутая предикативная единица, представляющая собой обстоятельство с условно-временным значением, причём именно широкий контекст даёт указание на приписывание признака по состоянию партнёру рассказчика: *Я не говорил ему этого, когда он **был спокоен***; в противном случае последняя фраза может быть понята двояко – признак по состоянию может быть приписан как говорящему, так и его партнёру;

в) негативное эмоциональное состояние:

– раздражение, возникающее, во-первых, при неадекватном восприятии субъектом способа действий партнёра, что может быть мотивировано различной эмоциональной организацией индивидов; во-вторых, мотивированное сложной жизненной ситуацией или неудовлетворительным финансовым положением как одним из проявлений последней: *Но я **находился в раздражённом состоянии***

человека, проигравшего более того, что у него есть в кармане [Там же]. – ср.: Урок был большой и трудный, я ничего не знал и видел, что уже никак не успею хоть что-нибудь запомнить из него, тем более что **находился в том раздражённом состоянии**, в котором мысли отказываются остановиться на каком бы то ни было предмете [Там же];

– состояние сильного беспокойства: *Неизвестность, в которой он находится насчёт дорогих ему особ, вызывает в нём лихорадочное состояние* <...> он не спит по ночам, почти что ничего не ест, постоянно молится... [Там же];

– комплекс негативных эмоций, обусловленный неравенством позиций действующих лиц: *Я нисколько не боялся боли наказания, никогда не испытывал ее, но одна мысль, что St.-Jerome может ударить меня, приводила меня в тяжёлое состояние подавленного отчаяния и злобы* [Там же]. Эмоциональное состояние является каузируемой категорией, и потому предложно-падежные аккузативные формы *в состоянии* в сочетании с левым и / или правым распространителем образуют единый семантико-смысловой комплекс с глаголами *приходить / прийти, приводить / привести*, а предшествующий контекст, представляющий свёрнутую пропозицию, указывает на каузирующий фактор);

– негативное ментальное состояние: *Но ни одним из всех философских направлений я не увлекался так, как скептицизмом, который одно время довёл меня до состояния, близкого сумасшествию* [Там же] – в данном случае семантический компонент предиката представляет собой **обособленную** синтагму включённого типа, выражающую основной смысл сказуемого. Иллюстративный материал изобилует примерами, подтверждающими, что именно в процессе размышления над определёнными категориями субъект переходит в новое состояние, отличное от прежнего своей направленностью: *Но мне вспомнилось, что нынче Страстная среда, нынче мы должны исповедоваться и что надо удерживаться от всего дурного; и вдруг я пришёл в какое-то особенное, кроткое состояние духа и подошёл к Николаю* [Там же].

2. Модальные значения, выражаемые конструкциями со словом **состояние**:

а) значение способности=умения к осуществлению действия определённым образом, связанную с личностными качествами субъекта: *Он говорил очень увлекательно, и эта способность, мне кажется, усиливала гибкость его правил: он **в состоянии был тот же поступок рассказать** как самую милую шалость и как низкую подлость [Там же]. – ср.: Он **умел тот же поступок рассказать** как самую милую шалость и как низкую подлость;*

б) значение неспособности к выполнению действия, обусловленной позитивным или негативным эмоциональным состоянием или же комплексом испытываемых негативных эмоций: *Глаза наши встречаются, и мы заливаемся таким гомерическим хохотом, что <...> мы **не в состоянии удержать порывов смеха**, который душил нас [Там же]. – ср.: Досада на самого себя, стыд в поступке, который мог подавить такие подозрения, и оскорбление от брата, которого он так любил, произвели в его впечатлительной натуре такое сильное, болезненное чувство, что он ничего не отвечал, чувствуя, что **не в состоянии будет удержаться от слезливых звуков**, которые подступали ему к горлу [13, с. 94]. – ср.: **не сможет не заплакать = не сможет не расплакаться**;*

в) широкий контекст может описывать ситуацию, участником которой является субъект эмоционального состояния (оно вызвано эмоциональным воздействием). Возникшее эмоциональное состояние приводит к неспособности контролировать ситуацию – вести себя обычным образом из-за боязни попасть впросак и показать себя не с лучшей стороны: *Во время рассказа Валахиной о потере мужа я ещё раз вспомнил о том, что я влюблён, и подумал ещё, что, вероятно, и мать уже догадалась об этом, и на меня снова **нашёл припадок застенчивости**, такой сильной, что я **чувствовал себя не в состоянии пошевелиться ни одним членом** естественно. <...> Кое-как сделав страшное усилие над собою, я встал, но уже **не был в состоянии поклониться** и, выходя, провожаемый взглядами соблезнования матери и дочери, зацепил за стул, который вовсе не стоял на моей*

дороге, – но зацепил потому, что все внимание моё было устремлено на то, чтобы не зацепить за ковёр, который был под ногами [12].

Наблюдаются синонимические отношения между конструкциями в **состоянии+определение-указательное местоимение** и в **положении+ определение-указательное местоимение** при выражении семантики негативного физического состояния, связанного с повреждением, влекущим угрозу для жизни; подобные отношения наблюдаются в ограниченном количестве случаев, что продиктовано семантикой определительного члена и конситуацией: *У матроса вырвана часть груди. В первые минуты на забрызганном грязью лице его видны один испуг и какое-то притворное преждевременное выражение страдания, свойственное человеку в таком положении* [13, с. 38]. – ср.: *свойственное человеку в таком состоянии.*

В конструкции сложного предложения предложно-падежная форма **в состоянии** обычно выступает с ближайшим характеризующим определением и коррелятом и может указывать на негативное субъектное состояние – в прозе Л. Н. Толстого подобные конструкции нередки: *Оставшись наедине с своими мыслями, первым чувством Володи было отвращение к тому беспорядочному, безотрадному состоянию, в котором находилась душа его* [Там же, с. 150] (в подобных случаях местоименная форма не называет состояния, а лишь указывает на него, и потому в предложении требуется обязательное наличие придаточной с атрибутивно-уточняющим значением, конкретизирующей содержание местоименной формы, при этом имеющиеся атрибутивные распространители семантически соотносятся с субъектной формой главной части.

Сказанное выше приводит к следующим выводам:

1. В настоящее время лингвистами активно изучаются конструкции со значением субъектного состояния-аналитические формы, включающие предложно-падежную субстантивную форму с обличительным распространителем или без него.

2. В русском языке слово **состояние** в различных предложно-падежных формах образует разные типы несвободных сочетаний – фразеологизмы и синтаксически несвободные.

3. Синтаксически несвободные сочетания со словом **состояние** выступают в роли семантического компонента составного именного сказуемого, в функции грамматического компонента составного глагольного сказуемого, добавочного сказуемого в полупредикативной конструкции.

4. В роли смыслового компонента составного именного сказуемого сочетания со словом **состояние** обозначают разные типы состояний (физическое, физиологическое, психо-эмоциональное).

5. В роли вспомогательного (грамматического) компонента составного глагольного сказуемого сочетания со словом **состояние** обозначают способность к выполнению действия или её отсутствие; то и другое может быть обусловлено наличием или отсутствием соответствующих умений и навыков, а также эмоциональным состоянием.

6. Синтаксически несвободное сочетание со словом **состояние** в роли простого глагольного сказуемого может быть приравнено по смыслу к соответствующей лексеме в аналогичной роли, хотя наличие подобного синонима не всегда возможно.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
3. Герасименко Н.А. Семантика предикативного признака в предложениях с субстантивами в роли сказуемого // Русский язык в школе. 1997. N 5. С. 83-87.
4. Герасименко Н.А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018. №3. С. 37-42.
5. Гришина Н.И. Предложения с дативным субъектом в современном русском языке: семантико-синтаксическая структура и парадигматические связи: Автореф. дис. ... д-ра филол. Наук. М.: МГОПУ имени М.А. Шолохова, 2002. 49 с.

6. Елисеева И.А. О функциональном подходе к падежным и предложено-падежным формам имени // Слово и словосочетание в структуре предложения: межвуз. сб. науч. тр. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1980. С. 167-169.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 183 с.
8. Казарина В.И. Синонимия структурных схем простого предложения со значением состояния живого существа, представленного косвенным падежом, в русском языке // Филологос. 2012. №12 (1). С. 57-64.
9. Милованова М.С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4-10.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т.1. А–Й. 1981. 698 с.; Т. 4. С–Я, 1984. 794 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е. Испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
12. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. URL: http://www.school-russia.prosv.ru/ebooks/lib/37_Tolstoy_Detstvo_Otr/1.html (дата обращения: 20.02.2020 – 20.03.2020)
13. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1980. 352 с.
14. Трофимов В.А. Современный русский литературный язык. Морфология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. С. 248-255.
15. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка: около 2500 словар. статей / Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1978. 688 с.
16. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
17. Яковлева И.Н. Семантическая категория состояния и средства её реализации (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. н. Воронеж: ВГУ, 2004. 22 с.
18. Яковлева И.Н. Особенности концептуализации эмоций в художественном тексте (на примере перевода романа Йэна Макьюэна «Искушение») // Известия ВГПУ. 2013. № 2(261). С. 232-234.

References

1. Apresjan Ju.D. *Issledovanija po semantike i leksikografii* [Studies in semantics and lexicography]. Vol. 1: Paradigmatika. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2009, 568 p.
2. Arutjunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning: logical-semantic problems]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 383 p.
3. Gerasimenko N.A. Semantika predikativnogo priznaka v predlozhenijah s substantivami v roli skazuemogo [Semantics of the predicative feature in sentences with substantives as a predicate]. *Russkij jazyk v shkole* [The Russian Language at School], 1997, no 5, pp. 83-87.
4. Gerasimenko N.A. Svjazochno-substantivnoe skazuemoe kak otrazhenie dinamicheskikh processov v russoj jazykovej kartine mira [Connective-substantive predicate as a reflection of dynamic processes in the Russian language picture of the world]. *Russkij jazyk za rubezhom* [The Russian Language Abroad], 2018, no. 3, pp. 37-42.
5. Grishina N.I. *Predlozhenija s dativnym sub#ektom v sovremennom russkom jazyke: semantiko-sintaksicheskaja struktura i paradigmaticheskie svjazi* [Sentences with a dative subject in the modern Russian language: semantic-syntactic structure and paradigmatic connections]. Abstract of PhD dissertation. Moscow: MRSPU named after M.A. Sholohov, 2002, 49 p.
6. Eliseeva I.A. O funkcional'nom podhode k padezhnym i predlozhno-padezhnym formam imeni [On the functional approach to case and prepositional case forms of the name]. *Slovo i slovosochetanie v strukture predlozhenija* [Word and Phrase in Sentence Structure]. Moscow: MRPI named after N.K. Krupskaja, 1980, pp.167-169.
7. Zolotova G.A. *Oчерк funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1973, 183 p.
8. Kazarina V.I. Sinonimija strukturnyh shem prostogo predlozhenija so znacheniem sostojanija zhivogo sushhestva, predstavlenogo kosvennym padezhom, v russkom jazyke [Synonymy of structural schemes of a simple sentence with the meaning of the state of a living being, rep-

- resented by an indirect case, in Russian]. *Filologos*, 2012, no. 12(1), pp. 57-64.
9. Milovanova M.S. Jazyk i mir: leksicheskiy fond kategorii sostojanija v russkom jazyke [Language and the World: Lexical Fund of the Category of State in the Russian Language]. *Russkij jazyk za rubezhom* [The Russian Language Abroad], 2018, no. 3, pp. 4-10.
 10. *Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t.* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1981–1984. Vol. 1, 1981, 698 p.; Vol. 4., 1984. 794 p.
 11. Stepanov Ju.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]: Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2004, 992 p.
 12. Tolstoj L.N. *Detstvo. Otrochestvo. Junost'.* [Childhood. Adolescence. Youth]. URL: https://www.school-russia.prosv.ru/ebooks/lib/37_Tolstoy_Detstvo_Otr/1.html (accessed February 20, 2020 – March 20, 2020)
 13. Tolstoj L.N. *Povesti i rasskazy* [Novellas and stories]. Moscow: Mosk. rabochij Publ., 1980, 352 p.
 14. Trofimov V.A. *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk. Morfologija* [Modern Russian literary language. Morphology]. Leningrad: LGU Publ., 1957, pp. 248-255.
 15. *Uchebnyj slovar' sochetaemosti slov russkogo jazyka: okolo 2500 slovar. statej* [Educational dictionary of words of the Russian language: about 2500 dictionary articles]. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1978, 688 p.
 16. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [Philosophical encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. jenciklopedija, 1983, 840 p.
 17. Jakovleva I.N. *Semanticheskaja kategorija sostojanija i sredstva ejo realizacii (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The semantic category of the state and the means of its implementation (based on the Russian and English languages)]. Abstract of PhD dissertation. Voronezh: VGU, 2004, 22 p.
 18. Jakovleva I.N. Osobennosti konceptualizacii jemocij v hudozhestvennom tekste (na primere perevoda romana Jjena Mak'juzena "Iskuplenie") [Features of conceptualization of emotions in a literary text (on the example of the translation of Ian McEwan's novel *Atonement*)]. *Izvestija VGPU* [VSPU Bulletin], 2013, no 2(261), pp. 232-234.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кабанова Светлана Александровна, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка
ФГБОУ ВО НИ МГУ имени Н. П. Огарёва
ул. Большевикская, 68/1, г. Саранск, 430005, Российская Федерация
svetlana.kabanowa2014@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Kabanova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department
Mordovia State University
68/1, Bolshevistskaja Str., Saransk, 430005, Russian Federation
svetlana.kabanowa2014@yandex.ru
SPIN-code: 4689-5882
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9713-8166>

Поступила 14.06.2022

После рецензирования 24.06.2022

Принята 02.07.2022

Received 14.06.2022

Revised 24.06.2022

Accepted 02.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-287-299

УДК 81'42

АЛЛЮЗИВНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ С ОБЩЕЙ СЕМАНТИКОЙ «УЧИТЕЛЬ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.В. Поспелова

Актуальность работы определяется повышенным интересом к функционированию аллюзивных имен собственных в художественном тексте. Научная новизна заключается в рассмотрении тематической группы аллюзивных имен собственных с общей семантикой «учитель» в лингвокультуроведческом ключе.

Цель исследования – изучение особенностей функционирования аллюзивных имен собственных с семантикой «учитель» в современном английском языке.

Методы исследования: описательный метод, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ и семантизация.

Результаты. Дефиниционный, контекстуальный анализ позволяет выявить набор сем, с помощью которых возможно описание тематической группы с общей семантикой «учитель»; а также определить переносные значения. Представленные АИС имеют статус моновалентности, т.к. актуализируется основное свойство «род образовательной деятельности». Рассматриваемые АИС становятся яркими выразителями, как мировой, так и национальной культуры Великобритании. В процессе семантического преобразования исследуемые единицы сближаются с именами нарицательными, при этом происходит расширение объема значения, имя становится обобщающим, что способствует более глубокому прочтению текста.

Область применения результатов: теоретические и практические курсы по межкультурной коммуникации, лингвострановедению, стилистике, ономастике.

Ключевые слова: аллюзия; аллюзивное; имя собственное; учитель; семантика; компонентный анализ; контекстуальный анализ; лингвокультурные характеристики

ALLUSIVE PROPER NAMES WITH COMMON SEMANTICS “TEACHER” IN MODERN ENGLISH

N.V. Pospelova

The relevance of the work is determined by the increased interest in the functioning of allusive proper names in the literary text. The scientific novelty lies in the consideration of the thematic group of allusive proper names with the general semantics of “teacher” in a linguocultural way.

The purpose of the study is to study the features of the functioning of allusive proper names with the semantics of “teacher” in modern English.

Materials and methods: descriptive method, definitional analysis, contextual analysis and semantization.

Results of the study. Definitional, contextual analysis allows you to identify a set of semas with which it is possible to describe a thematic group with the general semantics “teacher”; and define figurative meanings. These allusive proper names have the status of monovalence, because the main property “kind of educational activity” is actualized. The AIS in question are becoming vivid expressions of both the world and national culture of Great Britain. In the process of semantic transformation, the studied units become closer to common names, while the volume of meaning expands, the name becomes generalizing, which contributes to a deeper reading of the text.

Practical implications: theoretical and practical courses on intercultural communication, linguistic and country studies, stylistics, onomastics.

Keywords: allusion; allusive; proper name; teacher; semantics; component analysis; contextual analysis; linguocultural characteristics

В лингвистических исследованиях семантика имени собственного (далее ИС) всегда оставалась вопросом для полемики, что свидетельствует о противоречивой природе ИС. Смысловую нагрузку образует лингвистическая и экстралингвистическая информация. Эти сведения и образуют семантическое содержание, значение персоналии, которое устойчиво с ней связывается и позволяет употреблять ее в речи без особых пояснений [4, с. 5]. Источником имен-реалий могут быть имена реальных исторических лиц, героев художественных произведений, мифологических и сказочных героев, персонажей популярных радио- и телепередач и т.д. При этом часто происходит семантическое преобразование реалий, использование их во вторичной функции [7, с. 176].

В последние годы уделяется особое внимание семантике аллюзивных имен собственных (далее АИС) и образным характеристикам данной лексики, отсылающей к определенным, литературным, культурным и историческим фактам [9]. АИС – это своеобразная форма для передачи, хранения и применения информации. Автор посылает через АИС информацию, а читатель расшифровывает это сообщение с учетом экстралингвистических факторов.

Актуальность исследования определяется повышенным интересом к семантике и функционированию АИС в художественном тексте [2; 3; 5; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 18; 19; 20]. Вместе с тем не в полной мере исследовано функционирование семантики АИС по тематическому признаку, критерии дифференциации АИС, лингвокультуроведческие особенности. Научная новизна заключается в рассмотрении тематической группы АИС с общей семантикой «учитель» в лингвокультуроведческом ключе.

Цель исследования – изучение семантики и функционирования АИС с общей семантикой «учитель» в лингвокультуроведческой освещении. Для достижения указанной цели необходимо решить задачи: провести дефиниционный и контекстуальный анализ исследуемых аллюзий, определить тип указанной лексики, выявить лингвокультуроведческие характеристики изучаемой лексики.

Материалы и методы исследования

Объектом данной статьи является функционирование АИС в английском языке. Предметом исследования выступает аллюзивное функционирование ИС Miss Jean Brodie, Mr Chips, Chiron, Henry Higgins, Wackford Squeers на материале художественных текстов.

Материалом исследования послужили авторитетные отечественные, британские лексикографические источники и художественные произведения англоязычных авторов. Для описания экстралингвистических факторов и национально-культурной лексики были привлечены данные словарей аллюзий и лингвострановедческих словарей.

Методы исследования: изучение научной литературы по теме исследования, описательный метод, определяющий объект и предмет, анализ и обобщение фактического материала; компонентный анализ – метод изучения смысла слова путем разложения слова на минимальные значения; контекстуальный анализ, в котором придается значение семантическому окружению имени собственного для определения его семантико-функциональной структуры и семантизация – способ раскрытия значения слова с учетом экстралингвистических факторов, анализ лингвокультурных характеристик слова.

Теоретической базой явились некоторые положения когнитивной лингвистики: понятие языковой личности, языковой картины мира, лингвокультуры, аллюзии. Значимыми для данной статьи являются работы по семантике и функционированию АИС: И.Р. Гальперин (1981); Д.Б. Гудков (2000); М.А. Захарова (2004); Н.Е. Камовникова (2000); В.В. Ощепкова (2003); Т.С. Сиренко (2022); М.А. Соловьёва (2004); М.Д. Тухарелли (1984); И.С. Христенко (1992); М.И. Фоякова (1990).

ИС в литературе представлены как ИС людей и исторических деятелей, имена животных, ктематонимы, теонимы, космонимы [13, с. 18]. М.А. Соловьёва выделяет следующие типы аллюзивных антропонимов: маркированные со специальными маркерами сравнения и немаркированные; моновалентные, амбивалентные и

поливалентные АИС [11, с. 15-16]. Н.В. Поспелова рассматривает АИС *Punch* в статусе лингвокультурного типажа и определяет его ценностные, образные и ассоциативные характеристики [8].

Практическое значение исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в курсах по межкультурной коммуникации, лингвострановедению, стилистике, в спецкурсе «Особенности британской и американской ономастики».

Результаты и их обсуждение

Обратимся к рассмотрению следующих ИС: Miss Jean Brodie, Mr Chips, Chiron, Henry Higgins Wackford Squeers. Мисс Джин Броди, персонаж в романе М. Спарк «Мисс Джин Броди в расцвете лет», известна нетрадиционными методами обучения. Школьницы начального отделения уважаемой частной школы в Эдинбурге 1930-х гг. объединились в «клан Броди» по имени своей учительницы, старой девы, убежденной в том, что молодым девушкам нужно дать хорошее образование. Известное высказывание Мисс Броди: «all my pupils are the crême de la crême» (все мои ученики «сливки общества») (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. П.). В следующем отрывке следует отметить сдержанную манеру разговора мисс Броди, которая не теряет самообладание в любой ситуации: “Thank you, Officer,” I said, imitating Miss Jean Brodie’s manner [4, p. 68-69]. «Спасибо, офицер», – сказал я в манере мисс Джин Броди.

Далее рассмотрим АИС Мистер Чипс (Mr Chips). В романе Дж. Хилтона «Прощай, мистер Чипс» (1935) данный персонаж является вымышленным. Мистер Чипс – добрый английский классический школьный учитель. В романе он известен как мистер Чиппинг (Mr Chipping); прозвище Мистер Чипс дают его ученики. В другой экранизации 1969 г. персонаж идентифицирован как Артур Чиппинг – преданный своей профессии учитель/человек. “Mr Chips is the archetype of the dedicated schoolmaster” [4, p. 95]. “...Professor Chambers, a sad-looking, dusty old Mr. Chips whom the students had asked to chair the occasion. «...профессор Чемберс, грустный, пыльный старый мистер Чипс, возглавлявший мероприятие по просьбе студентов».

Вслед за этим, проанализируем лексическую единицу Хирон (Chiron / Cheiron). В античной мифологии Хирон – мудрый и добрый кентавр-мудрец, наставник многих героев, который отказался от бессмертия в пользу Прометея [4, с. 86]. Хирон – выдающийся человек, знавший многих героев Древней Греции. «... who *taught many great heroes in their youth, including Achilles, Actaeon, and Jason*. «... тот, кто в молодости воспитал многих великих героев, включая Ахилла, Актеона и Ясона». “the old sea Chiron, thinking perhaps that for the nonce he had sufficiently instructed his young Achilles” [24, p. 95]. «...старый морской Хирон, думая, может быть, что на этот раз достаточно поучил своего юного Ахиллеса». Следует отметить дальновидность, мудрость, отсутствие желания лишний раз делать нравоучение.

Уэжфорд Сквирс (Wackford Squeers) – жестокий, невежественный учитель в школе Йоркшира, вымышленный персонаж в произведении Ч. Дикенса «Николас Никлби». “Trembling first-formers (secretaries)... fearing the inevitable moment when a toothy, strigine, six-foot Wackford Squeers of a Headmistress would come screaming into the room” [24, p. 395]. «Первоклассники (секретари) ... дрожали от страха и покорно ждали, когда же зубастый, похожий на сову, шестифутовый директор У. Сквирс войдет с криками в комнату».

Профессор Хиггинс (Professor Higgins) – специалист по фонетике в комедии Б. Шоу «Пигмалион» (1913), и одновременно герой мюзикла Ф. Лоу, сюжет, которой основан на данной комедии. Уроки профессора Хиггинса преобразуют безграмотную цветочницу Элизу Дулитл в светскую даму. “... I tried to discuss them (the writers) with Robin; he laughed and said he had no desire to be Professor Higgins” [4, p.162]. «... я попробовала поговорить с Роббином о писателях, он рассмеялся и сказал, что у него нет желания становиться профессором Хиггинсоном» [4, с. 162]. “... He was supposed to be her Sancho, servile and, worshipful, not a hectoring Henry Higgins” [24, p. 198]. «... Он должен был быть ее Санчо, раболепным и поклоняющимся, а не неуклюжим Генри Хиггинсом. Следует отметить, что профессор Хиггинс – целеустремленный, имеющий свою точку зрения, иногда излишне строгий и прямолинейный.

Результаты компонентного анализа АИС представлены в следующей таблице:

Таблица № 1

<i>АИС Мисс Броди, мистер Чипс, Хирон, Уэкфорд Сквирс, Генри Хиггинс</i>	Архисема «отношение к образовательной сфере»
<i>АИС Мисс Броди</i>	Родовые семы (далее РС): «профессия», «время», «место», «учебное заведение», «статус в обществе»; видовые семы (далее ВС): «учитель», «1930-е годы», «Эдинбург», «частная респектабельная школа», «старая дева», окказиональная сема «нетрадиционные методы обучения», «эксцентричность».
<i>АИС Мистер Чипс</i>	РС: «профессия», «время», «место», «учебное заведение», «статус в обществе»; ВС: «учитель», «1870-1930 гг.», «Brookfield (вымышленное название)», «школа-интернат для мальчиков»; окказиональные семы: «добрый учитель», «неуклюжесть», «старомодность», «искренность».
<i>АИС Хирон</i>	РС: «профессия», «время», «место», «учебное заведение», «статус в обществе»; «выдающиеся ученики»; ВС: «тьютор», «Древняя Греция», «кентавр-мудрец», «Ахилл, Актеон и Ясон»; окказиональные семы: «добрый учитель», «целитель», «самопожертвенность», «искренность».
<i>АИС Уэкфорд Сквирс</i>	РС: «профессия», «время», «место», «учебное заведение», «статус в обществе»; ВС: «учитель», «директор школы», «викторианская эпоха», «школа в Йоркшире»; окказиональные семы: «жестокость», «громкий голос», «невежественность», «запугивание», «одноглазый».
<i>АИС Генри Хиггинс</i>	РС: «профессия», «время», «место», «учебное заведение», «статус в обществе»; ВС: «учитель», «профессор в области фонетики», «высшее общество», «Лондон»; окказиональные семы: «строгость», «целеустремленность», «образованность», «талант», «оригинальная методика».

Результаты исследования

Для достижения цели исследования были решены следующие задачи:

Во-первых, языковые значения исследуемых АИС были разложены на минимальные единицы. РС «профессия» представлена

следующими ВС: «учитель», «профессор в области фонетики», «директор», «тьютор». РС «время» показана следующими ВС: «1930-е гг.», «1870-1930 гг.», «викторианская эпоха». РС «место» передана следующими ВС: «Древняя Греция», «Лондон», «Йоркшир», «Эдинбург». РС «учебное заведение» представлена следующими ВС: «школа», «частная респектабельная школа». РС «статус в обществе» включает следующие ВС: «высшее общество», «выдающиеся ученики». Оказиональные семы: «жестокость», «громкий голос», «невежественность», «запугивание», «нетрадиционные методы обучения», «эксцентричность», «добрый учитель», «неуклюжесть», «старомодность», «искренность». С помощью такого набора сем возможно описание тематической группы с общей семантикой «учитель».

Во-вторых, в результате контекстуального анализа и выявлены переносные значения. Мисс Броди – эксцентричная классная дама с «передовыми идеями»; Мистер Чипс – «любовь к делу», «преданность профессии»; Хирон – «мудрец», «наставник»; У. Сквирс – «издевательство над учениками», «учитель-садивист»; профессор Хиггинс – «талантливый учитель», «новаторская идея»; «Профессор Хиггинс» мультимедийный справочник-тренажер. АИС – симбиоз, сочетающий в себе свойства ИС и нарицательного имени. АИС вызывают у читателя ассоциации, способные более глубокому прочтению текста.

В-третьих, представленные АИС являются моновалентными, т.к. при их использовании актуализируется одно основное свойство «род деятельности», т.е. «учитель». АИС – симбиоз, сочетающий в себе свойства ИС и нарицательного имени, при этом происходит расширение объема значения, имя становится обобщающим. АИС выступают средством описания четырех литературных персонажей и одного мифологического (Хирон). У. Сквирс – персонаж отрицательный, предпочтение отдается положительным образам. У. Сквирс и Мистер Чипс – яркие противоположности данной профессии.

В-четвертых, были представлены лингвокультуроведческие характеристики лексики. АИС содержат лингвистическую и экс-

тралингвистическую информацию, известную и латентную. АИС приобретают различного рода ассоциации и становятся яркими выразителями, как мировой, так и национальной культуры, что делает произведение более насыщенным и глубоким.

Заключение

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении представленной группы АИС, например, в публицистическом тексте. Кроме того, возможны различные формы рассмотрения АИС с общей семантикой «писатели», «путешественники», «сила» и т.д.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования, М.: Наука, 1981. 138 с.
2. Горнакова Л.Ю. Роль аллюзивного антропонима в семантике художественного текста // Сборник статей «Гуманитарные науки». 2010. С. 62-64.
3. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Издат-во ЛЕНАНД (Урсс). 2020. 152с.
4. Ермолович Д.И. Англо-русский словарь персоналий. М.: Русский язык, 1999. 334 с.
5. Захарова М.А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Самара, 2004. 19 с.
6. Камовникова Н.Е. Антропонимы как интертекстуальные аллюзии в поэтическом тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2000. 30 с.
7. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.: Глосса. Каро, 2013. 336 с.
8. Поспелова Н.В. Панч как лингвокультурный типаж в британской культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 10. Тамбов: Грамота. С. 3112- 3116.

9. Рум Р.У. Андриан. Великобритания. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 2000. 558 с.
10. Словарь лингвистических терминов. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/linguistic/1460/словарь> (дата обращения 6.04.2022)
11. Сиренко Т.С. Аллюзивные имена собственные как средство выражения авторской интенции // Филологические науки. Евразийский Союз Ученых. 2014. С. 68-70. URL: https://euroasia-science.ru/wp-content/uploads/2016/11/evro_5p4_6-171.pdf (дата обращения 3 01 2022).
12. Соловьёва М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
13. Тухарелли М.Д. Аллюзия в системе художественного произведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984. 25 с.
14. Фоянкова М.И. Имена собственные в художественном тексте: Учебное пособие, ЛГУ. Л. Изд-во ЛГУ, 1990. 103 с.
15. Христенко И.С. К истории термина аллюзия // Вестник Моск. унта. Сер. 9, Филология. 1992. № 4. С. 38-44.
16. Free Dictionary: dictionary, encyclopedia and thesaurus. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 03.01 2022).
17. Gardiner A. The theory of proper names. 2 nd. ed. London: Oxford University Press, 1957, 78 p.
18. Goodenough W.H. Componential analysis and the study of meaning // Language, 1956, vol. 32, pp. 195-216.
19. Hebel U.J. Intertextuality, Allusion in Literary Communication // An International Bibliography of Critical Studies. USA: Greenwood Books, 1989, 175 p.
20. Hilton, James. URL: <https://www.britannica.com/biography/James-Hilton> (дата обращения: 12.06.2022).
21. Lippman L. Baltimore Blues. New York: Avon Books, 1997, 304 p.
22. Mr Chips. <https://www.britannica.com/topic/Mr-Chips> (дата обращения 03.01 2022).
23. Melville H. Billy Budd. New York: A Tom Donerty Associates Book, 2016, 116 p.

24. Oxford Dictionary of Allusions. / Ed. by A. Delahunty, S. Dignen and P. Stock. Oxford: Oxford University Press, 2005, 472 p.
25. Paretzky S. Indemnity Only, New York: Dial Press, 1982, 244 p.
26. Pope A. The poetry of Allusion. Oxford: Oxford University Press. New edition by Brower R.A., 1959, 368 p. J. Susann
27. White E. Farewell Symphony, New York: Chatto & Windus, 1997, 504 p.

References

1. Galperin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 138 p.
2. Gornakova L.Y. Rol' alljuzivnogo antroponima v semantike hudozhestvennogo teksta [The role of an allusive anthroponym in the semantics of a literary text]. *Cbornik statej "Gumanitarnye nauki"* [Collection of Articles on Humanities], 2010, pp. 62-64.
3. Gudkov D.B. *Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent name and problems of precedentiality]. M.: Izdat-vo LENAND (Urss), 2020, 152 p.
4. Ermolovich D.I. *Anglo-russkij slovar' personalij* [Anglo-Russian dictionary of personalities]. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1999, 334 p.
5. Zakharova M.A. *Semantika i funkcionirovanie allyuzivnyh imen sobstvennyh* [Semantics and the functioning of allusive proper names]. Abstract of PhD dissertation. Samara, 2004, 19 p.
6. Kamovnikova N.E. *Antroponimy kak intertekstual'nye allyuzii v poeticheskom tekste*. [Anthroponyms as intertextual allusions in poetic text]. Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2000, 30 p.
7. Oshchepkova V.V. *Jazyk i kul'tura Velikobritanii, SSHA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii*. [Language and Culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand]. M.: Glossa. Karo, 2013, 336 p.
8. Pospelova N.V. Panch kak lingvokul'turnyj tipazh v britanskoj kul'ture [Punch as a linguocultural type in the British culture]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. The Questions of Theory and Practice], 2021, vol. 14(10). Tambov: Gramota Publ., pp. 112-3116.

9. Room A. *Velikobritaniya. Lingvostranovedcheskij slovar'*. [United Kingdom. Linguocultural Dictionary]. M: Russkiy yazyk, 2000, 558p.
10. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms] <https://dic.academic.ru/contents.nsf/linguistic/1460/slovar'> (accessed 06.04.2022)
11. Sirenko T.S. Allusive proper names as a means of expressing the author's intention. *Filologicheskie nauki. Evrazijskij Soyuz Uchenyh* [Philological Sciences. Eurasian Union of Scientists], 2014, pp. 68-70. URL: https://euroasia-science.ru/wp-content/uploads/2016/11/evro_5p4_6-171.pdf
12. Solovyova M.A. *Rol' allyuzivnogo antroponima v sozdanii vertikal'nogo konteksta*. [The role of the allusive anthroponym in the creation of a vertical context]. Abstract of PhD dissertation. Ekaterinburg, 2004, 23 p.
13. Tucharelli M. D. *Allyuziya v sisteme hudozhestvennogo proizvedeniya*. [Allusion in the system of Fiction]. Abstract of PhD dissertation. Tbilisi, 1984, 25 p.
14. Fonyakova M.I. *Imena sobstvennye v hudozhestvennom tekste* [Proper names in fiction]. Uchebnoe posobie, Leningrad: Izd-vo LGU, 1990, 103 p.
15. Khristenko I.S. *K istorii termina allyuziya* [To the history of the term allusion] *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9, Filologiya*. 1992. № 4. S. 38-44.
16. Free Dictionary: dictionary, encyclopedia and thesaurus. URL: <https://www.thefreedictionary.com>
17. Gardiner A. *The theory of proper names*. 2 nd. ed. London: Oxford University Press, 1957, 78 p.
18. Goodenough W.H. Componential analysis and the study of meaning. *Language*, 1956, vol. 32, pp. 195-216.
19. Hebel U.J. Intertextuality, Allusion in Literary Communication. *An International Bibliography of Critical Studies*. USA: Greenwood Books, 1989, 175 p.
20. Hilton, James. URL: <https://www.britannica.com/biography/James-Hilton>
21. Lippman L. *Baltimore Blues*. New York: Avon Books, 1997, 304 p.
22. *Mr Chips* [Mr Chips]. <https://www.britannica.com/topic/Mr-Chips>
23. Melville H. *Billy Budd*. New York: A Tom Donerty Associates Book, 2016, 116 p.

24. Oxford Dictionary of Allusions. / Ed. by A. Delahunty, S. Dignen and P. Stock. Oxford: Oxford University Press, 2005, 472 p.
25. Paretzky S. Indemnity Only, New York: Dial Press, 1982, 244 p.
26. Pope A. The poetry of Allusion. Oxford: Oxford University Press. New edition by Brower R.A, 1959, 368 p. J. Susann
27. White E. Farewell Symphony, New York: Chatto & Windus, 1997, 504 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Поспелова Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600, Российская Федерация
nad_posp@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nadezda V. Pospelova, Cand. Philology, associate professor, associate professor of Department of English Philology and cross cultural communication
Kazan (Volga Region) federal university
89, Kazanskaya Str., Yelabuga, Republic of Tatarstan, 423600, Russian Federation
nad_posp@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3635-78-16>

Поступила 24.05.2022

После рецензирования 20.06.2022

Принята 05.07.2022

Received 24.05.2022

Revised 20.06.2022

Accepted 05.07.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-300-308

UDC 81-11

PECULIARITIES OF TEACHING POLICE OFFICERS THE BASICS OF THE RUSSIAN SIGN LANGUAGE

L. V. Naurazbaeva

The article shows the practical aspects of training employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as presents the means of developing linguistic competence and ways of forming students' creative capabilities.

*The **object** of the research is to develop pedagogical principles for organizing the learning process that contribute to the study of educational material in Russian Sign Language.*

*The **subject** of the research is Russian Sign Language.*

*The **research methods** consist of theoretical analysis of the works of Russian and foreign linguists, method of empirical analysis.*

*The **results** of the scientific work are aimed at improving the efficiency of educational work with students during the training program "Training skills of the Russian sign language for duty units employees, district police officers, patrol service, traffic road safety, criminal investigation department, for migration issues".*

***Keywords:** Russian sign language; dactylology; gestures; training program; educational process*

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОСНОВАМ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

Л.В. Науразбаева

В статье представлены практические аспекты обучения сотрудников органов внутренних дел МВД России, средства разви-

тия лингвистической компетентности и способы формирования креативных возможностей личности обучающихся.

Цель научного исследования – *выработать педагогические принципы организации процесса обучения, способствующие изучению учебного материала по русскому жестовому языку.*

Предметом научной работы является *русский жестовый язык.*

При изучении вопросов жестовых языков применялись такие методы, как теоретический анализ работ отечественных и зарубежных исследователей, метод эмпирического анализа.

Результаты научной работы направлены на *повышение эффективности образовательной работы с обучающимися во время прохождения программы профессионального обучения «Обучение навыкам русского жестового языка сотрудников подразделений дежурных частей, участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, по обеспечению безопасности дорожного движения, уголовного розыска, по вопросам миграции».*

Ключевые слова: *русский жестовый язык; дактилология; жесты; программа обучения; образовательный процесс*

There is a growing concern in Russia for the well-being of people with hearing impairments. Therefore, it is a deep study of the Russian sign language is believed to be beneficial for those who can help people with hearing impairments.

There is no universal sign language. Different countries have their own sign languages. Thus, it is the Russian sign language that is used in the Russian Federation. It is a complete and natural language that has the same linguistic properties as spoken languages, with grammar being different from the Russian spoken language. It is the primary language of the Russians who are deaf and hard of hearing and is used by some hearing people as well.

The process of teaching police officers the Russian sign language (RSL) includes learning gestures. These are significant units of the sign language that capture target concepts. They are expressed by movements of hands and face as well as dactylology, i.e., dactyl signs, which are the letters of a particular national alphabet expressed by means of fingers.

The practice of teaching the Russian sign language made it possible to develop some pedagogical principles for organization of the learning process that contribute to the study of educational material and the achievement of the goal of the in-training program “Training skills of the Russian sign language for duty units employees, district police officers, patrol service, traffic road safety, criminal investigation department, for migration issues”.

The experience of teaching the Russian sign language shows that a limited period of study, an intensive educational program, target audiences, lack of knowledge and experience of police officers cause difficulties in communicating with the deaf and hearing-impaired citizens.

In general, the structure of practical classes can be represented in the following way:

- performing exercises to develop the skills of dactyling and reading the text from a dactylating hand;
- introduction of lexical and grammatical material;
- formation of lexical skills;
- development of lexical and grammatical skills;
- monitoring the level of knowledge, skills and abilities;
- formation and development of speech skills;
- formation and development of translation skills [9].

The methods and forms of teaching used in the traditional educational system are often predictable and monotonous. The specificity of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs adheres to the traditional system of education found most of universities. However, learning any foreign language including the Russian sign language is believed to be a creative process.

In order to improve any educational process efficiency, it is necessary to apply modern approaches to the organization of educational activities. For example, at the beginning of a training course on the Russian sign language training program for police officers it is essential to establish contact with the target audience. The teacher’s engagement, motivation, emotional drive will certainly give a rise to a response from students.

It should be of great importance to implement creative ideas and instead of, for example, an ordinary room design, several separate desktops might be arranged that can be arranged in a non-standard way to carry out a number of tasks aimed at getting students out of their comfort zone. For example, during the “Dialogue in the Dark” training, students cover their eyes with a bandage, then they (in groups or independently) perform various tasks, i.e., identifying an object by touch, making a small structure, performing a task within a limited period of time. Without being able to see, students are completely immersed in an environment that is unusual for them, they have to learn to express their thoughts clearly and work in a team.

Games have a special role in a teaching program as they facilitate language learning. From the point of view of the motivating function, it is useful to include a small game element in the script of each class, for example, articulation tasks, conducting various quizzes.

A well-chosen and interestingly told story is also a helpful learning tool. After studying several topics of the program, a tutor invite ask students to make up their own stories. It could be their life story, their professional activity case, a situation they saw happen, a story told by a friend or an anecdote.

Playing various scenes at language classes aimed at developing speech skills helps to overcome both language and psychological barriers in the process of communication between police officers and a deaf man or a person with a *hearing impairment*.

In the process (especially at the beginning) of teaching the Russian sign language to police officers, it is advisable to ask as many questions as possible, which triggers the students’ thinking activity to formulate answers. The “Interesting Fact” technique is intended to attract the attention of the audience by stating an interesting fact that is directly related to a given topic: “Did you know that there is a sign theater and even sign singing?” or “Have you ever wondered what would happen if you couldn’t hear or see...”.

In conclusion, it should be noted that the role of relaxation techniques at various stages of the classes help to relieve tension in the group

and cause a positive perception of subsequent information. Thus, the fingering task may include funny expressions or poems, which might appeal to students and serve as motivation for active work in practical classes.

Thus, the analysis of the process of teaching police officers the basics of the Russian sign language as part of the training program is believed to have made it possible to identify problems, formulate principles and develop methods for teaching the Russian sign language skills, which stimulate to organize the educational process successfully. The intention to organize the educational process effectively under the professional development program “Training skills of the Russian sign language for duty units employees, district police officers, patrol service, traffic road safety, criminal investigation department, for migration issues” might contribute to obtaining high results in police training.

References

1. Bazoev V.Z. Bilingvizm i obrazovanie glukhikh: sovremennyye tendentsii [Bilingualism and the education of the deaf: current trends]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University], 2016. no 4-2, pp. 320-330.
2. Galieva D.A. Kommunikativnyy metod obucheniya russkomu zhestovomu yazyku [Communicative method of teaching the Russian sign language]. *Nauchno-teoreticheskie aspekty kommunikativnykh metodik v protsesse yazykovoy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ufa, 08 oktyabrya 2020 goda* [Scientific and Theoretical Aspects of Communicative Methods in the Process of Language Training of Employees of Internal Affairs Bodies: Collection of Scientific-Practical Conference Materials, Ufa, October 08, 2020]. Ufa: Ufimskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2020, pp. 93-96.
3. Gal'skova N.D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam: posobie dlya uchitelya* [Modern methods of teaching foreign languages: a guide for teachers]. Moscow, 2003, 192 p.

4. Dimskis L.S. *Izuchaem zhestovyy jazyk: Ucheb. posobie dlja studentov defektol. fak. vyssh. ped. ucheb. Zavedenij* [Studying a sign language: teaching guide for defectology students]. Moscow: «Akademija» Publ., 2002, 128 p.
5. Dridze T.M. *Yazyk i sotsial'naya psikhologiya: uchebnoe posobie* [Language and social psychology: teaching guide]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1980, 224 p.
6. Zaytseva G.L. *Zhestovaya rech'. Daktilologiya: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Sign speech. Dactylology: textbook for university students]. Moscow: VLADOS Publ., 2000, 192 p.
7. Zaytseva G.L., Frumkina R.M. Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya zhestovogo yazyka [Psycholinguistic aspects of studying a sign language]. *Defektologiya* [Defectology], 1981, no 1, pp. 14-21.
8. Kucheryavaya T.L. Problemy professional'no-orientirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku studentov neyazykovykh spetsial'nostey [Problems of professionally oriented teaching of a foreign language to students of non-linguistic specialties]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.)* [Theory and Practice of Education in the Modern Conference (St. Petersburg, February 2012)], 2012, vol. 2. St. Peterburg: Renome, pp. 336-337. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1783/> (accessed August 15, 2022).
9. Lipina E.A. Iz opyta prepodavaniya russkogo zhestovogo yazyka sotrudnikam politsii v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [From the experience of teaching Russian sign language to police officers in the system of additional professional education]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement Bodies], 2018, no. 1(72), pp. 79-85.
10. Naurazbaeva L.V. *Osobennosti obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del daktil'noy i zhestovoy rechi: uchebno-metodicheskoe posobie* [Peculiarities of training dactyl and sign speech to police officers: training manual]. Ufa: Ufimskiy YuI MVD Rossii, 2018. URL: http://www/ufali.ru/eios/ebs/Elektronnaya_biblioteka/141.pdf (accessed August 20, 2022).

11. Naurazbaeva L.V. Osobennosti obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del zhestovoy rechi [Features of training employees of internal affairs bodies of sign speech]. *Kul'tura russkoy rechi v mnogonatsional'noy srede: sovremennyye problemy obshchestva i obrazovaniya: Sbornik materialov Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminar, Ufa, 31 yanvarya 2019 goda* [Culture of Russian Speech in a Multinational Environment: Modern Problems of Society and Education: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Seminar, Ufa, January 31, 2019]. Ufa: Ufimskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019, pp. 93-95.
12. Slovar' russkogo zhestovogo yazyka dlya sotrudnikov organov vnutrennikh del [Dictionary of the Russian sign language for law enforcement officers]. Moscow: DGSK MVD Rossii, 2020, 232 p.
13. Solomonik A.B. *Filosofiya znakovykh sistem i yazyk* [Philosophy of sign systems and language]. Minsk: MET Publ., 2002, 408 p.
14. *Teoriya i praktika russkogo zhestovogo yazyka: uchebnoe posobie* [Theory and practice of the Russian sign language: study guide]. Moscow: DGSK MVD Rossii, 2018, 174 p.
15. Kharlamenkov A.E. *Teoriya russkogo zhestovogo yazyka: uchebnik dlya vuzov* [Theory of Russian sign language: university textbook]. Moscow: Yurayt Publ., 2021, 171 p. URL: <https://urait.ru/bcode/479066> (accessed August 19, 2022).

Список литературы

1. Базоев В.З. Билингвизм и образование глухих: современные тенденции // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2016. № 4-2. С. 320-330.
2. Галиева Д.А. Коммуникативный метод обучения русскому жестовому языку // Научно-теоретические аспекты коммуникативных методик в процессе языковой подготовки сотрудников органов внутренних дел: Сборник материалов Межд. науч.-практич. конф.-ии, Уфа, 08 октября 2020 года. Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 93-96.

3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. М., 2003. 192 с.
4. Димскис Л.С. Изучаем жестовый язык: Учеб. пособие для студентов дефектол. фак. высш. пед. учеб. заведений. М.: Изд-ий центр «Академия», 2002. 128 с.
5. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: учебное пособие / под ред. проф. А.А. Леонтьева. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
6. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
7. Зайцева Г.Л., Фрумкина Р.М. Психолингвистические аспекты изучения жестового языка // Дефектология. 1981. №1. С. 14-21.
8. Кучерявая Т.Л. Проблемы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Теория и практика образования в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). Т. 2. СПб: Реноме, 2012. С. 336-337. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1783/> (дата обращения: 15.08.2022).
9. Липина Е.А. Из опыта преподавания русского жестового языка сотрудникам полиции в системе дополнительного профессионального образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 79-85.
10. Науразбаева Л.В. Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел дактильной и жестовой речи: учебно-методическое пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. URL: http://www.ufali.ru/eios/ebc/Электронная_библиотека/141.pdf (дата обращения: 20.08.2022).
11. Науразбаева Л.В. Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел жестовой речи // Культура русской речи в многонациональной среде: современные проблемы общества и образования: Сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара, Уфа, 31 января 2019 года / Под общей редакцией Л.У. Бикмаевой. Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 93-95.
12. Словарь русского жестового языка для сотрудников органов внутренних дел. М.: ДГСК МВД России, 2020. 232 с.

13. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. 2-е изд., доп. и испр. Минск: МЕТ, 2002. 408 с.
14. Теория и практика русского жестового языка: учебное пособие. М.: ДГСК МВД России, 2018, 174 с.
15. Харламенков А.Е. Теория русского жестового языка: учебник для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2021. 171 с. URL: <https://urait.ru/bcode/479066> (дата обращения: 19.08.2022).

DATA ABOUT THE AUTHOR

Liliya V. Naurazbaeva, Senior Lecturer

*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
2, Muksinova Street, Ufa, 450130, Russian Federation*

lilianv1979@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1970-3617>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Науразбаева Лилия Викторовна, старший преподаватель

Уфимский ЮИ МВД России

ул. Муксинова, 2, г. Уфа, 450103, Российская Федерация

lilianv1979@mail.ru

Поступила 24.08.2022

После рецензирования 05.09.2022

Принята 22.09.2022

Received 24.08.2022

Revised 05.09.2022

Accepted 22.09.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-309-326

УДК 811.11-112

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В НЕМЕЦКОМ ИНТЕРВЬЮ

В.В. Ловянникова, И.Г. Колиева

В настоящей статье предпринимается попытка выявить и проанализировать методы компрессии информации в немецком интервью, которые помогают собеседникам избежать нецелесообразной траты речевых усилий, отказаться от излишеств и повторов в разговоре и выражать свои мысли четко и содержательно.

Актуальность исследования обусловлена особой значимостью закона экономии в свете новых реалий глобализации, которая является одной из главных тенденций и характерных черт современной коммуникации, постоянно стимулирующих интерес лингвистов к выявлению и систематизации средств ускорения передачи информации.

Цель исследования – представить итоги научного осмысления роли и места средств языковой экономии в диалогическом жанре немецкой публицистики, в интервью.

Научная новизна исследования обусловлена его комплексным характером, изучением феномена экономии на всех уровнях языка в интервью на немецком языке.

Материалом исследования стали тексты интервью, опубликованные в информационно-политическом журнале «Focus», который выходит в издательстве Burda-Verlag в Мюнхене и пользуется особой популярностью в Германии.

Исследование проводилось с применением таких лингвистических методов, как наблюдение, сопоставление, экспликация, реконструкция, а также элементы количественного подсчета, лингвостилистического и контекстуального анализа.

Результаты исследования. Авторы формулируют комплекс лексических (композицы, заимствования из английского языка, сокра-

щения), морфологических (субстантивация, субституция, безартиклевый способ употребления существительных) и синтаксических (асиндетон, апозиопезис, эллипсис) средств, которые объединены функциональным признаком языковой экономии, и делают вывод об универсальном характере этого феномена в немецком интервью.

Сферой практического применения данных результатов может служить преподавание теоретических и практических дисциплин по немецкому языку.

Ключевые слова: языковая экономия; композит; сокращение; субстантивация; субституция; асиндетон; апозиопезис; эллипсис

IMPLEMENTATION OF LINGUISTIC ECONOMY PRINIPLES IN A GERMAN INTERVIEW

V.V. Lovyannikova, I.G. Kolieva

This article is an attempt to identify and analyze the methods of information compression in a German interview that help interlocutors to avoid unnecessary waste of speech efforts as well as excesses and repetitions in a conversation and express their thoughts clearly and meaningfully.

The relevance of this study is due to the special significance of the law of economy in the light of the new realities of globalization, that is one of the main trends and characteristic features of modern communication, constantly stimulating the interest of linguists in identifying and systematizing means of accelerating the transmission of information.

The purpose of this study is to present the results of scientific understanding of the role and place of the means of linguistic economy in the dialogical genre of German journalism, in an interview.

The scientific novelty of the research lies in its complex attempt to study the phenomenon economy at all levels of the language in a German interview.

The research material are the texts of interviews from the information and political magazine «Focus» published by the Burda-Verlag in Munich, being highly popular in Germany.

The study was conducted using such linguistic methods as observation, comparison, explication, reconstruction, as well as elements of quantitative calculation, linguo-stylistic and contextual analysis.

The results of research. *The authors formulate the set of lexical (composites, borrowings from English, abbreviations), morphological (substantivisation, substitution, non-article way of using nouns) and syntactic (asyndeton, aposiopesis, ellipsis) means, which are united by a functional feature of language economy, and conclude that this phenomenon is universal in a German interview.*

The field of practical implications *of these results can be the teaching of theoretical and practical disciplines in the German language.*

Keywords: *linguistic economy; composite; reduction; substantivisation; substitution; asyndeton; aposiopesis; ellipsis*

Введение

Происходящие в языке явления неслучайны: трансформация как целой языковой структуры, так и определенных его составных частей происходит в той или иной ситуации под влиянием различных факторов и зависит от принципов и норм развития языка. Одним из многочисленных явлений, влияющих на эволюцию и функционирование языка, можно считать принцип языковой экономии, основной смысл которой заключается в том, что жизнедеятельность людей основывается на решении поставленных задач при минимальном расходе сил.

Цель исследования состоит в формировании комплекса лексических, морфологических и синтаксических средств, которые помогают собеседникам в интервью избегать громоздкости, излишества, нецелесообразных затрат физических и эмоциональных усилий.

Актуальность исследования обусловлена интересом лингвистов к бережливости, краткости и лаконичности общения во всех сферах современной коммуникации и поиску оптимальных способов передачи информации.

Новизна исследования заключается в углубленном рассмотрении, описании и трактовке средств языковой экономии на всех уровнях языка в письменном интервью на немецком языке.

Материалом исследования послужили тексты интервью из немецкого информационно-политического еженедельного иллюстрированного журнала «Focus» издательства Hubert Burda Media.

В ходе исследования применялись **методы лингвистического описания**, представленные такими приемами, как наблюдение, сопоставление, экспликация, реконструкция, элементы количественного подсчета, лингвостилистического и контекстуального анализа.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в теоретических и практических курсах по интерпретации текста на немецком языке, стилистике и лингвистической прагматике.

Языковая экономия интересовала еще античных философов. Например, философ-схоласт У. Оккам сформировал закон экономии, или, как он его назвал, «принцип бережливости». По мнению У. Оккама, то, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего, и без необходимости не следует утверждать многое. Данные формулировки нашли свое отражение в логике аргументации под названием принципа «бритвы Оккама» [3, с. 10].

У Аристотеля можно обнаружить следующую мысль: при желании говорить сжато (а, следовательно, экономно) следует употреблять имена вместо понятий, например, «круг» вместо «плоская поверхность, все точки которой равно отстоят от центра» [2, с. 180].

В лингвистике понятие «языковая экономия» появилось, когда ученые заинтересовались вопросом разработки искусственных языков, в XVII-XVIII вв. Исследователи считали, что искусственный язык должен быть максимально практичным, т.е. экономным, в противоположность языкам естественным. Р. Декарт выдвинул мысль о том, что синтетический язык должен располагать только одним видом склонения, спряжения и построения слов [12, с. 48]. Вслед за этим ученые также обнаружили стремление к симплификации и в естественных языках. Область языковой науки, изучающая язык в его эволюции, предъявила доказательства того, что исторической закономерностью развития языков можно считать упрощение их языковой системы.

В XX в. об языковой экономии писали Г. Пауль [14], Е.Д. Поливанов [16], А.М. Пешковский [15], И.А. Бодуэн де Куртенэ [4], А. Мартине [11], В.Г. Адмони [1], Г.Г. Почепцов [17], Р.А. Будагов [5]. При этом ученые рассматривали данный феномен с точки зрения самых разнообразных разделов и отдельно взятых явлений языка и употребляли такие термины для его обозначения, как со-вмещение, элиминирование, свертывание, стяжение, сжатие, эллиптические конструкции, редукция и т.п.

В современной лингвистике под языковой экономией следует понимать намерение коммуникатора беречь свои силы при формировании речи [18, с. 546].

Основными принципами языковой экономии можно считать:

1. поиск компромисса между требованиями, предъявляемыми коммуникацией, и естественным желанием человека минимизировать собственные усилия;
2. высказывание ровно такого количества единиц языка, которые будут достаточны для понимания собеседником высказывания – не более;
3. минимизированное применение средств языка с целью передачи определенной мысли зависит от наличия такой потребности в той или иной ситуации;
4. принципы языковой экономии проявляются во многих уровнях структуры языка: в морфологии, фонетике, синтаксисе, словообразовании.

Поскольку интервью – жанр разговорный, логично было бы предположить, что оно является областью, в которой принципы экономии языковых усилий проявляются наиболее ярко и разнообразно. Задача журналиста вести беседу легко и непринужденно и добиться от собеседника непосредственности речи. Чтобы заставить читателя поверить в естественность беседы, побудить его переживать вместе с собеседниками схожие эмоции, журналисту необходимо, во-первых, показать непосредственное рождение мысли во время интервью, а во-вторых, продемонстрировать процесс импровизации, а это всегда накладывает на речь известный отпечаток [6, с. 59].

Результаты исследования

Во время интервью собеседники за ограниченное время должны донести до собеседника максимум информации, при этом они стремятся упростить и разгрузить свою речь. Наличие общего опыта, предварительных знаний и невербальных средств общения позволяет участникам интервью избавляться от ненужного груза излишеств в речи.

Результатом реализации языковой экономии в интервью становится сжатость текста, проявляющаяся в его структурно-семантической уплотнённости, а также определенный набор языковых средств, целью которых является стремление минимизировать свои усилия в диалоге и избегать избыточности в своих высказываниях.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что принципы языковой экономии ярко проявляются в немецком языке на **лексическом уровне**. Лаконично выражать свои мысли помогают **сложные слова**, употребляемые вместо громоздких словосочетаний. Характер языковой экономии в композитах непосредственно связан с коммуникативно-прагматической стороной композитообразования [8, с. 371]. Сложная структура таких лексем обладает краткостью формы и одновременно семантической наполненностью, что служит экономии речевых средств и усилий в процессе коммуникации.

В период распространения коронавирусной инфекции в текстах интервью употреблялись следующие композиты:

Biotech-Gründer, Virusvarianten, Variantenimpfstoff, Impfungsanpassungen, Impfstoffe, Abstandslinie, Pandemiebeginn, Coronapandemie, Kinderleiden, Gesichtsschirm, Zwangssituation, Coronaproblematik, Distanzklausur, Distanzarbeit, Distanzbesuch, Abstandsmaske, Corona-Hysterie, Gabenzaun, Abstrichzentrum.

Обращает на себя внимание тот факт, что зачастую такие новые слова строятся на основе метафоризации. Употребляя один из компонентов сложной лексической единицы в непрямом значении, собеседник в лаконичной форме создает яркий образ, а также выражает свою оценку и эмоциональное отношение к предмету речи: *Coronasünder, Hygienieritter, Mini-Ischg, Zoomkater, Geisterveranstaltung, Impfschwänzer, Nacktnase, Wohnhaft.* С помо-

щью метафоры в данном случае становится возможным создать универсальную для процесса познания и продиктованную культурным фактором когнитивную проекцию на новое понятие человеческой действительности на основе сходства ассоциаций.

Сжатым способом выражения информации можно считать использование **полусоставных слов**, поскольку в данном случае говорящий избегает повторения при употреблении сложных слов с одинаковым компонентом или производных слов с одинаковыми приставками:

Kinderärzte, Kinder- und Jugendpsychiater, Therapeuten und auch viele Pädagogen bemerken die Auswirkungen in Form vielfältiger körperlicher Erkrankungen und psychischer Symptomatiken.

Наиболее часто в текстах интервью встречались следующие полусоставные слова: *Vor- und Nachteile, Pro- und Gegen-Argumente, Vor- und Nachname, Arbeits- und Gesundheitsschutz, Arbeits- und Lernaufgaben, Rente –und Arbeitslosengeld, Haupt- oder Nebenfach, Mund- und Naseschutz, Beta- und Deltavariante, Digital- und Analogsystem.* Как видно из приведенных примеров, в данном случае наблюдается количественное уменьшение материальных средств языка, т.е. сокращение длины слов и сокращение словоформ.

Потребность в языковой экономии побуждает участников интервью активно использовать **заимствования** из английского языка. Англицизмы и производные, образованные на их основе в современном немецком языке, активно участвуют в реализации компрессивной функции [9, с. 68]. Редукция высказывания с помощью англицизмов достигается:

- за счет их краткой формы по сравнению с автохронным выражением:

team (Arbeitsmannschaft), snack (Zwischenmahlzeit), job (Tätigkeit), ticket (Flugkarte), show (Veranstaltung), talk (Gespräch), blog (Netztagebuch), event (Ereignis), labtop (Mobilrechner), twitter (Blitznetztagbuch), online (in Echtzeit.).

- за счет замены сложного многокомпонентного оборота одним англицизмом:

liken (im Netz eine Schaltfläche anklicken, um eine anerkennende Bewertung abzugeben), work-out (sportliche Übung zur Verbesserung der körperlichen Leistungsfähigkeit), training (regelmäßige Durchführung vielfältiger Übungen zur Ausbildung von Können), spot (kurz eingeblendete Werbung), ghostkitchen (Küche, in der Speisen nur zur Abholung oder Lieferung zubereitet werden), new work (Arbeit in neuen Bedingungen der Coronapandemie), new normal (Bedingungen der neuen Realität in Rahmen der Pandemie), zoomen (auf der Plattform für virtuelle Treffen arbeiten).

- за счет выбора усеченного англицизма, который параллельно существует в немецком языке и в полной форме. Тот факт, что возможность употребления англицизмов в языке-реципиенте в виде развернутого словосочетания не реализуется, говорит о желании собеседника экономить языковые силы:

exit (coronaexit), PCR-test (polymerase chain reaction test), fab lab (fabrication laboratory), diy (do it yourself), sci-fi (scientific fidelity), comfy (comfortable), gent (gentleman), phone (telephone), flu (influenza), specs (specifications), doc (doctor), popular concerts (pops).

Сокращения существовали как графический прием с тех пор, как появилась письменная речь и возникла необходимость беречь дорогую бумагу. Сегодня сокращения являются важным средством речевой экономии, заключающимся в компрессии высказывания, обобщении информации новых языковых единиц, а также в повышении уровня эффективности коммуникативной функции языка. Сокращения, своеобразные производные единицы с насыщенной семантикой и сжатой формой, понимаются как одно из языковых средств, противостоящих избыточности [10, с. 451].

Тенденция к языковой экономии и краткости изречения проявляется в употреблении участниками интервью различных сложно-сокращенных слов, образованных как результат:

- усечения лексической единицы до первого компонента сложного слова или словосочетания: *Corona (Coronavirus)*, *Delta (Delta Variante)*, *Beta (Beta Variante)*, *Gamma (Gamma Variante)*;

- усечения сложной лексемы до первых слогов: *Munaschu* (*Mundnaseschutz*), *Munaske* (*Mundnasemaske*), *Kuki* (*Kundenkind*), *Miki* (*Mitarbeiterkind*);
- выпадения центральной части и появления слов-рамок: *Panikdemie* (*Panikepedemie*), *Maskomat* (*Maskenautomat*), *Maskne* (*Maskenakne*);
- создания новых аббревиатур и аббревиатурных сочетания: *NRGS* (*Nationale Reserve Gesundheitsschutz*), *AHA* (*Abstand halten*), *AHA-Regel*, *AHA+A-Formel* (*A=App*); *AHA+C-Formel* (*C= Corona-App*, *AHA+C+L-Regel* (*L= Lüften*)). Данные лексические единицы способны вербализировать в краткой форме принятые правительством во время пандемии предписания, поскольку они похожи на математические формулы.

Стремлением собеседника передать максимум информации минимумом языковых средств можно объяснить реализацию принципов языковой экономии в интервью на **морфологическом уровне**.

Немецкие существительные, согласно нормативной грамматике, употребляются с артиклем. Являясь особой частью речи, артикль отражает категорию определенности или неопределенности существительного и указывает на его род, число и падеж. Однако сегодня в связи с развитием новых информационных технологий, ростом потока информации наблюдается ускорение темпа жизни современного человека и его стремление беречь свои речевые усилия, что проявляется зачастую в **опущении артикля** перед нарицательными существительными в текстах интервью:

– *Neue Impfstoffe* für die 12- bis 15-Jährigen haben die Behörden ja bereits genehmigt.

– Es ist eigentlich ein Zeichen *von gesundem Eigensinn*, auch wenn es uns oft nicht passt und wir es gern anders hätten»

– Viele Menschen waren sicher, dass Sie für Ihre bahnbrechende Entwicklung *diesjährigen Medizin-Nobelpreis* bekommen.

– Haben Sie manchmal das Gefühl, dass es keinerlei *Fortschritt* gibt?

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что хотя употребление существительного без артикля противоречит нормам грам-

матики немецкого языка, оно не препятствует процессу понимания и интерпретации речи говорящего слушающим, т.е. не мешает достижению коммуникативной задачи, и поэтому эффективно служит языковой экономии.

Функцию языковой компрессии в тексте интервью выполняет также **субстантивация** различных частей речи. Переход прилагательного, глагола причастия, числительного в разряд существительных с присвоением артикля дает возможность говорящему более компактно выразить свою мысль, не прибегая к дополнительным языковым единицам [7, с. 77]. Сказанное доказывают следующие примеры:

– Wir testen derzeit Variantenimpfstoffe an einer relativ kleinen Zahl von *Freiwilligen*.

– 73 Prozent *der Befragten* gaben an, dass es ihnen nun schlechter gehe als vor Corona.

– Geduld beim *Gesundwerden* ist die Hauptsache.

– *Die ersten*, die mit dem Impfstoff von Johnson & Johnson geimpft worden sind, müssen eine 2. Impfung erhalten, um als grundimmunisiert zu gelten.

– Vor drei Wochen haben wir Daten für *die Fünf- bis Elfjährigen* eingereicht, die liegen nun bei den Behörden, und die müssen sie im Gesamtkontext der Volksgesundheit beurteilen.

При употреблении участниками интервью субстантивированных слов (*der Betroffene, der Geimpfte, der Einfachgeimpfte, der Zweifachgeimpfte, der Vollgeimpfte, der Dreifachgeimpfte, der Durchgeimpfte, der Distanzarbeitende, der Gesundgewordene, der Untersuchte, der Corona Tote, der Corona Verstorbene, der Infizierte, der Angesteckte, der Neugeborene*) можно говорить о реализации принципа языковой экономии, поскольку в основе субстантивированной лексической единицы изначально лежало атрибутивное словосочетание. Причастие, перешедшее в разряд существительных, передает в сжатом виде как семантику, так и форму исходного выражения. Поскольку данный вид словообразования привычен для немецкого языка, в процессе речи возможно опущение опорного существительного как информационно избыточного. Субстантивированное причастие

демонстрирует простоту и лаконичность по сравнению с первоначальным атрибутивным словосочетанием.

Стараясь повысить выразительность своей речи и избегать в разговоре повторения и однообразия, собеседники прибегают в интервью к определенной системе слов-заместителей. Под **замещением или субституцией** в лингвистике понимается употребление одних языковых форм или грамматических явлений вместо других. Емкость высказывания достигается в интервью за счет употребления:

- указательных местоимений *der, die, das* вместо того члена предложения, который использовался раньше:
 - *Ich kenne diese Leute nicht. Die wollen machen, was sie wollen. Von mir aus können die eine Million Euro spenden.*
- местоименных наречий:
 - *Dadurch werden wir eine andere Zukunft haben.*
 - *Was kann getan werden, um diese Lage zu verbessern? – Dafür gibt es drei Strategien.*

Прономинализация как явление отражает общую тенденцию разговорной речи к предпочтению местоименных слов, создается непринужденностью диалогического общения и стремлением избегать излишних и нецелесообразных повторений [13, с. 196]. Значительна также конструктивная функция прономинализации, т.е. очевидно ее участие в оформлении структурного каркаса диалогического высказывания. Использование местоимений служит установлению контекстуальных связей, посредством которых достигается общая когезия текста.

Языковая экономия **на синтаксическом уровне** включает в себя качественно разнородные явления и процессы, ведущие в своем конечном результате к сжатию, компрессии, редуцированию текста.

Меньшему объему предложения способствует такая фигура, как **асиндетон**. Бессоюзная связь в интервью оказывается возможной благодаря несложности выражаемого содержания, близости простых по своей структуре предложений, преобладание которых в спонтанном диалоге является нормой [19, с. 56]. Асиндетон встречается в интервью во всех типах предложений:

– Was es wirklich gebracht hat, dass Kinder *zehn, zwölf, dreizehn* Jahre beschult worden sind.

– Die Menschen werden jetzt schon immer *alter, Krankheiten* werden besiegt.

– Ich warte seit Jahren vergeblich *darauf, jemand* kommt und erzählt Wahrheit.

– Ein durchaus erstrebenswertes *Ziel, ich* finde.

Как можно заметить, бессоюзие придает высказыванию в диалоге стремительность, а также усиливает его интонационную выразительность, ритмичность и экспрессивность.

Еще одной фигурой языковой экономии, часто встречающейся в интервью, можно считать **апозиопезис**, т.е. незавершенные, недоговоренные или прерванные предложения, подразумевающие расчет на догадку читателя. Среди причин обрыва, резкого прекращения речи в публицистике можно выделить:

- неуверенность говорящего, поиск подходящего слова:
 - *Nun, ja...*
- Schon 2010 haben wir Familien mit fünf Milliarden Euro mehr Kindergeld und Kinderfreibetrag entlastet...
- сомнение в содержании высказывания:
 - *Und stehen wir fassungslos vor der Entwicklung der letzten Jahre...*
- желание автора привлечь внимание к важным с его точки зрения словам:
 - *Wir vermissen die europäische Identität...*

Как показывают приведенные примеры, апозиопезис как особый вид редукции при помощи незавершенности фразы передает прерывистость речи и душевное волнение собеседника и придает тексту спонтанность и естественность живого общения.

Экономия языковых средств на синтаксическом уровне достигается также за счет сокращения синтаксической структуры высказывания при опущении одного или нескольких членов предложения. Зависимость последних высказываний от предыдущих, выступающих в роли контекста, делает излишним повторение некоторых

членов предложения или составных частей сложных предложений в других репликах диалогического единства [19, с. 54]. Следовательно, использование **эллипсиса** можно объяснить главной особенностью диалогического общения – реплицированием.

– Wer würde nicht sein letztes Hemd dafür geben, um am Leben zu bleiben? – *Ich schon.*

– Junge Leute sollten sich also schon zu ihrem eigenen Interesse impfen lassen? – *Absolut.*

Кроме диалогических эллипсов в интервью можно наблюдать отсутствие подлежащего, глагола-связки «sein», вспомогательных глаголов, оборота «es gibt», выполняющих формально структурную функцию:

– *Ist irgendwie toll!*

– *Das ein ziemlich formales Prinzip.*

– *Ganz schnell verstanden, alles ist momentan anders.*

– *Für viele schon keinen Ausweg aus der schweren Situation.*

Нужно подчеркнуть, что с помощью опущения некоторых слов достигается особая семантическая нагрузка оставшихся лексических единиц. Благодаря данному приему в интервью передается быстрая смена действий или состояний и достигается лаконизм и динамичность речи.

Заключение

Подводя итоги наблюдениям в сфере экономии языковых средств на материале немецкого интервью можно сделать следующие выводы: речь собеседников интервью богата языковыми приемами, целью которых является сбережение усилий. На лексическом уровне тенденция экономии языковых средств проявляется в использовании композитов, заимствований из английского языка и разного рода сокращений. На морфологическом уровне экономной и оперативной коммуникации служат субстантивация, субституция и употребление существительных без артикля. Средствами языковой экономии на синтаксическом уровне можно считать асиндетон, апозиопезис и эллиптические конструкции.

Информация о конфликте интересов. Конфликт интересов отсутствует.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построения). Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Античные теория языка и стиля / Под ред. О.М. Фрейденберг. М.: Наука, 1936. 341 с.
3. Аполлонов А.В. Жизнь и творчество Уильяма Оккама // Оккам У. Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 7-14.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Общее языкознание. Избранные труды. М.: Юрайт, 2017. 343 с.
5. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 17-36.
6. Солганик Г.Я. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н. Стилистика газетных жанров. М.: Высшая школа, 1978. 183 с.
7. Вих А.В. Языковая экономия во франкоязычном медиадискурсе. Морфологический аспект // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13(855). С. 75-86. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_75
8. Зинцова Ю.Н., Орлова О.А., Иванова Г.А. Реализация принципа языковой экономии в немецких композитах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 372-374.
9. Кудрикова Э.И. Компрессивная функция англицизмов и их производных в современном немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 14. С. 64-70. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.13> (дата обращения 28.07.2022).
10. Манерова К.В. Сокращения в современном немецком языке как результат словообразовательной редукции // Труды ИЛИ РАН. 2010. Т. VI, Ч. 2. СПб., С. 451-457.

11. Мартине А. Принцип экономии в фонетических измерениях: проблемы диахронической фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 301 с.
12. Матвиевская Г.П. Рене Декарт. М.: Просвещение, 1987. 79 с.
13. Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1994. 256 с.
14. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Либриком, 2014. 500 с.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской науки, 2001. 544 с.
16. Поливанов Е.Д. Где лежат принципы языковой экономии // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. М.: Высшая школа, 1981. С. 51-56.
17. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Ваклер, 2001. 343 с.
18. Розенталь Д.Э. Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Оникс, 2003. 624 с.
19. Яковлева Э.Б. Феномен языковых хезитаций. М: ИНИОН РАН, 2021. 215 с. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6064/2021_mon_fenomen_rechevykh_khezitatcii.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

References

1. Admoni V.G. *Sintaksis suvremennogo nemeckogo jazyka (sistema otnoshenij i sistema postroenija)* [The syntax of the modern German language (the system of relations and the system of construction)]. Leningrad: Nauka Publ., 1973. 366 p.
2. *Antichnye teorija jazyka i stilja* [Antique theory of language and style]. Moscow: Nauka Publ., 1936. 341 p.
3. Apollonov A.V. Zhizn' i tvorcestvo Uil'jama Okkama [The life and work of William of Ockham]. *Ockham W. Izbrannoe* [Selected works by William of Ockham]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002, pp. 7-14.
4. Baudouin de Courtenay I.A. *Obshhee jazykoznanie. Izbrannye trudy* [General linguistics. Selected works]. Moscow: Yurait Publ., 2017. 343 p.
5. Budagov R.A. Opredeljaet li princip jekonomii razvitie i funkcionirovanie jazyka [Does the principle of economy determine the development and functioning of the language]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics], 1972, no. 1, pp.17-36.

6. Solganik G. Ya., Vakurov V. N., Kokhtev N. N. *Stilistika gazetnyh zhanrov* [Stylistics of newspaper genres]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1978, 183 p.
7. Vikh A. V. Jazykovaja jekonomija vo frankojazychnom mediadiskurse. Morfologicheskij aspekt [Language economy in French media discourse. Morphological aspect]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Vestnik MSLU. Humanitarian Sciences], 2021, no. 13(855), pp. 75-86. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_75
8. Zintsova Yu. N., Orlova O. A., Ivanova G. A. Realizacija principa jazykovoj jekonomii v nemeckih kompozitah [Implementation of the principle of language economy in German composites]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], 2014, no. 2, pp. 372-374.
9. Kudrikova E. I. Kompresivnaja funkcija anglicizmov i ih proizvodnyh v sovremennom nemeckom jazyke [Compressive function of anglicisms and their derivatives in the modern German language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2020, vol. 13, no. 14, pp. 64-70. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.13>. (accessed July 28, 2022).
10. Manerova K. V. Sokrashhenija v sovremennom nemeckom jazyke kak rezul'tat slovoobrazovatel'noj redukcii [Abbreviations in modern German as a result of derivational reduction]. *Trudy ILI RAN* [ILI RAN works], 2010, vol. 6(2). St. Petersburg, pp. 451-457.
11. Martinet A. *Princip jekonomii v foneticheskikh izmerenijah: problemy diahronicheskoi fonologii* [The principle of economy in phonetic measurements: problems of diachronic phonology]. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury Publ., 1960, 301 p.
12. Matvievskaya G. P. *Rene Dekart* [Rene Descartes]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1987, 79 p.
13. Mikhailov L. M. *Kommunikativnaja grammatika nemeckogo jazyka* [Communicative grammar of the German language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1994, 256 p.
14. Paul G. *Principy istorii jazyka* [Principles of language history]. Moscow: Librikom Publ., 2014, 500 p.

15. Peshkovsky A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow: Yazyki slavyanskoy nauki Publ., 2001, 544 p.
16. Polivanov E.D. Gde lezhat principy jazykovoj jekonomii [Where lie the principles of linguistic economy]. *Istorija sovetskogo jazykoznanija. Nekotorye aspekty obshhej teorii jazyka* [History of Soviet Linguistics. Certain Aspects of the General Theory of Language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1981, pp. 51-56.
17. Pocheptsov G.G. *Teorija kommunikacii* [Theory of communication]. Moscow: Vakler Publ., 2001, 343 p.
18. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow: Oniks Publ., 2003, 624 p.
19. Yakovleva E.B. *Fenomen jazykovyh hezitacij* [Phenomenon of language hesitations]. Moscow: INION RAN Publ., 2021, 215 p. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6064/2021_mon_fenomen_rechevykh_khezitacii.pdf (accessed August 1, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ловяникова Виктория Васильевна, доцент кафедры романо-германских языков, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация
lovyannikova@yandex.ru

Колиева Ирина Геннадиевна, доцент кафедры романо-германских языков, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация
ikolieva@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Victoria V. Lovyannikova, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, PhD in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
lovyannikova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-6978>
SPIN-code: 4268-7535

Irina G. Kolieva, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, PhD in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
ikolieva@list.ru

Поступила 24.08.2022

После рецензирования 01.09.2022

Принята 05.09.2022

Received 24.08.2022

Revised 01.09.2022

Accepted 05.09.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-327-340

УДК 81'42

НАУЧНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ

А.Р. Сушкова

Обоснование. Любое новое научно-гуманитарное исследование строится на основе прочной теоретической базы, которая должна быть отражена в работе исследователя. Интертекстуальность как своеобразный принцип научного дискурса, выражающийся одновременно на уровне содержания и в плане выражения, представляет собой особый способ построения нового знания на основе чужих знаний и эмпирического опыта. Проведение сопоставительного исследования интертекстуальных маркеров научно-гуманитарного дискурса в русском и английском языках позволит выявить их общие и специфические черты.

Цель. В данной работе автор проводит сопоставительный анализ интертекстуальных маркеров научно-гуманитарного дискурса в русском и английском языках.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют такие общенаучные методы, как обобщение, анализ, и частные: описательный метод, математико-статистический метод, метод сплошной выборки.

Результаты. В результате проведенного исследования выявляются эксплицитные маркеры интертекстуальности, присущие научно-гуманитарному дискурсу в русском и английском языках, среди которых наиболее популярными оказываются фоновые ссылки, косвенная речь и цитаты. В ходе количественного подсчета исследуемых данных было выявлено, что процентное соотношение различных интертекстуальных маркеров внутри одного языка отличается. Так, было определено, что если в англоязычном дискурсе большую

часть интертекстуальных маркеров образуют фоновые ссылки, то в русскоязычном дискурсе данное число составили фоновые ссылки совместно с косвенной речью. Авторы резюмируют, что фоновые ссылки, используемые в научно-гуманитарном дискурсе двух исследуемых языков, помогают одновременно сохранить оригинальность исследования и отразить теоретическую опору исследователя.

Область применения результатов. *Полученные в ходе проведенного исследования данные вносят вклад в развитие функциональной стилистики и сопоставительного языкознания и могут быть использованы при проведении дальнейших исследований научно-гуманитарного дискурса, а также при обучении дисциплине «Академическое письмо».*

Ключевые слова: *научно-гуманитарный дискурс; интертекстуальность; цитата; косвенная речь; фоновая ссылка; сноска*

SCIENTIFIC HUMANITARIAN DISCOURSE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: INTERTEXTUAL MARKERS ANALYSIS

A.R. Sushkova

Background. *Any new humanitarian research is based on a solid theoretical basis, which should be reflected in the work of the researcher. Intertextuality as a peculiar principle of scientific discourse, expressed simultaneously at the level of content and in terms of expression, is a special way of building new knowledge based on other people's knowledge and empirical experience. Conducting a comparative study on intertextual markers of humanitarian discourse in Russian and English will reveal their common and specific features.*

Purpose. *In this paper, the author conducts a comparative analysis of intertextual markers of scientific humanitarian discourse in Russian and English.*

Materials and methods. *The research is based on general scientific methods, i.e., generalization and analysis as well as descriptive method, mathematical and statistical method, continuous sampling method.*

Results. *As a result of the research, the authors identify explicit markers of intertextuality inherent in scientific humanitarian discourse in Russian and English, among which background references, indirect speech and quotations are the most popular. During the quantitative calculation of the studied data, the authors revealed that the percentage ratio of various intertextual markers within one language differs. Thus, it was revealed that in the English-language discourse, most of the intertextual markers are formed by background links, while in the Russian-language discourse, this number was made up of background links together with indirect speech. The authors summarize that the background references used in the scientific humanitarian discourse of the two languages under study help preserve the originality of the study as well as reflect the theoretical support of the researcher.*

Practical implications. *The data obtained in the course of the conducted research can contribute to the development of functional stylistics and comparative linguistics, it can also be used by researchers of scientific humanitarian discourse, as well as for the purposes of teaching “Academic writing”.*

Keywords: *scientific humanitarian discourse; intertextuality; quotation; indirect speech; background reference; footnote*

Проблема интертекстуальности была и остается актуальным полем исследования многих языковедов (Вербицкая, 2009; Денисова, 2003; Кузьмина, 2009; Кузнецова, 2005; Литвиненко, 2008; Петрова, 2008; Фатева, 2006 и т.д.). Лингвисты рассматривают различные аспекты данного вопроса, включая особенности интертекстуальности в переводоведении Н.В. Климович (2014), специфику интертекста научной речи для характеристики авторов текстов Е.Е. Нужнова (2006). На особую роль интертекстуальности в научной речи указывает В.Е. Чернявская (2009), подчеркивая, что она выступает в качестве смысло- и текстообразующего принципа.

В научно-гуманитарном дискурсе интертекстуальность служит еще и средством выражения достоверности и объективности знания, т.к. автор формирует фундамент своего исследования – теоретическую базу, ссылаясь на работы других исследователей.

Как правило, научному дискурсу, в отличие от других типов дискурса, присущи эксплицитные маркеры интертекстуальности (цитаты, косвенная речь, фоновые ссылки, примечания, сноски).

В первую очередь обратимся к одному из основных способов выражения интертекстуальности в научно-гуманитарном дискурсе – цитированию.

Цитация – это дословная передача чужой речи в обособленном кавычками виде. Цитаты, в отличие от косвенной речи, позволяют сохранить оригинальность мысли, тем самым лишая ее оценочных суждений и переосмысливания в неправильном ракурсе.

Вслед за В.Е. Чернявской выделим следующие виды цитат по цели введения: цитата-аргумент, цитата-заместитель и цитата-пример.

Безусловно, научно-гуманитарный дискурс характеризуется наличием всех видов цитат, однако стоит отметить, что для разных этапов гуманитарного исследования соотношение разных видов цитаций будет отличаться. Так, в научно-гуманитарном дискурсе двух языков для теоретической части исследования, где проводится обзор имеющихся исследований по теме, характерно употребление только цитат-заместителей и цитат-аргументов:

Наиболее емко традицию эстетического восприятия этого произведения (Бобякова, 2010; Фокина, 2015) И. А. Бродского описал И. О. Шайтанов (2010): «...одни числят среди лучших созданий Бродского, от которого другие отшатываются как от богохульного» <...> (с. 265) [1, с. 1713]. В данном контексте автор выражает точку зрения, ссылаясь на слова другого автора, поэтому данную цитату можно отнести к типу и «цитата-аргумент», и «цитата-замещение».

Ruitenbergh (2009), for instance, points out that “an artists’ primary concern is to make art, yet most art academies also teach their students to communicate about their work through the medium of the artist’s statement” [17, p. 318]. Рассматривая имеющиеся работы по теме, автор приводит в пример мнение другого исследователя на исследуемый вопрос. В данном случае цитата служит замещением утверждения.

В то же время в практической части исследования в двух исследуемых языках преимущественно используются цитаты-примеры:

Пример инверсии обнаруживается в сказке о носороге: “Once upon a time, on an uninhabited island on the shores of the Red Sea, there lived a Parsee...” (Kipling, 2008) [14, с. 200]. В данном случае эта цитата одновременно является и аргументом, и примером, что позволяет говорить об отсутствии четких границ между разными видами цитат. Таким образом, одна цитата может одновременно подкреплять утверждение и иллюстрировать чужой текст в новом тексте в качестве языкового материала.

Стоит отметить, что в других случаях одна и та же цитата может одновременно подкреплять и замещать:

“Another child who stated she was not yet at a language level to play games aimed at native speakers expressed her wish for a more authentic gaming experience when learning the language:

I absolutely love to game and stuff, I love Minecraft, Sims, all of that. ... I guess if [language learning] is in game format it kind of helps but it would need to sync in a bit more in that” (Interview, Daughter, 10yo, Italian) [19, p. 226]. Из данного примера также ясно, что он использован и как иллюстрация, и как подтверждение авторской мысли.

Важно подчеркнуть, что исследователи по возможности стараются сокращать количество цитат в научном гуманитарном дискурсе русского и английского языков, что связано с необходимостью поддержания оригинальности исследования, с одной стороны, и повышения собственного исследовательского статуса, с другой.

Иным способом передачи чужой речи в научно-гуманитарном дискурсе двух языков является косвенная речь. В отличие от цитации косвенная речь обязательно включает анализ первоисточника, вследствие чего могут наблюдаться изменения как на уровне формы, так и на уровне содержания.

Следует обратить внимание, что такие трансформации имеют как несомненные преимущества, так и существенные недостатки. Так, неправильная интерпретация приводит к изменениям на уровне содержания, что может исказить первоначальный смысл

какого-либо утверждения и, как следствие, привести к ложным утверждениям. В тоже время косвенная речь имеет весомое преимущество перед цитацией: она не влияет на уровень оригинальности работы, при этом позволяет сохранить опору на теоретическую базу исследования. Именно поэтому данный способ введения чужой речи является весьма популярным среди отечественных и зарубежных исследователей гуманитарного профиля:

Выявлению когнитивной сути перевода способствует тот факт, что Г.В. Чернов трактует понимание как процесс и результат смысловых выводов [2, с. 26].

According to Daichendt (2012), the artist's statement functions to explain, justify or contextualise an artist's work to the viewer, although he states that it often falls short of communicating the works' richness or the complexity of process involved [17, p. 104].

Важным положением для исследования является то, что фоновые ссылки в научно-гуманитарном дискурсе двух языков являются самой многочисленной группой интертекстуальных маркеров. Графически они представлены круглыми или квадратными скобками в русскоязычном дискурсе, тогда как в англоязычном дискурсе принято использовать только круглые скобки. На семантическом уровне фоновые ссылки образуют содержательно-фактуальную сторону дискурса. Исследователи используют их в качестве доказательной базы: указывая фамилии авторов, они подтверждают ретроспективные идеи, использованные в своем исследовании, что способствует созданию точности, доказательности и объективности. Кроме того, такого рода ссылки еще и расширяют масштабы исследования: ссылаясь на большое количество авторов, исследователь актуализирует значимость своей работы, придает ей важность, что в совокупности формирует теоретическую базу гуманитарного исследования.

Фоновые ссылки в научном гуманитарном дискурсе можно условно подразделить на:

- полные (с указанием общепринятых сокращений и соответствующей графической маркировкой):

Наличие синонимии вызывает «сложности выявления различных вхождений терминов в текст» (Большакова, Воронцов, Ефремова и др., 2017, с. 120) [11, с. 136].

The word-grouping tool 'shows how other words can boost a word's strength of ESD within a category by adding more meanings' (Maton and Doran, 2017: 66) [15, p. 3]

- неполные (с указанием на источник без указания страниц):

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной работами по достоверности (Белоедова, 2017; Самарцев, 2007; Панченко, 2010; Кожина, Дускаева, Салимовский, 2010), дискурсивным практикам (Иссерс, 2011; Филлипс, Йоргенсен, 2004; Фуко, 1996) и аналитической статье (Тертычный, 2013; Добросклонская, 2014; Дускаева, 2019) [8, с. 70].

One way to investigate language proficiency is to let participants self-assess their own skills, for example, using surveys (Clark 1981) or interviews (Latoma 1996) [16, p. 140].

Как видно из примеров, фоновые ссылки неполного формата применяются в дискурсе исследуемого типа двух языков в случаях: когда указываются общие направления работы других авторов, либо автором раскрываются конкретные положения результатов исследования в косвенном виде. В то же время полные ссылки представлены в основном после цитат. Тем не менее в некоторых случаях они используются и после передачи чужих мыслей в косвенном виде.

Для получения количественных данных мы проанализировали 100 научных статей и монографий научно-гуманитарного направлений. В ходе проведенного исследования было зарегистрировано, что в англоязычном дискурсе исследуемого типа количество фоновых ссылок больше, чем в русскоязычном дискурсе. Число фоновых ссылок может достигать до 129 единиц (на 10 страниц) для научной статьи, тогда как в русском языке наибольшее количество фоновых ссылок в исследуемых статьях составило 84 единицы (на 10 страниц).

Разумеется, в монографиях количество фоновых ссылок оказалось значительно больше: в русскоязычном – 153 единицы на 172

страницы, а в англоязычном – 408 единиц на 208 страниц, что составляет 0,88 единицы против 1,96 единиц на одну страницу. Однако, если рассчитать количество единиц, приходящихся на страницу, то окажется, что количество фоновых ссылок существенно больше в научных статьях в отличие от монографий.

Необходимо подчеркнуть, что в русскоязычном научном дискурсе большая часть фоновых ссылок приходится на практическую часть исследования, тогда как в англоязычном научно-гуманитарном дискурсе основное число приходится на вводную-теоретическую часть. В то же время количество фоновых ссылок в двух частях исследования варьируется и от направления исследования. Если в исследованиях по литературе с точностью преобладают фоновые ссылки в практической части, то в исследованиях по языку соотношение может существенно меняться от типа исследования. Примечательно, что количество фоновых ссылок в практической части может быть преобладающей и в литературном исследовании англоязычного научно-гуманитарного дискурса.

В рамках проведенного исследования оказалось, что наименее встречаемым явлением интертекстуальности в научно-гуманитарном дискурсе русского и английского языков являются сноски, будучи средством немедленного пояснения основного текста. В отличие от других типов интертекстуальности они могут полностью отсутствовать в научных статьях, либо их количество варьируется в среднем от 1 до 4 для научно-гуманитарного дискурса двух языков, тогда как в монографиях их количество существенно увеличивается. Как правило, сноски применяются для библиографических ссылок, в качестве перевода чужого текста, либо в качестве пояснений к тексту.

Рассмотрение интертекстуальных маркеров научного гуманитарного дискурса позволило выявить их процентное соотношение в русском и английском языках (Табл. 1).

Из таблицы видно, что процентное соотношение интертекстуальных маркеров отличается в двух языках. Безусловным лидером являются фоновые ссылки, однако, как можем заметить, в англоязычном дискурсе данный тип превалирует на 18%. Это объясняется

строгой необходимостью обеспечить объективность исследования, теоретически обосновать и доказать изученность темы автором.

Таблица 1.

Количественная характеристика интертекстуальных маркеров

Маркеры	Русскоязычный научно-гуманитарный дискурс	Англоязычный научно-гуманитарный дискурс
Цитаты	10%	4,7%
Косвенная речь	37%	24%
Фоновые ссылки	52%	70%
Сноски	1%	1,3%

Итак, были рассмотрены интертекстуальные маркеры научно-гуманитарного дискурса в русском и английском языках и выявлены их схожие и отличительные особенности. Следует отметить, что в исследуемом дискурсе двух языков интертекстуальные маркеры представлены примерно в одинаковом соотношении: на первом месте фоновые ссылки, менее популярна косвенная речь, далее цитаты и на последнем месте сноски. Однако их процентное соотношение внутри научно-гуманитарного дискурса одного языка отличается. При этом в англоязычной статье фоновые ссылки в основном были использованы в качестве доказательной базы теоретических положений, тогда как в русскоязычной статье большое число составили фоновые ссылки на исследуемые примеры в практической части исследования. Примечательно, что авторы в научно-гуманитарном дискурсе двух языков стараются избегать большого количества цитирований, заменяя их на косвенную речь или фоновые ссылки с целью сохранения оригинальности исследования.

Список литературы

1. Бурая М.А. Образ Бенвенуто Челлини в сверткестовом единстве И. А. Бродского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Выпуск 6. С. 1712-1717.
2. Быкова И.А. Язык в когнитивном пространстве перевода и межкультурной коммуникации: Монография. 2-е изд., исправл. и дополн. М.: Языки Народов Мира; НВИ, 2021. 179 с.

3. Вербицкая М.В., Гусева А.А. Проблема перевода интертекстуальных элементов: категориальный подход // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-perevoda-intertekstualnyh-elementov-kategorialnyu-podhod> (дата обращения: 13.05.2022).
4. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298с.
5. Кузнецова О.В. Понятийный анализ термина «интертекстуальность» // Лингвистика. Методика. Информатика: материалы конференции молодых ученых. Иркутск: ИГЛУ, 2005. С. 35-36.
6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Монография. Изд. 5-е. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. 268 с.
7. Литвиненко Т.Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 308 с.
8. Никонова Е.А. Дискурсивные практики конструирования достоверности повествования в аналитической статье (на примере англоязычного масс-медиа дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т.15. Вып. 1. С. 69-74.
9. Нужнова Е.Е. Интертекстуальность в научной речи // Язык и культура. 2016. № 22. С. 49-54.
10. Петрова Н.В. Интерсубъективная интертекстуальность // Вопросы теории текста, лингвостилистики и интертекстуальности: сборник научных статей. Иркутск, ИГЛУ, 2008. № 1(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intersubektnaya-intertekstualnost> (дата обращения: 15.05.2022).
11. Польщикова О.Н. Исследование синонимических отношений в терминологии компьютерной лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 136-140.
12. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. Изд. 4-е. М.: URSS, 2012. 280 с.
13. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.

14. Шмакова А.В. Трудности перевода английских сказок на русский язык (на примере перевода “Just So Stories” Р. Киплингa) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 197-202.
15. Brooke M. ‘Feminist’ in the sociology of sport: An analysis using legitimation code theory and corpus linguistics // *Ampersand*, 2020, vol. 7. <https://doi.org/10.1016/j.amper.2020.100068>.
16. Forsberg J., Ribbås M.T. & Gross J. Self-assessment and standard language ideologies: bilingual adolescents in Sweden reflect on their language proficiencies // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2021, vol. 42(2), pp. 137-151. <https://doi.org/10.1080/01434632.2020.1715988>
17. Hocking D. Artist’s statements, ‘how to guides’ and the conceptualisation of creative practice // *English for Specific Purposes*, 2021, vol. 62, pp. 103-116. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.12.006>.
18. Klimovich N.V. Phenomenon of Intertextuality in Translation Studies // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2014, vol. 7, no 2., pp. 255-264.
19. Little S. ‘Is there an app for that?’ Exploring games and apps among heritage language families // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2019, vol. 40(3), pp. 218-229. <https://doi.org/10.1080/01434632.2018.1502776>

References

1. Buraya M.A. *Obraz Benvenuto Chellini v sverhtekstovom edinstve I.A. Brodskogo* [The image of Benvenuto Cellini in the supra-textual unity of I.A. Brodsky]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 6, pp. 1712-1717.
2. Bykova I.A. *Yazyk v kognitivnom prostranstve perevoda i mezhkul’turnoj kommunikacii: Monografiya* [Language in the cognitive space of translation and intercultural communication: Monography]. 2-d ed. Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ.; NVI, 2021, 179 p.
3. Verbitskaya M.V., Guseva A.A. Problema perevoda intertextual’nih elementov: kategorial’ny podhod [Problem of translation of the intertext-

- tual elements: categorical approach]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Journal of the Moscow State University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2009, no. 2, pp. 9-18.
4. Denisova G.V. *V mire interteksta: yazyk, pamiat', perevod* [In the World of Intertext: Language, Memory, Translation]. Moscow: Azbukovnic Publ., 2003, 298 p.
 5. Kuznetsova O.V. Ponyatiiny analiz termina "intertekstual'nost'" [Conceptual analysis of the term "intertextuality"]. *Lingvistika. Metodika. Informatika: materialy konferencii molodyh uchenyh* [Linguistics. Methodology. Informatics: Fundamental and Applied Aspects: papers of the young scientists conference]. Irkutsk: ISLU Publ., 2005, pp. 35-36.
 6. Kuzmina N.A. *Intertekst i ego rol' v processah evolutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the process of the evolution of the poetic language]. Moscow: URSS Publ.: Librikom Publ., 2009, 268p.
 7. Litvinenko T.E. *Intertekst' v aspektah lingvistiki i obshei teorii teksta* [Intertext in the view of linguistics and general text theory]. Irkutsk: ISLU Publ., 2008, 308 p.
 8. Nikonova E.A. Diskursivnye praktiki konstruirovaniya dostovernosti povestvovaniya v analiticheskoy stat'e (na primere angloyazychnogo mass-media diskursa) [Discursive practices of constructing narrative credibility in an analytical article (using the example of English-language mass media discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 1, pp. 69-74.
 9. Nuzhnova E.E. Intertekstual'nost' v nauchnoj rechi [Intertextuality' in scientific speech]. *Jazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2016, no. 22, pp. 49-54.
 10. Petrova N.V. *Intersub'ektnaya intertekstual'nost'* [Intersubjective intertextuality]. *Voprosy teorii teksta, lingvostilistiki i intertekstual'nosti: sbornik nauchnyh statej* [Issues of the Text Theory, Lingvostylistics and Intertextuality: Collection]. Irkutsk, ISLU Publ., 2008., pp. 55-63.
 11. Pol'shchikova O.N. Issledovanie sinonimicheskikh otnoshenij v terminologii komp'yuternoj lingvistiki [Research of synonymic relations in

- the terminology of computational linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 1, pp. 136-140.
12. Fateeva N.A. *Intertext v mire tekstov: kotnrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the world of texts: counterpoint of intertextuality]. Moscow: "Komkniga" Publ., 2006, 280 p.
 13. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost': Uchebnoe posobie* [Text linguistics: polycode, intertextuality, interdiscursivity: study guide]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2009, 248 p.
 14. Shmakova A.V. Trudnosti perevoda anglijskih skazok na russkij yazyk (na primere perevoda "Just So Stories" R. Kiplinga) [Difficulties in translating English fairy tales into Russian (on the example of the translation of "Just So Stories" by R. Kipling)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 1, pp. 197-202.
 15. Brooke M. 'Feminist' in the sociology of sport: An analysis using legitimization code theory and corpus linguistics. *Ampersand*, 2020, vol. 7. <https://doi.org/10.1016/j.amper.2020.100068>
 16. Forsberg J., Ribbås M.T. & Gross J. Self-assessment and standard language ideologies: bilingual adolescents in Sweden reflect on their language proficiencies. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2021, vol. 42, no. 2, pp. 137-151. <https://doi.org/10.1080/01434632.2020.1715988>
 17. Hocking D. Artist's statements, 'how to guides' and the conceptualisation of creative practice. *English for Specific Purposes*, 2021, vol. 62, pp. 103-116. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.12.006>.
 18. Klimovich N.V. Phenomenon of Intertextuality in Translation Studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2014, vol. 7, no 2, pp. 255-264.
 19. Little S. 'Is there an app for that?' Exploring games and apps among heritage language families. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2019, vol. 40(3), pp. 218-229. <https://doi.org/10.1080/01434632.2018.1502776>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сушкова Айгуль Рафаилевна, старший преподаватель кафедры
английской филологии и межкультурной коммуникации
*Елабужский институт Казанского (Приволжского) Федераль-
ного Университета*
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, республика Татарстан, 423600,
Российская Федерация
aigulechka.92@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Aigul R. Sushkova, Senior Lecturer, Department of English Philology
and Cross-Cultural Communication
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423600,
Russian Federation
aigulechka.92@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6248-1135>

Поступила 16.07.2022

После рецензирования 17.08.2022

Принята 26.08.2022

Received 16.07.2022

Revised 17.08.2022

Accepted 26.08.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-341-353

УДК 81-26

АНГЛИЙСКИЕ ЭМОТИВЫ В ТАБАСАРАНСКОМ ПЕРЕВОДЕ «АЛИСА АЪЛАМАТНАН ВИЛАЯТДИЪ»

Р.Н. Касимова, С.В. Шахэмирова

В статье дается общая характеристика междометия как эмотива. Рассматриваются подходы и приемы перевода междометий с английского языка на табасаранский язык на примере произведения Л. Кэрролла «Alice in Wonderland» и его табасаранского перевода «Алиса Аълагатнан Вилаятдиъ», выполненного Г. Омаровой. Актуальность исследования заключается в повышенном внимании к языкам малых народов и вопросу перевода. Отсутствие теоретической базы теории и практики перевода на табасаранский язык является основной проблемой исследования. Целью исследования является выявление особенностей табасаранского перевода, основных приемов перевода. Методами исследования являются аналитический обзор, анализ научной литературы по проблеме классификации междометий и сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий наиболее ярко оттенить языковые особенности языка оригинала и перевода, на основании чего возможно проводить анализ лингвокультурологического и когнитивного планов.

Результаты исследования. *Наиболее популярными способами перевода первичных междометий на табасаранский язык являются эквивалентный с элементами утращения, транскрибирование, компенсация и опущение. Наиболее популярными способами перевода вторичных междометий на табасаранский язык являются модуляция, целостное преобразование, эквивалентный перевод, добавление и опущение.*

Ключевые слова: *эмотив; первичное междометие; вторичное междометие; перевод; английский язык; табасаранский язык; Alice in Wonderland*

**ENGLISH EMOTIVES IN TABASARAN TRANSLATION
ALISAH AYLAMATNAN VILAYATDI**

R.N. Kasimova, S.V. Shakhemirova

The article gives a general description of interjection as an emotive. Approaches and techniques of translating interjections from English into Tabasaran are considered on the example of L. Carroll's Alice in Wonderland and its Tabasaran translation Alisah Aylamatnan Vilayatdi performed by G. Omarova. The relevance of the research lies in the increased attention to the languages of small nations and the issue of translation. The lack of a theoretical basis for the theory and practice of translation into Tabasaran is the main problem of the study. The purpose of the study is to identify the features of Tabasaran translation as well as the main methods of translation. The research methods are the analytical review, analysis of the scientific literature on the problem of interjection classification and the comparative method that allows to highlight the linguistic features of the original language and translation most vividly, being the basis to analyze the linguistic and cultural and cognitive plans.

Results of the study. *The most popular ways of translating primary interjections into the Tabasaran language are equivalent with elements of tripling, transcription, compensation and omission. The most popular ways of translating secondary interjections into the Tabasaran language are modulation, integral transformation, equivalent translation, addition and omission.*

Keywords: *motive; primary interjection; secondary interjection; translation; English; the Tabasaran language; Alice in Wonderland*

Введение

Обозначения эмоций в языке и речи происходит только при их осознанном употреблении или описании, т.е. когда говорящий намеренно выражает словесно свое эмоциональное состояние. В этимологии под выражением эмоций понимается их непосредственное

речевое проявление, которое производится при помощи специфических единиц – эмотивов [12, с. 145]. *Эмотив* – это языковая единица, выполняющая функцию выражения эмоций говорящего (адресанта) и / или эмоционального воздействия на слушающего (адресата).

Цель работы

Обозначить основные подходы к переводу междометий и выявить основные приемы перевода первичных и вторичных междометий английского языка.

Материалы исследования

Материалом исследования послужила сказка Л. Кэрролла «Alice in Wonderland» и его табасаранский перевод «Алиса Аьлааматнан Вилаятдиъ».

Результаты исследования и их обсуждение

К эмотивной лексике относится *междометие* как часть речи, которая позволяет выразить чувства, эмоции, не прибегая к конкретизации. Многие междометия используются исключительно для воспроизведения живых эмоций. В оригинальном произведении Л. Кэрролла «Alice in Wonderland» встречается 98 случаев употребления первичных междометий (*oh* – 41, *no* – 19, *yes* – 12, *ah* – 7, *alas* – 3, *o* – 3, *wow* – 3, *ugh* – 2, *sh* – 2, *tut* – 2, *ahem*, *hm*, *nay*, *eh*) и 30 случаев употребления вторичных междометий (*well* – 8, *come* – 5, *hush* – 3, *here* – 2, *come on*, *up*, *never mind*, *sure*, *quick*, *now*, *shan't*, *wakeup*, *of course*, *by-the-bye*, *I fancy*, *why*).

Переводя междометия, переводчику необходимо учитывать тот факт, что в контексте междометие приобретает определенное значение, привносит в высказывание субъективность и обладает определенным коммуникативным воздействием на адресата речи, т.е. имеет все те черты, которыми наделена и эмоционально-оценочная лексика.

Существуют два разных подхода к переводу междометий:

1) учет и опора только на графическую форму и поиск эквивалентного соответствия в лексикографических источниках;

2) контекстуальная обусловленность и «ноэмати́ческая рефлексия», интуиция переводчика при поиске аналогов и адекватных форм передачи как эмотивной, так и лингвокультурной составляющей вокального жеста в переводящем языке [7].

В первом случае междометие чаще всего получает не только сходную функционально-прагматическую окраску в случае поверхностной идентификации эмотивной компоненты значения, но и аналогичную орфоэпию и орфографию:

'Ah, well! It means much the same thing,' said the Duchess	Ханумдиз ебхьюру ва ударкьан нач шулдар. – Агь , йиз юкIв, – гьапи дугъу	Герцогиня услышала, но нисколько не смутилась. – Ах, душечка, – сказала она
--	--	--

В данном примере мы прослеживаем аналогичную орфоэпию (транскрипцию), представленную в оригинале. Однако данный способ не пользуется популярностью при переводе на табасаранский язык, т.к. фонетическая система табасаранского языка существенно отличается от английской. Соответственно, эмоциональные реакции в табасаранском отличаются от реакций в английском языке, а эквивалент может быть частично соответствовать фонетически:

'Hush! Hush!' said the Rabbit in a low, hurried tone	– Чшш! Чшш! – Гьюру дугъаз чушшар апуру.	– Тсс! Тсс! – зашикал на нее Кролик.
--	---	--------------------------------------

Примечательно, что транскрибирование междометий применяется в следующих случаях:

1. Если междометие – индивидуальное.

'Ahem!' said the Mouse with an important air, 'are you all ready? This is the driest thing I know. Silence all round, if you please!	– Эгъкхем! – Кьюлу аышкь кади уьгыйир апуру. – Хиял вуйиз, вари гьязурди а, кIури. Гьамус гьамшваь варитIан гьеебцу шейь, узуз аьгьюганси, кхегьемву!	– Экхем! – торжественно прокашлялась Мышь. – Ну, я надеюсь, все готовы? Так вот, воспользуемся самым сухим предметом, какой мне известен, кхегем!
so eagerly that the Gryphon said, in a rather offended tone, 'Hm! No accounting for tastes! Sing her "Turtle Soup," will you, old fellow?'	Люкьасландиз гиранра кмиди гьабхьнийи. – Гьм! Дици вуш, ккуниб апIинай, – ккудулхуру думу. – ТIямарикан гьюжатар апуруб дар! Уву дугъаз «Балугьарин Жукракан» йип, кьабир!	Грифон даже немного обиделся. – Гм! Ну что ж, как угодно, – проворчал он. – О вкусах не спорят! Спой ей «РЫБАЦКУЮ УХУ», старик!

3. Если эквивалент в языке перевода имеется, но переводчику важнее передать национальный колорит, и поэтому он копирует фонематическую форму.

4. Если переводчику важнее сохранить ритмическое подобие облика междометия (стихотворный перевод).

(In which the cook and the baby joined): –‘ Wow! wow! wow!’	(Думу Кьасабрина бицири хьипну кIуру): Уа-гья! Уа-гья! Уа-гья!	(Его дружно подхватили Повариха и младенец): Уа-а! Уа-а! Уа-а!
--	--	---

Данный случай употребления междометия и его перевод можно отнести к последним двум случаям. Междометие *Wow! wow! wow!* используется не для выражения радости, восторга (ура), а для убаюкивания младенца.

Показательным примером второго подхода с изменением как написания, так и звучания, однако максимально близким соответствием эмоциональной и лингвокультурной доминанте переводящего языка служит следующий вариант перевода:

There was nothing so VERY remarkable in that; nor did Alice think it so VERY much out of the way to hear the Rabbit say to itself, ‘ Oh dear! Oh dear! I shall be late!’ (when she thought it over afterwards, it occurred to her that she ought to have wondered at this, but at the time it all seemed quite natural);	Мушваь думукьанди русвагь шлубра адайи; Алиса чав, Гъярабатайи фу-вуш гьяпиган, думукьан мягьталра гьяхьундайи (дугъу гьяпнийи: « Гъей-гъей-гъей! Къан шулазуз!»).	Тут, разумеется, еще не было ничего такого необыкновенного; Алиса-то не так уж удивилась, даже когда услышала, что Кролик сказал (а сказал он: «Ай-ай-ай! Я опаздываю!»).
---	---	---

Oh dear! – является смешанным междометием «первичное Oh + вторичное dear». Выражает панику, спешку, *dear* – смягчает выражение. В табасаранском языке передается первичным «*гъей*», но вместо редупликации междометия (как в английском языке) происходит утроение. Данное междометие *Oh dear! Oh dear!* можно перевести на табасаранский язык калькированием: «*Я жан! Я жан!*» или опустить междометие и редуплицировать «*Къан шулазуз!*», тем самым компенсируя опущение междометия.

Suddenly she came upon a little three-legged table, all made of solid glass; there was nothing on it except a tiny golden key, and Alice's first thought was that it might belong to one of the doors of the hall; but, alas! either the locks were too large, or the key was too small, but at any rate it would not open any of them.	Алиса гизаф шад гъахънийи: дугъу му жюлег, саб дарш сабуну ракнинун ву кЛури, фикир аПуру. Гъайиф! Белки рукъар лап ахъюдар, хъа жюлег къадарсуз бицИиб вуйиган, гъаддиз дидхъан саб ракинра хътЯбкъюз гъабхъундаршул.	Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей. Но увы! Может быть, замки были слишком большие, а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери.
--	---	--

Простое первичное междометие *alas* в табасаранском имеет эквивалент *гъайиф*.

'Well, I'll eat it,' said Alice, 'and if it makes me grow larger, I can reach the key; and if it makes me grow smaller, I can creep under the door; so either way I'll get into the garden, and I don't care which happens!'	– Баладар , ипИдиза, – гъапи Алисаяи. – Зурбар гъахъиш, жюлег ккадагъидиза, кучИвиш, ракникк ккуршдизу. Фици гъабхъишраб, багъдиз адахъидизу!	– Ну и ладно, съем, – сказала Алиса. – Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану еще меньше, пролезу под дверь. Будь что будет – в сад я все равно заберусь!
--	---	--

Производное междометие передано в табасаранском переводе словом «*баладар*», которые выражает безразличие к ситуации. Данный вариант по своему значению ближе к производному междометию *nevermind*.

'Ugh!' said the Lory, with a shiver.	– Брррр! – ГугутИипран сес шулу. Думу гъаз-вущ гукИни дубхънайи.	– Б-рррр! – откликнулся Попугай. Он почему-то весь дрожал.
--------------------------------------	---	--

Простое первичное междометие *ugh* используется для выражения досады, пренебрежения (тьфу, фи, фу), в некоторых случаях интереса (ах, кхе-кхе) и в зависимости от последующей реплики – *бррр*! В табасаранском переводе дается эквивалент *брррр*.

Стоит отметить, что современный перевод отличается прагматичностью, усиливается тенденция к выдвигению на передний план адекватности при отходе эквивалентности на второй план. Эта тенденция особенно ярко прослеживается на примере перевода междометий, которые часто имеют нулевой перевод помимо указанной выше контекстуальной адаптации.

Нулевой перевод первичных междометий:

‘Oh, hush!’ the Rabbit whispered in a frightened tone. ‘The Queen will hear you!’	– Явашди! – Гъюру дугъакна явашди клуру. – Шагъбикайиз ебхъуз мумкину!	– Тише! – снова опасливо шикнул на нее Кролик. – Королева может услышать!
---	---	--

В некоторых случаях, опущенное междометие может компенсироваться знаменательной частью речи:

‘Oh dear, what nonsense I’m talking!’	Жан аллагъ , узу ккабхъуб гъаз клура!	Господи, какую я чепуху болтаю!
---------------------------------------	--	---------------------------------

Сложное смешанное междометие *oh dear* компенсируется в русском простым производным междометием *господи*.

‘There’s no such thing!’ Alice was beginning very angrily, but the Hatter and the March Hare went ‘ Sh! sh! ’ and the Dormouse sulkily remarked,	– Гъаз гъапиш душава павидла айи! – Гъапру павидла? – Алиса тюнт шулу. – Учву гъапнийчва, душава... Мушвахъ Гъюрна Бачук! дугъхъанди хъюгъру, хъа хъял кубчъву Сунайи клуру	– Какое повидло? – возмутилась Алиса. – Вы говорили, там был... Но тут Шляпа и Заяц ужасно зашикали на нее, а Соня надулась и сказала:
---	--	--

Вторичные междометий, в отличие от первичных междометий, имеют семантическую значимость, поэтому при переводе необходимо отталкиваться от контекстуальной обусловленности междометия с учетом эмоциональной компоненты значения.

Вторичные междометия в функции побуждения подвергаются модуляции, т.е. смысловому / логическому развитию:

‘Come, there’s no use in crying like that!’ said Alice to herself, rather sharply;	– Гъаму вуйи узуз ккимбуб! – гъапи Алисаяи чав чаз хъял кади. – Нивгъариинди дердназ кюмек аплуз шулдар! Гъамусди увкан ккебехъуб тлалаб ап!ураза!	– Ну вот, еще чего не хватало! – сказала Алиса себе довольно строго. – Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту!
--	--	--

В английском побудительное производное междометие *Come* используется Алисой, чтобы успокоить и подбодрить саму себя. В табасаранском переводе происходит замена следствия процессом: производное междометие преобразуется в восклицательное предложение *Гъаму вуйи узуз ккимбуб!*

В отдельном случае происходит замена процесса его следствием:

“Come, my head’s free at last!” said Alice in a tone of delight,	– Гъуррай! Клул азад гъабхъну! – чигъ аплуру Алисаяи шадди,	– Ура! Голова на воле! – закричала Алиса в восторге,
--	--	---

Вторичное побудительное междометие заменяется в переводе на первичное восклицательное междометие, употребляющееся в качестве торжествующего восклицания, выражающего восторг, радость, общее воодушевление.

'Well! I've often seen a cat without a grin,' thought Alice; 'but a grin without a cat! It's the most curious thing I ever saw in my life!'	« Пагъ, вайгъарай! – фикир апГуру Алисайи. – Инч! кайи Гагу – дихърур дар, хъа чав инч! Гагу хътарди – му фу вуш аьгъдарзуз!»	«Вот это да! – подумала Алиса. – Кот с улыбкой – и то редкость, но уж улыбка без кота – это я прямо не знаю что такое!»
---	--	---

В других случаях происходит целостное преобразование. Вторичное междометие может быть заменено в переводе на первичное междометие или смешанное:

Вторичное междометие, используемое как эмоциональное, может быть переведено эквивалентом:

'Well, I'll eat it,' said Alice, 'and if it makes me grow larger, I can reach the key; and if it makes me grow smaller, I can creep under the door; so either way I'll get into the garden, and I don't care which happens!'	– Баладар , ипИдиза, – гъапи Алисайи. – Зурбар гъахъиш, жюлег ккадагъидиза, кучИвиш, раккникк ккуршдизу. Фици гъабхъишраб, багъдиз адахъидизу!	– Ну и ладно, съем, – сказала Алиса. – Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану еще меньше, пролезу под дверь. Будь что будет – в сад я все равно заберусь!
--	---	--

Производное междометие передано в табасаранском варианте «*баладар*», которое выражают безразличие к ситуации.

Междометия, которые используются для привлечения внимания адресата, передаются в табасаранском языке первичными междометиями:

Why , Mary Ann, what are you doing out here! Run home this moment, and fetch me a pair of gloves and a fan! Quick, now!	– Гъей , Мэри-Энн! Уву мушварихъан гъаз гъидицурава? – ч!и гъапГуру дугъу. – Гъамусди хулаз душну, узухъна мик!рачна бегълийр аькьин! Гъан, ухди ривш!	– Эй, Мэри-Энн! Ты что тут околачиваешься? – крикнул он. – Сию минуту беги домой и принеси мне веер и бальные перчатки! А ну пошевеливайся!
--	--	---

Производное междометие *why* используется для привлечения внимания. По этому признаку в табасаранском используется *гъей*.

– Here , Bill! The master says you're to go down the chimney!	– Гъей , Билль, гъеобхъинуз? Аьхюри турбайиъ увуз уч!в к!ура! – Ибшида, чве!	– Эй, Билль, слышал? Хозяин тебе велит лезть в трубу! – Давай уж, брат!
--	---	---

В данном примере, помимо подбора эквивалента, происходит лексическое добавление *Ибирида, чве!*

В тех случаях, когда междометие часто используется в оригинале, переводчик прибегает к опущению вторичного междометия, чье эмоциональное значение выступает как добавочное, и значение «сомнения» передается знаменательными частями речи:

Well, perhaps you haven't found it so yet," said Alice	– Белки, учкван сабан мицир гъахъундаршул, – гъапи Алисайи,	– Ну, может быть, с вами просто так еще не бывало, – сказала Алиса
--	---	--

Заключение

При переводе междометий, которые относятся к эмотивной лексике, стоит учитывать не только орфоэпию и орфографию исходного эмотива, но и контекстуальную обусловленность наряду с эмоциональным значением. Проанализировав все представленные первичные и вторичные междометия в «Alice in Wonderland» и их перевод, мы приходим к выводу, что переводчик учитывает эмоциональное значение и контекстуальное значение больше, чем форму и звучание.

Список литературы

1. Апетян М.К. Междометия в английском языке // Молодой ученый. 2014. № 14. С. 96-98.
2. Джабраилова В.С. К вопросу о переводе междометий с английского языка на русский // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-5. С. 31-33.
3. Дониная О.В., Борискина О.О. Эмотивная лексика в аспекте ареальной вариативности // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №4. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2016/04/2016-04-09.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).
4. З.М. Загиров, Загиров В.М., Курбанов К.К., Ханмагомедов Б.Г.-К., Шалбзов К.Т. Табасаранско-русский словарь / ДНЦ РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. / Под ред. д.ф.н., проф. Б.Г.-К. Ханмагомедова. Махачкала: Издательство «Лотос», 2017. 448 с.

5. Загиров З.М. Современный табасаранский язык. Изд. 2-е, доп. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. 488 с.
6. Кэрролл Л. Алиса Аьламатнан Виляятдиь / Перевод с русск. на табасаранский язык, выполн. Омаровой Г. URL: <https://disk.yandex.ru/d/BsrVbdgTde8L1g> (дата обращения: 15.04.2022).
7. Серебрякова С.В., Яковлева Е.В. Подходы к переводу междометий и релятивов как лингвокультурных компонентов общения // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (часть 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17513> (дата обращения: 15.04.2022).
8. Стаценко А.С. Некоторые трудности перевода эмоциональной лексики с английского языка на русский // Концепт. 2014. № 4. С.2-5.
9. Туебекова З.Д. Место междометий в системе частей речи современного английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Атинский пед. ин-т иностр. яз. Алма-Ата, 1984. 20 с.
10. Ханмагомедов Б.Г.-К., Шалбуза К.Т. Табасаранско-русский словарь. М.: Наука, 2001. 476 с.
11. Чуранова Е. К проблеме классификации междометий английского языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. Т. 61. № 11. С.172-178.
12. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
13. Шихалиева С.Х. Язык и поэтика Г. Омаровой в межкультурной коммуникации. Махачкала: АЛЕФ, 2020. 68 с.
14. Эргашева С.Б. К проблеме изучения эмоционально-экспрессивной лексики современного английского языка // Молодой ученый. 2015. № 1(81). С. 425-427. URL: <https://moluch.ru/archive/81/14635/>(дата обращения: 15.04.2022).
15. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland <https://www.gutenberg.org/files/11/11-h/11-h.htm> (дата обращения: 10.04.2022).

References

1. Apetjan M.K. Mezhdometija v anglijskom jazyke [Interjections in English]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2014, no. 14, pp. 96-98.
2. Dzhabrailova V.S. K voprosu o perevode mezhdometij s anglijskogo jazyka na russkij [On the question of translating interjections from English into Russian]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences], 2016, no. 5-5, pp. 31-33.
3. Donina O.V., Boriskina O.O. Jemotivnaja leksika v aspekte areal'noj variativnosti [Emotive vocabulary in the aspect of areal variability]. *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [VSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2016, no. 4. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2016/04/2016-04-09.pdf> (accessed April 15, 2022).
4. Zagirov Z.M., Zagirov V.M., Kurbanov K.K., Hanmagomedov B.G.-K., Shalbzov K.T. *Tabasaransko-russkij slovar'* [Tabasaran-Russian dictionary] / DNC RAN, Institut jazyka, literatury i iskusstva im. G. Cadasy. Mahachkala: «Lotos» publ., 2017, 448 p.
5. Zagirov Z.M. *Sovremennyj tabasaranskij jazyk* [Modern Tabasaran language]. Mahachkala: IJaLI DNC RAN, 2014, 488 p.
6. Carroll L. *Alisa A'lamatnan Vilajatdi* [Alice in Wonderland]. URL: <https://disk.yandex.ru/d/BsrvBdgTde8L1g> (accessed April 15, 2022).
7. Serebrjakova S.V., Yakovleva E.V. Podhody k perevodu mezhdometij i reljativov kak lingvokul'turnyh komponentov obshhenija [Approaches to the translation of interjections and relatives as linguistic and cultural components of communication]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 1(1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17513> (accessed April 15, 2022).
8. Stacenko A.S. Nekotorye trudnosti perevoda jemocional'noj leksiki s anglijskogo jazyka na russkij [Some difficulties in translating emotional vocabulary from English into Russian]. *Koncept* [Concept], 2014, no. 4, pp. 2-5.
9. Tuebekova Z.D. *Mesto mezhdometij v sisteme chastej rechi sovremenno-go anglijskogo jazyka* [The place of interjections in the system of parts

- of speech of the modern English language]. Abstract of PhD dissertation. Alma-Ata, 1984, 20 p.
10. Hanmagomedov B.G.-K., Shalbuza K.T. *Tabasaransko-russkij slovar'* [Tabasaran-Russian dictionary]. Moscow: Nauka Publ., 2001, 476 p.
 11. Churanova E. K probleme klassifikacii mezhdometij anglijskogo jazyka [On the problem of classification of interjections of the English language]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [OSU Bulletin], 2006, vol. 61, no. 11, pp. 172-178.
 12. Shahovskij V.I. *Jazyk i jemocii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and emotions in the aspect of linguoculturology]. Volgograd: «Peremena» Publ., 2009, 170 p.
 13. Shihalieva S.H. *Jazyk i pojetika G. Omarovoј v mezhkul'turnoj kommunikacii* [Language and poetics of G. Omarova in intercultural communication.]. Mahachkala: ALEF Publ., 2020, 68 p.
 14. Jergasheva S.B. K probleme izuchenija jemocional'no-jekspressivnoj leksiki sovremennogo anglijskogo jazyka [On the problem of studying the emotional and expressive vocabulary of the modern English language]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2015, no. 1(81), pp. 425-427. URL: <https://moluch.ru/archive/81/14635/> (accessed April 15, 2022).
 15. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland URL: <https://www.gutenberg.org/files/11/11-h/11-h.htm> (accessed April 15, 2022).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Касимова Румина Небиевна, магистрант

Дагестанский государственный университет

ул. Магомеда Гаджиева, 37, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367031, Российская Федерация

rulina.nebievna@mail.ru

Шахэмирова Светлана Вагидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков

Дагестанский государственный университет

*ул. Магомеда Гаджиева, 37, г. Махачкала, Республика Даге-
стан, 367031, Российская Федерация*
vagidovas@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Rumina N. Kasimova, master student

Dagestan State University
37, Magomed Hajiyev Str., Makhachkala, Republic of Dagestan,
367031, Russian Federation
rumina.nebievna@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0120-2889>

Svetlana V. Shakhemirova, Ph.D., Associate Professor, Associate Pro-
fessor of the Department of the English language

Dagestan State University
37, Magomed Hajiyev Str., Makhachkala, Republic of Dagestan,
367031, Russian Federation
vagidovas@mail.ru

Поступила 01.05.2022
После рецензирования 19.06.2022
Принята 24.06.2022

Received 01.05.2022
Revised 19.06.2022
Accepted 24.06.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-354-376

УДК 811.112.2'42:004.738.5

«ПЛАКАТНЫЙ ВАНДАЛИЗМ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ГЕРМАНИИ

Л.М. Генералова

Цель. Представленное исследование нацелено на уточнение в соответствии с задачами исследования определения понятия «плакатный вандализм». В статье дана характеристика протестной коммуникации; выделены и описаны основные компоненты политического плаката как незаменимого элемента предвыборной кампании; изложены результаты анализа *plakat busting* как практики современной протестной коммуникации в Германии; рассмотрены основополагающие признаки данного поликодового явления; описана классификация материальных практик трансформации инициального плаката и механизм егоресемиотизации. Актуальность данной статьи определяется вхождением ее в круг интересов изучения протестной коммуникации.

Метод или методология проведения работы. Эмпирический материал был отобран методом сплошной выборки на официальных платформах интернета. Методы исследования включают в себя общенаучные методы анализа и синтеза, интерпретативный метод, контент-анализ. Материалом исследования послужили предвыборные плакаты.

Результаты. Рассмотрены основные практики плакатного вандализма, используемые в результате ресемиотизации по отношению к предвыборным плакатам; детерминирована корреляция между трансгрессивным способом использования практик и формированием как нового реактивного пространства, так и новых дискурсивных практик; описаны основные дифференциальные признаки предвыборного плаката как поликодового текста.

Область применения результатов. Полученные результаты вносят вклад в дальнейшее развитие исследований протестной коммуникации. Результаты исследования могут быть использова-

ны в базовом курсе прикладной лингвистики, лингвокультурологии и социолингвистике.

Ключевые слова: протестная коммуникация; политический плакат; плакатный вандализм; номинализация; ресемиотизация

POSTER BUSTING IN GERMAN POLITICAL COMMUNICATION

L.M. Generalova

Purpose: *The presented research is aimed at clarifying the definition of the concept of «Poster busting». The article presents the characteristics of protest communication, highlights and describes the main components of the political poster as an ultimate element of the election campaign as well as it shows the results of the analysis of poster busting as a practice of modern protest communication in Germany. The article considers the fundamental features of this polycode phenomenon, gives the classification of material practices of transformation of the initial poster and the mechanism of its resemitization. The purpose of this article is determined by its inclusion in the circle of interests of the study of the protest communication.*

Method or methodology of the study. *The study was conducted with the method of overall selection of empirical material from the official internet platforms. Research methods include general scientific methods of analysis and synthesis, an interpretive method, content analysis. The research material was election posters.*

Results. *The main practices of poster busting used as a result of resemitization in relation to election posters are considered, the correlation between the trans-aggressive way of using practices and the formation of both a new reactive space and new discursive practices is determined, the main differential features of an election poster as a polycode text are described.*

Practical implications. *The obtained results contribute to the further development of research on protest communication. The research results can be used in the basic course of applied linguistics, linguoculturology and sociolinguistics.*

Keywords: protest communication; political poster; poster busting; protest communication; nominalization; resemiotization

Плакатный вандализм как новое направление в практике протестной коммуникации

Протестная коммуникация – особый тип проактивно-реактивной коммуникации на публичном уровне, содержание которой определяют темы протеста, акторы, дискурсивные стратегии, уникальные возможности предметной, пространственно-временной, социальной организации протестной активности, а также высокая степень технологичности с использованием эффективных ресурсов новых медиатехнологий для визуализации протеста [2; 3; 5].

Одним из незаменимых элементов протестной коммуникации и обязательным средством убеждения в контексте избирательных компаний считается предвыборный плакат. Он является ресурсом коммуникации, служащим для передачи идей, эмоций через изображение с целью привлечения особым способом внимания зрителя с последующим его убеждением. Политические плакаты подвержены постоянным изменениям, представляют собой типичный пример визуальной политической коммуникации, так как используют языковые элементы, которые несут информацию о моральных и социальных ценностях, нормах, убеждениях. При этом ключевые образы на плакатах служат для уточнения позиций и понятий, устные заявления сокращены до тегов. Таким образом «документируется» окружающая действительность. Благодаря лаконичному содержанию, персонализации и визуализации они становятся прототипической формой политической коммуникации. Это идеальное средство для достижения поставленных предвыборных целей за относительно короткий промежуток времени.

В последние десятилетия в период предвыборных кампаний все чаще наблюдается такое явление, как «Plakatbusting» (плакатный вандализм). Плакаты модифицируются (любой элемент текста или изображения), высмеиваются, что свидетельствует о привлечении пристального внимания к определенному кандидату или партии.

Несмотря на то, что с юридической точки зрения «плакатный вандализм» представляет собой особый вид вандализма, подразумевающий «крайне неправильное использование плаката» [4], и такое нарушение предусматривает крупный денежный штраф и арест сроком до 2-х лет (согласно параграфу 303 Уголовного кодекса Германии), данная практика является актуальным элементом протестной коммуникации и трансгрессивного дискурса [7; 8; 14; 15].

Предмет и методология исследования

Предметом исследования являются практики плакатного вандализма, которые подразумевают создание реактивного плаката вследствие ресемiotизации инициального плаката. Исследователи различают три формальных типа плаката: плакаты с надписью или типографикой, плакаты с чистым изображением, плакаты с надписью и изображением, и единодушны в том, что предвыборный плакат представляет собой сложный полисемiotический и вербально – графический текст, элементы которого играют важную роль в целенаправленном конституировании текстового значения [11]. Изображения на плакате активно используются для привлечения внимания потенциальных избирателей и особенно важны с точки зрения психологии выборов и формирования эмоционального настроения у избирателей. Реципиенты воспринимают, в первую очередь, образы, содержание которых понимают быстрее, чем текст, благодаря положительному влиянию на эффект памяти. Языковые средства служат для передачи рациональной аргументации. Максимальное использование потенциала обоих кодов позволяет реализовать синергетическое взаимодействие между ними. Вышеперечисленное дает нам право описывать политические плакаты как сочетания контекстуальных, коммуникативно-функциональных и структурно-грамматических признаков.

Для политических (предвыборных) плакатов характерны следующие важные элементы – заголовок, лозунг и название партии.

Заголовок является своего рода «приманкой для глаз», которая должна привлечь внимание реципиента, вызвать его интерес, обя-

зательно выделяться на общем плакатном фоне с лингвистической или типографской точки зрения, благодаря вопросам (в том числе и риторическим), восклицаниям, аллюзиям, риторическим фигурам, каламбурам или пунктуацией.

Слоган выполняет имиджеобразующую функцию, цель которой узнавание партии по последовательно и регулярно используемому лозунгу, который оказывает сильное влияние на закрепление в памяти реципиента.

Название партии на предвыборных плакатах является необходимым элементом, дающим возможность проголосовать именно за эту партию, и несет контактную функцию (интернет-адрес партии), таким образом, позволяет избирателю получить самостоятельно дополнительную информацию в зависимости от его интересов.

Что касается модели коммуникации в предвыборных плакатах, то здесь главным образом используется повествование от первого лица с отождествлением себя с партийной программой или просто повествование о партии. Часто на плакатах можно наблюдать третье лицо, которое не имеет отношения к партии, но является элементом аргументации для потенциального избирателя голосовать за данную партию (дети, пенсионеры, мигранты и т.д.).

На уровне адресата различают предполагаемых и фактических реципиентов. Последние представляют собой контингент, который может увидеть предвыборный плакат в задуманном контексте.

Исходя из вышесказанного, в данной статье мы предусматриваем решение следующих исследовательских задач: анализ интерактивного функционала; описание ресемiotизации как конститутивной практики генерирования нового смысла от инициального к реактивному плакату; описание типов изменения инициального плаката; выявление тематической и дискурсивной специфики реактивного плаката.

Анализ объектов и специфики тематизации плакатного вандализма

Анализируемый нами поликодовый (Text-Bild-Sorte) текст наделен следующими дифференциальными признаками:

- локальность визуального пространства, требующая особой эффективности его организации посредством невербальных, паравербальных знаков, множеством экстралингвистических критериев [10];
- дизайн, направленный на максимальный эффект и визуальную идентичность, представленный, как правило, эллиптическими текстами и с профессионально оформленными фотографиями [9];
- использование множества семиотических ресурсов, средств коммуникационного дизайна [Там же];
- широкая (двувекторная) адресация с предпочтительной анонимностью субъекта «плакатного вандализма»;
- слияние разнообразных жанров [Там же];

например:

Ироническое обыгрывание фамилии кандидата от СПГ (Петар Дракул) с использованием практики приклеивания буквы (изменяющего графический компонент плаката) и прорисовка клыков придает реактивному плакату схожесть с рекламой постера киноиндустрии [16].

Рис. 1

- ресемиотизация как конститутивная практика генерирования нового смысла, реализуемая через специфическую форму интертекстуальности посредством использования трансгрессивных способов использования знаков (Zeichenpraktiken) и направленная на диалогичность в публичном пространстве; формирования нового модифицированного / реактивного пространства с целью сознательного подрыва и дистанцирования реконтекстуализации [9; 12; 13];

- «критическое» изменение инициального предвыборного плаката методом преобразования рекламы партии или кандидата в функцию антирекламы или антипропаганды [17]:

Рис. 2

За последние десятилетия плакатный вандализм достиг огромных масштабов. Плакаты модифицируют, критикуют, высмеивают, что свидетельствует о том, что партии не только заявляют о своих проблемах, но и мобилизуют своих сторонников и привлекают внимание к избирательной кампании. Все это сопровождается высокой степенью критичности.

При этом, как бы ни было это банальным, семиотические ресурсы для отчуждения берутся, как правило, из оригинальных (инициальных) плакатов партий. Ресемиотизация как процесс невозможна без интертекстуальной отсылки к инициальному плакату, так как предполагает семиотическую основу для манипуляций. Специфи-

ческие характеристики предвыборной кампании в плакатах определяют специфику и направление коммуникации, которые переосмысливаются и эксплуатируются в новом контексте.

Метками номинализации выбирают простые, не требующие объяснений практики. Модификации могут быть выполнены несколькими способами, влияющими как на текст, так и на элемент изображения, например, путем надрывания или срывания элементов, до/наклеивание элементов на свободные части плаката, загрязнение плаката, дорисовка узнаваемых/ знаковых элементов, затемнения или добавления элементов, добавления комментариев и т.д. [9]. Все вышеперечисленные практики направлены на осуществление первоочередной задачи – уничтожение материалов (информации) плаката.

Рис. 3

В данных примерах критика относится к политической программе партии путем создания диалога с плакатом и изменением заявления плаката посредством добавления новых слов [17]. На инициальном плакате НДПГ наблюдаем экстремистское высказывание в адрес Али (пренебрежительное обращение к мигрантам), из-за которого растет криминогенный потенциал

Рис. 4

Германии. Мигрантам предлагают отправиться домой. Потенциальный реципиент вступает в диалог, выделяя экспрессивность своего высказывания разноцветными маркерами в реактивном плакате, и акцентирует внимание на том, что его родина – Германия.

Практики плакатного вандализма могут привести и к тематической/дискурсивной трансформации:

Рис. 5

На плакате партии ХДС рекламный слоган «Gemeinsam erfolgreich in Europa» путем практики зачеркивания элементов превратился в «Einsam reich in Europa». Так, тема «сплочение нации» трансформировалась в тему «одна богатая в Европе» [18].

На следующем плакате данной партии изображена кандидат в Бундестаг Катарина Райхе, слоган плаката – «Катарина Райхе идет в Бундестаг» [18]. Использование практики загрязнения плаката и ироничного высмеивания фамилии привело к тематической трансформации – «Богатых в Бундестаг».

Рис. 6

Анализ эмпирического материала показал, что трансформациям чаще всего подвергаются так называемые «кодовые слова», которые отличаются своей лаконичной формой и имеют эмоциональную силу притяжения по отношению к потенциальным избирателям. К кодовым словам относятся «Zukunft», «Sicherheit», «neu», «Veränderung», «Wachstum», «Arbeitsplätze», «Europa» и т.д.

Фонем инициального плаката служит флаг Евросоюза со слоганом «Укрепление Европы означает укрепление Германии» [19]. Благодаря техникам модификации происходит дискурсивное изменение, и «Европа» меняется на «дедушку». Таким образом, мы

наблюдаем смену темы плаката. Тема «*сплоченная Европа*» – «*пенсионеры*». Парафраз будет звучать следующим образом: «Германия будет успешна только в том случае, если пенсионеры будут благополучны в финансовом плане» [9].

Рис. 7

Анализ эмпирического материала показал, что одной из самых распространенных практик в Германии является практика загрязнения плаката или дорисовывания узнаваемых элементов. Данная практика наиболее ярко подтверждает политику неодобрения. Забрасывание плакатов грязью, наклеивание жевательной резинки, применение природных продуктов также является формой ресемитизации плаката, презрения к изображаемому лицу.

Добавленные компоненты могут быть связаны семантически с элементами инициального плаката, но при этом образуют новое окружение для немодифицированных компонентов. Наш анализ показал, что таким трансформациям подвергаются, как правило, лица лидеров партии или кандидатов в парламент.

На плакате кандидата от партии левых изображена лидер партии оппозиционеров Сара Вагенкнехт. Вандалы облили ее лицо

краской и написали краткий слоган «Настоящее лицо убийцы демократии» [17].

Рис. 8

Подобная модификация выражает неприятие данного кандидата на выборах, нежелание видеть его на телевидении, где Сара Вагенкнехт является частым участником всевозможных теледебатов и ведет свое еженедельное шоу.

В качестве элементов дорисовки в данной практике выступают очки, усы, бороды и прочие аналоги, которые могут быть узнаваемы и могут нести с собой определенную смысловую нагрузку. Большинство таких трансформаций основано на сатирическом и ироническом подходе с целью высмеять плакатного героя, часто преобладают «гитлеровские усики» или другие детали, способные вызвать отчуждение, отвращение или презрение.

Наряду с подрисовкой «гитлеровских усиков» бывшему канцлеру Германии мы наблюдаем также зачеркивание отдельных элементов текста, что в конечном итоге привело к фразе «Мой рейх (моя империя)», что также отсылает потенциального адресата ко времени правления Адольфа Гитлера [17].

Рис. 9

Рис. 10

Христианско-социальный союз в Баварии позиционирует себя как партия демократов-консерваторов, которая выступает за реализацию христианских общечеловеческих идеалов в государственной политике. Слоган на плакате – «Моя Европа в безопасности и защищает свои внешние границы». Добавленный графический компонент связан с модифицированными компонентами инициального

плаката, при этом формируется новый контекст (искажению подверглось лицо немецкого политика, одного из лидеров партии) [19].

Рис. 11

Плакат представительницы партии АдГ выполнен на голубом фоне, который является цветом этой партии. Слева портрет самого делегата, под ним – его имя, справа – слоган партии «Германия – нормальная страна, мы – тоже» [20]. Подрисовка из игры слов все изменила. Явно критический смысл трансформации (когда происходит сравнение партии с нацистами) говорит о недоверии электората к данной партии. Суть мультимодальных транскрипций изображения и текста предназначена для высмеивания партии. Смысл исходного плаката семантически и дискурсивно смещен.

Рис. 12

Рис. 13

Тема: *социально-экономическое процветание страны* – терроризм

В конце 2015 г. фраза Меркель «Мы сделаем это» стала определяющей для миграционной политики Германии. Канцлер рассказывала о «прекрасных примерах успешного человеческого развития среди мигрантов». Спустя годы Меркель назвала неуправляемый (порой нелегальный) поток беженцев как самую большую проблему за 16 лет ее пребывания у власти [21]. Сотни немецких женщин подверглись сексуальным домогательствам, многочисленные грабежи, стремительно выросли показатели преступности по всем городам Германии.

Приписываемое слово «террористы» ассоциативно отсылает адресатов плаката к тяжелому миграционному кризису, наблюдаемому в настоящий момент в Германии, а также роли бундесканцлера в данном кризисе.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в следующем примере. Изменение инициального плаката путем исправления/добавления буквы “d” привело к совершенно противоположному смыслу лозунга партии. Вместо заявленного «Германия – сильная страна и должна руководить», в реактивном плакате меняется смысл на противоположный – «Германия – сильная страна и должна страдать».

Рис. 14

Рис. 15

На предвыборном плакате правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» первоначально был девиз «Больше Германии, меньше Брюсселя» [17].

Имидж партии – евроскептицизм, противодействие политике немецкого правительства по отношению к Евросоюзу и еврозоне. Партия выступает за экономическую поддержку Германии, в первую очередь, ее восточных земель. На модифицированном плакате посредством практики подрисовывания элементов мы наблюдаем сформированный новый контекст с присущим ему искажением лица кандидата партии и девизом – «Больше цветов – меньше расистов». Основными избирателями партии являются жители восточной Германии, представители низших слоев общества с ярко выраженными протестными настроениями по отношению к мигрантам, исламизму, росту цен, экономической политике правительства, которые требуют ужесточения иммиграционной политики и т.п. Это, в свою очередь, вызывает недовольство у правящего класса и

истеблишмента, которые все чаще в предвыборных дебатах обвиняют АдГ в расизме.

Рис. 16

Следующий инициальный (базовый) плакат имеет в различных местах всевозможные приписки, искажения, трудно разобрать первоначальный текст плаката [17].

Можно предположить, что приписки, выполненные черным маркером, носят оскорбительный характер. Неясно также, были ли они сделаны одним человеком или группой лиц. Над черным тоном приписка красного цвета с высказыванием Розы Люксембург о том, что «Свобода – это прежде всего свобода для инакомыслящих». Данный плакат представляет остроумный, мультимодальный ответ на озвученное в черном шрифте. Наглядно продемонстрировано, как диалог с предвыборным плакатом подвергся последовательной трансформации, выраженной в многослойном обновлении.

Выводы

Проведенный нами анализ различных практик «плакатного вандализма» показал, что все они, независимо от типа практики, пред-

полагают обязательное преобразование инициального (базового) плаката с целью создания реактивного плаката с новым визуальным пространством. Такая ресемиотизация является основой для сатирической, дискурсивной, тематической трансформаций и приводит к обязательному и целенаправленному диалогизму между инициальным и реактивным. Одновременно с диалогизмом необходимо отметить диалогичность создаваемых реактивных плакатов прежде всего между политиками, изображенными на реактивных плакатах, и массовым реципиентом, для которого предназначено данное зрительное пространство. Самой популярной практикой плакатного вандализма среди политических плакатов является практика дорисовки/подрисовки (очки, бородки, усики, зубы и т.д.). Такая практика имеет высокую степень диалогичности, так как выражает протест/несогласие с персоной, изображенной на плакате. В качестве формы проявления неприятия могут выступать также другие графические символы - точки, волнистые линии, диаграммы.

Стоит отметить тот факт, что элементы подрисовки входили в стандартный набор практик и существовали с момента появления предвыборных плакатов. Однако в последнее время существенно изменилось качество реактивных плакатов. За последние годы в немецких СМИ появилось ряд работ, посвященных этой проблеме, в которых ресемиотизацию плакатов предлагают рассматривать как отдельный вид искусства. Классический предвыборный плакат с кандидатом на фоне партии практически ушел в небытие. Сегодня реактивные плакаты ориентированы на креативность, сатирическое или художественное переосмысление содержания. Использование всевозможных мемов, стикеров и других элементов сетевой культуры в качестве составляющих протестной коммуникации направлены на порождения у потенциального избирателя желания разгадать задуманное, создать дополнительный эмоциональный уровень симпатии или антипатии к партии/политику (см. [22]).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193 «Протестная коммуникация в современном информационном пространстве России и Германии».

Список литературы

1. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста // Философский журнал. 2018. Т. 11. №2. С. 91-105. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105>
2. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. № 4(3). С. 140-164. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/10189/11037> (дата обращения: 15.04.2022).
3. Генералова Л.М. Протестная мобилизация в сообществах социальных сетей Германии: пространственно-временное измерение (дискурсивная и жанровая специфика) // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 3. С. 236-262. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-3-236-262>
4. Adamzik K. Textlinguistik. Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven. 2., vollig neu bearbeitete, aktualisierte und erweiterte Neuauflage. Berlin & Boston: de Gruyter, 2016, 407 S.
5. Baringhorst, Sigrid. 2012. Culture Jamming - Dekonstruktion kommerzieller Marken im politischen Protest. In Anja Besand (Hrsg.), Politik trifft Kunst. Zum Verhältnis von politischer und kultureller Bildung. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, S. 105-117.
6. Huber, Julia. 2017. Wahlplakate zum Davonlaufen: Was wollen uns diese Politiker sagen? In Focus Online Wahlplakate zum Davonlaufen: Was wollen uns diese Politiker sagen? - FOCUS Online [30.01.2018].
7. Luginbuhl, Martin & Claudio Scarvaglieri. 2018. Diskursive Interdependenz im Abstimmungskampf. Die Plakate der Schweizerischen Volkspartei (SVP) und ihre Verarbeitung in verschiedenen Kommunikationsbereichen. In Steffen Pappert & Sascha Michel (Hrsg.), Multimodale Kommunikation in öffentlichen Räumen. Texte und Textsorten zwischen Tradition und Innovation. Stuttgart: ibidem, 159186.
8. Michel, Sascha & Steffen Pappert. 2018. Wahlplakat-Busting: Kommunikative Spuren der Aneignung von Wahlplakaten im öffentlichen Raum. Fallanalysen - Forschungsfragen - Perspektiven. Ein Werkstattbericht. In Steffen Pappert & Sascha Michel (Hrsg.), Multimodale Kommunikation

- in öffentlichen Räumen. Texte und Textsortenzwischen Tradition und Innovation. Stuttgart: ibidem, 187-199.
9. Michel S., Pappert S. Wahlplakat-Busting. Formen und Funktionen einer (neuen) Textmuster Mischung // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2018b. 68. S. 3-33.
 10. Pappert, Steffen. 2017b. Plakatbusting: Zur Umwandlung von Wahlplakaten in transgressive Sehflächen. In Heidrun Kamper & Martin Wengeler (Hrsg.), Protest - Parteienscheitern - Politikverdrossenheit. Politikkritik in der Demokratie. Bremen: Hempel, 55-75.
 11. Maria ROSSLER 2018 Die Sprache von Wahlplakaten Eine Analyse von sprachlichen Strategien politischer Werbung anhand von Wahlplakaten der österreichischen Nationalratswahl 2017. Graz. URL: <https://unipub.uni-graz.at/obvugrhis/content/titleinfo/3290446>
 12. Schmitz, Ulrich. 2018. Im Raume lesen wir die Macht. Zeichen der Macht im öffentlichen Raum des Ruhrgebiets. In Steffen Pappert & Sascha Michel (Hrsg.), Multimodale Kommunikation in Öffentlichen Räumen. Texte und Textsorten zwischen Tradition und Innovation. Stuttgart: ibidem, 133-158.
 13. Schroter M., Pappert S. Wahlplakatbusting. Kunst oder Kritik? // Katapult. Magazin für Kartografie und Sozialwissenschaft. 2015. URL: <https://katapult-magazin.de/de/artikel/artikel/fulltext/kunst-oder-kritik/>.
 14. Scollon, Ron & Suzie Wong Scollon. 2003. Discourses in Place: Language in the Material World. London: Routledge.
 15. Ziegler, Evelyn. 2013. Sehflächen im sozialen Kontext. In Hermann Colfen & Patrick Voßkamp (Hrsg.), Unterwegs mit Sprache. Beiträge zur gesellschaftlichen und wissenschaftlichen Relevanz der Linguistik. Duisburg: UVRR, 321-344.
 16. URL: <https://drlima.net/2014/04/verschoenerung-eines-wahlplakates-ein-spd-politiker-antwortet-cool/> (дата обращения 23.04.2022)
 17. Katapult-Magazin. URL: <https://katapult-magazin.de/en/article/kunst-oder-kritik> (дата обращения 13.05.2022)
 18. Zettelwirtschaft. URL: <https://www.zettelwirtschaft-hamburg.de/europawahl-2014-wahlplakatbusting/> (дата обращения 08.05.2022)
 19. Degruyter. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/zfal-2018-0002/html?lang=de> (дата обращения 12.04.2022)

20. Sudkultur. URL: (<http://www.sued-kultur.de/tiefgang/auch-rechte-ohne-recht/>) (дата обращения 12.04.2022)
21. Tagesschau. URL: (<https://www.tagesschau.de/inland/merkel-3531.html>) (дата обращения 03.05.2022)
22. Urbanshit. URL: (<https://urbanshit.de/warum-wahlplakat-adbustings-so-durch-die-decke-gehen-interview-mit-dem-wahlbeobachter-martin-fuchs/>) (дата обращения 03.05.2022)

References

1. Barash R.E., Antonovskiy A.Yu. Sistemno-kommunikativnoe isledovanie radikal'nyh dvizhenij, ili kak vozmozhna Nauchnaja teoriya protesta [System-communicative study of radical movements, or how the scientific theory of protest is possible]. *Filisofskij zhurnal* [Journal of Philosophy], 2018, vol. 11. no. 2, pp. 91-105. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105>.
2. Barash R.E., Antonovskiy A.Yu. Sovremennaya protestnaya kommunikatsiya v kontekste sistemno-kommunikativnogo podhoda [Modern protest communication in the context of a systemic-communicative approach]. *Kommunikatsii. Media. Dizain* [Communications. Media. Design], 2019, no. 4 (3), pp. 140-164. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/10189/11037> (accessed 15.04.2022)
3. Generalova L.M. Protestnaja mobilizacija v soobshhestvah sozial'nyh setej Germanii: prostranstvenno-vremennoe izmerenie (diskursivnajai zhanrovaj aspeziifika) [Protest mobilization in German social network communities: spatio-temporal dimension (discursive and genre specifics)]. *Sovremennye issledovanija sozialnyh problem* [Modern Problems], 2021, vol. 13. no 3., pp. 236-262. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-3-236-262>
4. Adamzik K. Textlinguistik. Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven. 2., vollig neu bearbeitete, aktualisierte und erweiterte Neuauflage. Berlin & Boston: de Gruyter, 2016. 407 S.
5. Baringhorst, Sigrid. 2012. Culture Jamming - Dekonstruktion kommerzieller Marken im politischen Protest. In Anja Besand (Hrsg.), Politik trifft Kunst. Zum Verhältnis von politischer und kultureller Bildung. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 105-117.

6. Huber, Julia. 2017. Wahlplakate zum Davonlaufen: Was wollen uns diese Politiker sagen? In Focus Online Wahlplakate zum Davonlaufen: Was wollen uns diese Politiker sagen? - FOCUS Online [30.01.2018].
7. Luginbuhl, Martin & Claudio Scarvaglieri. 2018. Diskursive Interdependenz im Abstimmungskampf. Die Plakate der Schweizerischen Volkspartei (SVP) und ihre Verarbeitung in verschiedenen Kommunikationsbereichen. In Steffen Pappert & Sascha Michel (Hrsg.), *Multimodale Kommunikation in öffentlichen Räumen. Texte und Textsorten zwischen Tradition und Innovation*. Stuttgart: ibidem, 159-186.
8. Michel, Sascha & Steffen Pappert. 2018 a. Wahlplakat-Busting: Kommunikative Spuren der Aneignung von Wahlplakaten im öffentlichen Raum. Fallanalysen - Forschungsfragen - Perspektiven. Ein Werkstattbericht. In Steffen Pappert & Sascha Michel (Hrsg.), *Multimodale Kommunikation in öffentlichen Räumen. Texte und Textsorten zwischen Tradition und Innovation*. Stuttgart: ibidem, 187-199.
9. Michel S., Pappert S. Wahlplakat-Busting. Formen und Funktionen einer (neuen) Textmischung. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*, 2018b, 68, pp. 3-33.
10. Pappert, Steffen. 2017b. Plakatbusting: Zur Umwandlung von Wahlplakaten in transgressive Sehflächen. In Heidrun Kamper & Martin Wengeler (Hrsg.), *Protest - Parteienscheitern - Politikverdrossenheit. Politikkritik in der Demokratie*. Bremen: Hempen, 55-75.
11. Maria ROSSLER 2018 Die Sprache von Wahlplakaten Eine Analyse von sprachlichen Strategien politischer Werbung anhand von Wahlplakaten der österreichischen Nationalratswahl 2017.
12. Schmitz, Ulrich. 2018. Im Raume lesen wir die Macht. Zeichen der Macht im öffentlichen Raum des Ruhrgebiets. In Steffen Pappert & Sascha Michel (Hrsg.), *Multimodale Kommunikation in öffentlichen Räumen. Texte und Textsorten zwischen Tradition und Innovation*. Stuttgart: ibidem, 133-158.
13. Schroter M., Pappert S. Wahlplakatbusting. Kunst oder Kritik? *Katapult. Magazin für Kartografie und Sozialwissenschaft*. 2015. URL: <https://katapult-magazin.de/de/artikel/artikel/fulltext/kunst-oder-kritik/>.
14. Scollon, Ron & Suzie Wong Scollon. 2003. *Discourses in Place: Language in the Material World*. London: Routledge.

15. Ziegler, Evelyn. 2013. Sehflachen im sozialen Kontext. In Hermann Colfen& Patrick VoBkamp (Hrsg.), *Unterwegs mit Sprache. Beitrage zur gesellschaftlichen und wissenschaftlichen Relevanz der Linguistik*. Duisburg: UVRR, 321-344.
16. <https://drlima.net/2014/04/verschoenerung-eines-wahlplakates-ein-spd-politiker-antwortet-cool/> (accessed 23.04.2022)
17. Katapult-Magazin. URL: <https://katapult-magazin.de/en/article/kunst-oder-kritik> (accessed 13.05.2022)
18. Zettelwirtschaft. URL: <https://www.zettelwirtschaft-hamburg.de/europ-awahl-2014-wahlplakatbusting/> (accessed 08.05.2022)
19. Degruyter. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/zfal-2018-0002/html?lang=de> (accessed 12.04.2022)
20. Sudkultur. URL: (<http://www.sued-kultur.de/tiefgang/auch-rechte-ohne-recht/>) (accessed 12.04.2022)
21. T agesschau. URL: (<https://www.tagesschau.de/inland/merkel-3531.html>) (accessed 03.05.2022)
22. Urbanshit. URL: (<https://urbanshit.de/warum-wahlplakat-adbustings-so-durch-die-decke-gehen-interview-mit-dem-wahlbeobachter-martin-fuchs/>) (accessed 03.05.2022)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Генералова Лариса Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики
Волгоградский государственный университет
пр-т Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская
Федерация l.m.generalowa@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Larisa M. Generalova, PhD in Philology, Associate Professor
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation
l.m.generalowa@volsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0807-391X>

Поступила 19.06.2022

После рецензирования 01.07.2022

Принята 02.07.2022

Received 19.06.2022

Revised 01.07.2022

Accepted 02.07.2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИМИТАЦИЯ И СИМУЛЯЦИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ НАРРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ
МЕДИЕВАЛИЗМЕ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ
И ЕЕ (ДЕ)КОНСТРУКЦИИ
М.В. Кирчанов 14

(ДЕ)КОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАЦИИ
СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО МЕДИЕВАЛИЗМА:
«ИЗОБРЕТЕНИЕ» СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЕМИ КОРОЛЕВСТВ ВЕСТЕРОСА
М.В. Кирчанов 48

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
А.В. Неронов, М.Ю. Неронова 74

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ»
В ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТЕ КАК ЧАСТЬ КОНЦЕПЦИИ
ОБУЧЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕМЕЦКИХ
И РОССИЙСКИХ АВТОРОВ)
**И.В. Высоцкая, Т.Г. Йованович,
Н.В. Алексеенко, О.В. Лазарева** 92

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ИДЕАЛОВ
А.К. Ерохин 110

РОЛЬ СОНКО В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ О.Ю. Кутумова, Н.В. Тихонова, М.В. Шубкин, А.О. Сабанова	122
---	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ О.М. Осиянова, А.О. Юдина	145
--	-----

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФОЛЬКОЛОРИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ) Т.Г. Волошина, Ю.С. Блажевич, Н.В. Нерубенко, А.С. Герасина	159
---	-----

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖА И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЕЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК Т.В. Сапух, А.В. Черникова	172
---	-----

АМБИВАЛЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР ОЦЕНИВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПЕРИОДА COVID-19 В ДИНАМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ) А.В. Тактарова, М.Н. Черкасова	183
--	-----

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Л.А. Кауфова, И.Б. Кауфова	197
--	-----

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВАЛЛИЙСКОСТИ В АНГЛО-ВАЛЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ Е.И. Абрамова	215
---	-----

ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛНОЦЕННОГО ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ Ю.В. Артемьева, Ю.В. Явари	235
---	-----

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА КУЛИНАРНЫХ ШОУ ДЖЕЙМИ ОЛИВЕРА С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК) Е.В. Жучкова, А.А. Шагеева, С.А. Иванова	254
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ЛЕКСЕМЫ «СОСТОЯНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Л.Н. ТОЛСТОГО) С.А. Кабанова	270
АЛЛЮЗИВНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ С ОБЩЕЙ СЕМАНТИКОЙ «УЧИТЕЛЬ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Н.В. Поспелова	287
ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОСНОВАМ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА Л.В. Науразбаева	300
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В НЕМЕЦКОМ ИНТЕРВЬЮ В.В. Ловянникова, И.Г. Колиева	309
НАУЧНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ А.Р. Сушкова	327
АНГЛИЙСКИЕ ЭМОТИВЫ В ТАБАСАРАНСКОМ ПЕРЕВОДЕ «АЛИСА АБЛАМАТНАН ВИЛЯТДИЪ» Р.Н. Касимова, С.В. Шахэмирова	341
«ПЛАКАТНЫЙ ВАНДАЛИЗМ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ГЕРМАНИИ Л.М. Генералова	354
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	377

CONTENTS

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

- IMITATION AND SIMULATION OF THE MEDIEVAL NARRATIONS
IN MODERN MEDIEVALISM: FEATURES OF THE STRUCTURE
AND ITS (DE)CONSTRUCTION
M.W. Kyrchanoff 14
- (DE)CONSTRUCTION OF THE HISTORICAL NARRATION
OF MODERN AMERICAN MEDIEVALISM: THE “INVENTION”
OF THE SOCIAL AND POLITICAL HISTORY OF THE SEVEN
KINGDOMS OF WESTEROS
M.W. Kyrchanoff 48

PHILOSOPHICAL STUDIES

- PECULIARITIES AND PROBLEMS OF PERSONALITY
IDENTIFICATION IN THE MODERN WORLD
A.V. Neronov, M.Yu. Neronova 74
- «EDUCATIONAL TOURISM» IN THE THIRD AGE
AS A PART OF EDUCATIONAL CONCEPTION OF THE EVERYDAY
LIFE (BASED ON STUDY MATERIALS OF GERMANY
AND RUSSIAN RESEARCHERS)
I.V. Vysotskaya, T.G. Yovanovich, N.V. Alekseenko, O.V. Lazareva 92
- PHILOSOPHY OF LAW AS A PRACTICAL EXPRESSION
OF SOCIAL IDEALS
A.K. Erokhin 110
- THE ROLE OF SONPOS IN THE PRESERVATION AND PROMOTION
OF PUBLIC HEALTH IN THE KRASNOYARSK REGION
O.Yu. Kutumova, N.V. Tihonova, M.V. Shubkin, A.O. Sabanova 122

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

ELECTRONIC BUSINESS CORRESPONDENCE TEXT IN THE PRAGMALINGUISTIC ASPECT O.M. Osiyanova, A.O. Yudina	145
REFLECTION OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL PICTURE OF THE WORLD IN TERMS OF FOLKLORE STUDIES (BASED ON THE PROVERBS AND SAYINGS OF GERMANY AND GREAT BRITAIN) T.G. Voloshina, Y.S. Blazhevich, N.V. Nerubenko, A.S. Gerasina	159
SPEECH CHARACTERISTICS AND METHODS OF ITS TRANSLATION T.V. Sapukh, A.V. Chernikova	172
DYNAMICS OF AMBIVALENT ASSESSMENT OF THE HIGHER EDUCATIONAL PROCESS DURING COVID-19 (THE CASE OF THE STUDENT PRAGMALINGUISTIC SURVEY) A.V. Taktarova, M.N. Cherkasova	183
STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF POTENTIAL NEOLOGISMS IN MODERN ENGLISH L.A. Kaufova, I.B. Kaufova	197
LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING WELSHNESS IN ANGLO-WELSH LITERATURE E.I. Abramova	215
PROBLEM OF ACHIEVING A FULL-FLEDGED REALIA TRANSLATION J.V. Artemyeva, J.V. Yavary	235
AUDIOVISUAL TRANSLATION OF GASTRONOMIC DISCOURSE (ILLUSTRATED BY JAMIE OLIVER'S COOKING SHOWS TRANSLATIONS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN) E.V. Zhuchkova, A.A. Shageeva, S.A. Ivanova	254

SEMANTIC AND SYNTACTIC FEATURES OF PREPOSITIONAL CASE
FORMS OF THE LEXEME “STATE” IN THE RUSSIAN LANGUAGE
(BASED ON LEO TOLSTOY’S PROSE)

S.A. Kabanova 270

ALLUSIVE PROPER NAMES WITH COMMON SEMANTICS
“TEACHER” IN MODERN ENGLISH

N.V. Pospelova 287

PECULIARITIES OF TEACHING POLICE OFFICERS THE BASICS
OF THE RUSSIAN SIGN LANGUAGE

L.V. Naurazbaeva 300

IMPLEMENTATION OF LINGUISTIC ECONOMY PRINIPLES
IN A GERMAN INTERVIEW

V.V. Lovyannikova, I.G. Kolieva 309

SCIENTIFIC HUMANITARIAN DISCOURSE IN THE RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES: INTERTEXTUAL MARKERS ANALYSIS

A.R. Sushkova 327

ENGLISH EMOTIVES IN TABASARAN TRANSLATION ALISAH
AYLAMATNAN VILAYATDI

R.N. Kasimova, S.V. Shakhemirova 341

POSTER BUSTING IN GERMAN POLITICAL COMMUNICATION

L.M. Generalova 354

RULES FOR AUTHORS 377

Подписано в печать 31.10.2022. Дата выхода в свет 31.10.2022. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 27,64. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP14-3/022. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.